

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ МОЛДАВСКОЙ ССР
Кишиневский государственный университет имени В. И. Ленина

*ДЕРИВАТОЛОГИЯ
И ДИНАМИКА
В РОМАНСКИХ
И ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ*

Романо-германская филология

Межвузовский сборник

1118210

КИШИНЕВ «ШТИИНЦА» 1989

ВОЛОГОДСКАЯ

Редакционная коллегия:

Е.С.Аксентий (отв. секретарь), Ф.П.Балабан, В.И.Банару,
И.М.Думбравяну, И.З.Маноле, Д.А.Меленчук (зам.отв. редактора),
Г.С.Чинчлей (отв. редактор)

В сборнике освещены вопросы взаимодействия и функционирования единиц различных подсистем языка, результаты исследования словообразовательных гнезд деривационных парадигм, выявлены текстообразующие потенции последних, словообразующие и фразообразующие особенности текстов языковых стилей. Описаны преморфологические глагольно-субстантивные образования и функционально-семантическая динамика лексем в составе фразеологических единиц. Показано варьирование языковых структур.

Работа предназначена для лингвистов, преподавателей-словесников, аспирантов и студентов-филологов.

Утверждено к изданию ученым советом
Кишиневского государственного университета имени В.И.Ленина

Д 4602020100 - I4 184-89

И755(10) - 89

ISSN 5-376-00019-2

© Издательство "Штиинца", 1989

Е. С. Аксентий

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

В рамках современного учения о производности проблема словообразовательного значения (СЗ), несомненно, относится к центральным и наиболее сложным. Специфика словособразования в структуре языка определяется средствами выражения СЗ.

Цель данной статьи - найти оптимальное определение СЗ, показать его отношение к лексическому и грамматическому значениям.

Термин "словообразовательное значение" ввел Э.Сепир. Он считал необходимым различать "основные (конкретные)", "деривационные", "реляционные", а также промежуточные "конкретно-реляционные" понятия. Деривационное понятие объединялось с основными по признаку конкретности и неспособности выражать синтаксические отношения [8, с.78-79, 68-69].

Некоторые лингвисты определяют СЗ как промежуточное между лексическим и грамматическим значениями слова. Однако грамматическое значение присуще всем словам исследуемой части речи. Например, предметность обозначают все имена существительные, значение процессуальности свойственно глаголам, а СЗ несут лишь группы слов, относящихся к той или иной части речи. Так, значение "опредмеченного действия" свойственно всем именам существительным с суффиксами -ation, -age, -ement: *organisation, planification, célébration, ravitaillement, lavage*. Значение действующего лица содержат не все существительные, а только образованные при помощи суффикса -eur (*organisateur, chanteur, danseur*) и некоторых других. Суффикс -iste образует имена существительные, обозначающих лиц, принадлежащих к различным политическим, социальным, философским, литературным, религиозным и иным течениям: *léniniste* (сторонник концепций Ленина), *marxiste* (сторонник теории Маркса), *raciste* (сторонник теории расизма).

В отличие от лексического значения СЗ не является индивидуальным для каждого слова в отдельности. Кроме того СЗ имеет, как правило, специальное средство выражения - словообразовательный формант. Для наименования профессии используется суффикс -eur: *colifeur* (тот, кто причесывает), *vendeur* (тот, кто продает), *chasseur* (тот, кто занима-

ется охотой). Однако слово *maître*, обозначая профессию учителя, не обнаруживает словообразовательной семантики, так как не обладает словообразовательным формантом и внешне не коррелирует с мотивирующим глаголом.

В ряде работ отмечался двуприродный характер СЗ. Так, А.А.Реформатский [6] деривационное значение, наряду с реляционным, включает в грамматическое значение, а вместе с вещественным - в лексическое.

Основным способом выявления СЗ в [7] является сопоставление мотивированных и мотивирующих слов. Для группы существительных со значением отвлеченного процессуального признака в [7] выделено несколько суффиксов. Характеризуя главные признаки семантической структуры производных слов, авторы основываются на положении о том, что они обозначают предметы "через установление той или иной связи между данным предметом действительности и другими" [2, с.421]. СЗ определяется ими как "общее значение, которое отличает все мотивированные слова данного типа от их мотивирующих" [3, с.135]. Признак общего значения для производных одного и того же типа находим и у других лингвистов.

В литературе по словообразованию неоднократно отмечалось, что понятие СЗ весьма разноречиво и не имеет исчерпывающего определения. Дискуссионным является также вопрос о носителе СЗ.

СЗ основываются на различных концепциях. Общее значение связывается: 1) с наличием у производных одного и того же форманта; 2) с наличием одной и той же структурной модели; 3) с тем, что производные и производящие вступают в определенные отношения друг с другом.

В первом случае носителем СЗ является формант. Таким образом подчеркивается автономный характер СЗ. С некоторыми оговорками это положение приемлемо для суффиксальных производных, но недостаточно для иных видов деривации, где, несмотря на отсутствие суффикса, СЗ существует. Например, в производных с нулевым суффиксом: *sevaer* → *action de sevaer*, *marche* → *action de marcher*.

Г.О.Винокур отмечает, что сам по себе суффикс не имеет никакого значения и "обладает значением только в той мере, в какой он изменяет значение первичной основы в значении производной основы, вносит в значение первой ту или иную модификацию" [2, с.425]. Иными словами, Г.О.Винокур определил место СЗ в семантической структуре языка: оно заключено в производном и выявляется только при сопоставлении производного и производящего слов.

Выявляя СЗ при семантическом сопоставлении производного и производящего слов, исследователи рассматривают его в двух аспектах.

Основное различие сводится к тому, что СЗ трактуется как повторяющиеся семантическая "сумма" производящей основы и словообразовательного аффикса или семантическая "разность" производного и производящего. В первом случае носителем СЗ будет словообразовательная модель, во втором - аффикс. Определение СЗ как семантической "разности" недостаточно для дифференциальной характеристики омонимичных аффиксов. Сопоставив слова *feuillage, veuvage, sondage* с их производными *feuille, veuf, sonder*, выделим словообразовательный формант *-age*. Но в первом примере он имеет значение совокупности, во втором - состояния, в третьем - действия.

В суммативной трактовке производное слово рассматривается как двухкомпонентная единица, приближающая к пониманию СЗ в значении словообразовательной модели. Положительным в данном определении является то, что учитывается семантика производящей основы.

На функцию модели указала Н.Д.Арутюнова, считая, что словообразовательная конструкция включает в себе лишь обобщенную семантику производного слова и выявление СЗ переносится на описание того общего, что характеризует производные одного словообразовательного ряда, одной модели [I, с.33].

Согласно Е.А.Земской, СЗ является "общим для производных данного типа и устанавливается на основании семантического соотношения производящих и производных" [3, с.185]. СЗ обнаруживается не в одном производном и не в их группе, а в производных, построенных по формуле определенного словообразовательного типа.

Углубленное изучение СЗ позволило описать его на высшем уровне абстракции. По мнению В.Н.Хожлачевой, СЗ представляет собой высшую абстракцию по сравнению с конкретным значением производных слов и их совокупности. СЗ - это "некоторое семантическое единство, инвариантное по отношению к каждому из значений словообразовательного типа (модели)" [II, с.22]. Для этого автора аффикс является морфемой, лишенной собственного значения, а роль его - чисто функциональной. Но если аффиксальная морфема лишена собственных значений и не служит средством передачи отношения производности, то во многих случаях словообразовательные типы должны различаться только формально. Однокоренные слова *élévation* и *élevage* имеют одинаковое СЗ: опрачованное действие по глаголу *élever*. Однако производное *élevage* реализует первое значение глагола "разводить", а именно: разведение скота, скотоводство, в то время как производное *élévation* реализует остальные значения глагола: возвышать, возносить; строить, возводить, соиздать; растить, воспитывать. Суффиксы *-age* и *-ation* имеют общее значение действия по глаголу, но, присоединяясь к одной глагольной основе, реализуют разные его значения. Суффикс *-age* называет

конкретное действие, а суффикс *-ation* - абстрактные.

Семантическая обусловленность производного слова значением производящего, описанная как взаимодействие категориальных значений, вскрывает мотивированный характер слова, а не сущность СЗ. Такая трактовка частично приемлема для синтаксической деривации, когда производящие и производные слова относятся к разным частям речи и при этом их лексическое значение не меняется. Семантическая классификация лексических дериватов внутри одной части речи по данным критериям невозможна. В области же синтаксической деривации «взаимодействие категорий развивается в направлении "подавления" категориальных свойств, воплощенных в производящих, во имя "торжества" категориальных свойств производных» [II, с.34].

П.А.Соболева, используя категориальные термины "процесс, имеющий отношение к субстанции", "субстанция, имеющая отношение к процессу", "признак, имеющий отношение к признаку" и др., выявляет 16 общих значений. Общее СЗ определяется ею через отношение категориальных значений. Однако не все производные можно описать через эти термины. Поэтому исследователь вносит еще и частные СЗ, которые сосуществуют с общим СЗ [9, с.20-50].

В терминах категориального значения описывает СЗ Е.С.Кубрякова: "Это всегда наложение одного категориального значения на другое, совместная встречаемость по крайней мере двух категориальных значений в пределах одного наименования" [4, с.39]. При определении СЗ автор исходит из положения о том, что оно понимается как значение, находящее свое выражение в производном слове или как отношение между базисом и признаком.

Описание СЗ в терминах категориального значения не дает полной картины семантики производного слова, так как кроме определенного типа отношений между производным и производящим у первого возникают другие значения, которые не отражают данный тип отношений. Как признает Е.С.Кубрякова, производные, особенно существительные, развивают огромное количество специализированных значений, поэтому в целом их семантические границы оказываются трудноуловимыми. Описание СЗ остается незавершенным. В связи с лексикализацией и фразеологизацией производного подлинное различие между производным и производящим словами в одном словообразовательном типе широко варьирует.

На это обратил внимание И.С.Улукханов, заметив, что семантическую разность между словами "кожаный" и "кожанка" образуют значения "пальто" или "куртка". Но эту разность нельзя приписать суффиксу *-ка*, так как он имеет и другие значения. Каждое мотивированное слово состоит из формантной и мотивирующей частей. Наличие дополнительных семантических компонентов делает мотивированное слово идиома-

тичным. Поэтому И.С.Улукханов выделяет в значении словообразовательных мотивированных слов три составные части: мотивирующая часть, выраженная словом или комплексным наименованием, часть, выраженная словообразовательным формантом; семантические компоненты, не входящие ни в мотивирующую, ни в формантную часть. Последняя может отсутствовать в значении мотивированного слова [10, с.71-78].

Аналогичные идеи о природе СЗ развивает Р.С.Манучарян, утверждая, что СЗ "включает в себя ту часть плана содержания, которая повторяется в них и объединяет их в один типовой образец - модель" [5, с.14].

Каждый суффикс обладает определенным значением, но в каждом конкретном случае оно зависит от специфических особенностей производящей основы, интегрируется в значение производного слова, сливается с ним.

В слове *création* суффикс *-ation* придает имени существительному значение действия, как и в слове *organisation*. Тем не менее эти слова неравнозначны. Существительное *création* не имеет производящего глагола. В его словарной статье мотивирующим выступает глагол *brûler* (*création action de brûler les cadavres*). А производное слово *organisation* соотносится семантически и формально с однокоренным глаголом *organiser*. В этих примерах СЗ действия выражено суффиксом *-ation*.

В существительном *constellation* формально вычленяется суффикс *-ation*. Но слово имеет значение не действия, в совокупности: *constellation-groupe apparent d'étoiles qui présente un aspect reconnaissable*. Следует подчеркнуть, что суффикс реализует значение в составе словообразовательной модели, а слово *constellation* построено не по модели.

На определенность модели указывала также Н.Я.Янко-Триницкая, подчеркивая, что значение суффикса реализуется только в соединении с производящей основой, в сопровождении системы флексий. Поэтому целесообразно говорить не об отдельном аффиксе, а о значении, которое создается совокупностью структурных компонентов производного слова [12, с.85]. Поскольку в понятии модели заложена идея схемы, она представляет собой структурную единицу языка, формальный прием объединения слов с общим словообразовательным элементом в единый, относительно обозримый класс. Словообразовательная модель - это своего рода программа для создания новых слов. В качестве компонентов модели выступают слова конкретной части речи и конкретный аффикс.

Модель создается по общему форманту и частеречному признаку производящего и производного слов. Содержание модели способно варьировать, получать дополнительные, "приращенные" значения, т.е. она может быть многозначной. Так, производное слово *équipement* построено по

модели "глагольная основа + суффикс -ment", обладает семами действия и совокупности. Слово *patûrage*, построенное по модели "глагольная основа + суффикс -age", также имеет семы действия и наименования места его проведения. В случаях многозначности модели говорят о вариантности форманта.

СЗ может быть выражено несколькими словообразовательными моделями:

<i>développement, déracinement:</i>	Rv ^ж + ement
<i>dégradation, amélioration:</i>	Rv + ation
<i>clivage, blanchissage:</i>	Rv + age
<i>tuerie, tromperie:</i>	Rv + erie
<i>surveillance, préférence:</i>	Rv + ance (ence)
<i>montée, arrivée:</i>	Rv + ée
<i>roulade, promenade:</i>	Rv + ade
<i>combinaison, fleuraison:</i>	Rv + aison
<i>épluchure, déchirure:</i>	Rv + ure
<i>marche, cesse:</i>	Rv + ϕ .

СЗ данных слов тождественно - это значение действия, выраженное разными моделями. Общая сема действия объединяет их в словообразовательный тип.

СЗ толкует общее, регулярное значение, которым отличаются производные (мотивированные) слова с общим или синонимичным формантом. СЗ выявляется при сопоставлении производного (мотивированного) слова с производящим (мотивирующим) словом. При общем СЗ могут выступать частные. Общее значение показывает путь, по которому пойдет развитие слова. Сема действия может предопределять дальнейшие значения, а именно: результат действия, место и время его осуществления, наименование предмета, полученного в результате действия, соположение и др.

Л и т е р а т у р а

1. Арутюнова Н.Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961.
2. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
3. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
4. Кубрякова Е.С. Об основной единице словообразовательной системы языка // Актуальные проблемы русского словообразования. Ч. I. Ташкент, 1978.

^ж R - radical; v - verbe.

5. Манучарян Р.С. Значение деривационное и значение словообразовательное // Актуальные проблемы русского словообразования. Ч. I. Ташкент, 1978.
6. Реформатский А.А. Введение в языковедение. 4-е изд. М., 1967.
7. Русская грамматика. Ч. I. Под ред. Н.Д. Шведовой. М., 1980.
8. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. М.; Л., 1934.
9. Соболева П.А. Аппликативная грамматика и моделирование словообразования. М., 1970.
10. Улуженов И.С. Компоненты значения членимых слов // Вопросы языкознания. 1974. №2.
11. Ходячева В.Н. Словообразование существительных в русском языке: опыт системного исследования. М., 1975.
12. Янко-Триницкая Н.Я. Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах // Развитие современного русского языка. М., 1963.

В.И. Банару, Е.Б. Гончаров

ЗАЛОГ КАК ЯЗЫКОВОЕ СРЕДСТВО ОТОБРАЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕЙСТВИЯ

При определении содержания грамматической категории залога большинство лингвистов оперирует трехчленной структурой (S - V - O), выражающей отношения между действием, субъектом действия и его объектом [2, 3, 4]. В сущности отношения между действием, его субъектом и объектом можно рассматривать как отображение отношений между движением как таковым и его исходной (начальной) и конечной точками, во внеязыковой ситуации являющимися пространственными ориентирами реализации движения как процесса [5, с. 39]. При этом движение следует рассматривать не как конкретное перемещение в пространстве в определенном направлении и при определенных условиях, а как абстрагированное понятие процесса, т.е. вектор.

Глагол будучи основным носителем признака процессности в своих категориях должен отображать как объективное время, так и объективное пространство, являющиеся атрибутами материи. И именно грамматическая категория залога призвана отображать в языке пространственную характеристику движения от его исходной точки (производителя действия) до конечной (объекта), т.е. указывает направленность движения, выраженную семантикой глагола и структурой предложения. Такое толкование залога позволяет говорить о видоизмененнос-

ти системы залогов как во французском, так и в любом индоевропейском языке.

На основе направленности движения в объективно существующей действительности можно вывести понятийные категории его пространственной характеристики. Проще всего принять, что движение может быть направленным (а) и ненаправленным (б). Но эти понятия служат лишь как бы полюсами направленности, а между ними размещается определенное количество явлений, которые допустимо назвать частично-направленными. При этом в одних осуществляется связь движения с начальной точкой, субъектом действия, при невозможности его сочетания с объектом действия; в других — лишь с конечной точкой, объектом действия, при невозможности подстановки субъекта. Поэтому целесообразно говорить о направленном движении (а); исходно-направленном движении (б); конечно-направленном движении (в) и ненаправленном движении (г).

Однако при восприятии пространства к объективной картине мира присоединяется субъективная оценка индивидуума происходящих явлений действительности, т.е. перцептуальная характеристика пространства.

Устройство зрительного аппарата человека обуславливает прямолинейное восприятие окружающего мира. Как бы ни изменялось направление взгляда, он остается однонаправленным. Поэтому движение воспринимается человеком как приближающееся к нему, удаляющееся от него либо как остающееся равноудаленным. В результате движение всегда характеризуется как производимое, испытываемое либо как в определенной мере то и другое одновременно.

Субъективная оценка движения, наслаиваясь на воспринятую картину объективной действительности, позволяет говорить о следующих понятийных категориях-типах пространственной характеристики движения: I) направленное производимое; 2) направленное испытываемое; 3) направленное, одновременно производимое и испытываемое; 4) исходно направленное производимое; 5) исходно-направленное испытываемое; 6) исходно-направленное, одновременно производимое и испытываемое; 7) конечно-направленное, производимое; 8) конечно-направленное испытываемое; 9) конечно-направленное, одновременно производимое и испытываемое; 10) ненаправленное производимое; II) ненаправленное испытываемое; 12) ненаправленное, одновременно производимое и испытываемое.

На глубинно-семантическом уровне эти понятийные категории кодируются в типовые схемы предложения, а на поверхностно-семантическом уровне последние преобразуются в диатезы, которые в дальнейшем приобретают формальное выражение. Однако отсутствие прямого соответствия между смысловой структурой и реальной действительностью, с одной стороны, и между смысловой и формальной структурами предложения, с другой — порождает неоднозначность понятийных категорий простран-

венной характеристики движения и их формального языкового выражения. Некоторые понятийные категории не имеют коррелятов в языке, существуя лишь теоретически, что объясняется в отдельных случаях невозможностью логического представления в неязыковой ситуации, в других — действием запретов и ограничений на употребление той или иной формы, а также нехваткой формальных средств выражения пространственной характеристики движения.

Рассмотрим установленные категориальные значения залога.

1. Направленное производимое движение. Движение воспринимается как восходящее из субъекта и направленное на объект. Выражается действительным залогом. Например: Докладчик уже описал ход спасательной экспедиции (Обручев). *Aline referme von vas, relève le nez (Bazin)*.

2. Направленное испытываемое движение. Действие представляется как исходящее от субъекта и направленное на объект, но оно передано с точки зрения объекта, испытывающего действие. Выражается страдательным залогом. Например: Небольшой зал был переполнен (Обручев). *Les dernières bouteilles furent vite remplies, bouchées et rangées (Troyat)*.

3. Движение направленное, одновременно производимое и испытываемое. Действие представляется как исходящее от субъекта и направленное как на сам субъект действия, так и на внешний объект. В русском языке отсутствует, во французском языке выражается возвратной формой глгола в сочетании с прямым дополнением. Например: *Est-ce que tu te rends compte de ce que ça représente pour moi? (Troyat)*.

4. Исходно-направленное производимое движение. Действие представляется как исходящее из субъекта, но не направленное на какой-либо объект, что как в русском, так и во французском языке выражается непереходными и косвенно-переходными глаголами. Например: За длинным столом перед кафедрой, покрытым зеленым сукном, заседали члены совета общества (Обручев). *On rentre en métro (Rocheport)*.

5. Исходно-направленное испытываемое движение. Представляет собой трансформацию непереходных (косвенно-переходных) глаголов в пассивную форму, при этом конструкция становится безличной, так как невозможность употребления объекта в активной форме порождает в пассивной форме незамещенное место подлежащего. Во французском языке в безличных предложениях место подлежащего замещает "фиктивное подлежащее", местоимение среднего рода "il". Например: Мнсю немало хожено (разговорное). - *Il est défendu de fumer.*

6. Исходно-направленное, одновременно производимое и испытываемое движение. Действие представляется исходящим от субъекта и возвращающимся на сам субъект. Выражается возвратной формой глгола. На-

пример: Все поднялись с мест (Обручев). A la mijullet, mes parents se prèventèrent à l'hôpital (Rocheport).

7. Конечно-направленное производимое движение. Действие, исходящее извне, направлено на объект действия. Выражается безличными объектными предложениями. Например: Его мутит. Il le fallait (Vazin).

8. Конечно-направленное испытываемое движение. Действие, исходящее извне, направлено на объект действия, но глагол при этом имеет пассивную форму. Представлено в русском разговорном языке безличными пассивными предложениями с прямым объектом. (Например: У меня на прошлой неделе корову волками съедено). Широко распространено в украинском (В цьому місці побувано нову школу) и польском языках, во французском языке нами не зафиксировано.

9. Конечно-направленное, одновременно производимое и испытываемое движение. Выражается безличным употреблением возвратного глагола с прямым дополнением. Например: Il se poursuit dans les cadrons toute une alchimie invisible (Saint-Exupéry).

10. Ненаправленное производимое движение. Характеризуется отсутствием как исходной, так и конечной точек движения. Естественно, что в предложении должны отсутствовать как субъект действия, так и объект - безличная форма глагола. Например: Когда рассвело, туман еще не расселся (Обручев), - Il neige.

11. Ненаправленное испытываемое движение. На данном уровне развития языка (и мышления) не представляется возможным определить направленность движения при отсутствии как его исходной, так и конечной точек. Теоретически должно выражаться пассивной трансформацией безличных глаголов. Примеров нами не зафиксировано.

12. Ненаправленное одновременно производимое и испытываемое движение. Выражено безличным употреблением возвратной формы глагола. Такое употребление можно признать категориальным, поскольку возвратный глагол при безличном употреблении имеет сокращенную парадигму спряжения, хотя и сохраняет при этом показатель возвратности. Действие представляется исходящим извне и возвращающимся вовне. Например: Им хочется до непогоды добраться до Ванькина мыса (Обручев). Il ne se passait pas de jour qu'il ne regrettât d'être condamné à l'arrière à cause de son âge (Troyat).

Таким образом, на основе рассмотренных понятийных категорий пространственной характеристики движения во французском языке, как и в русском, выделено 9 залогов, хотя и несколько различных по содержанию. Различие, однако, не противоречит гипотезе о том, что категория залога является языковым средством отображения пространственной характеристики движения.

Л и т е р а т у р а

1. Банару В.И. Типы прадикации во французском языке. Кишинев, 1980.
2. Вондарко А.В. К теории поля в грамматике - залог и залоговость (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1972. №3. С. 20-36.
3. Головин В.Н. Введение в языкознание. 2-е изд., испр. М., 1973.
4. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. М., 1974.
5. Чередниченко В.И. Типология временных отношений в лирике. Тбилиси, 1986.

Т е м ы

- Bazin H. Madame Ek. Paris, 1985.
Rochefort C. Les petits enfants du siècle. Paris, 1969.
Saint-Exupéry A. Terre des hommes, Paris, 1973.
Troyat H. Les remailles et les maisons. - Livre 2: Amélie. Paris, 1972.
Обручев В.А. Земля Санникова. Одесса, 1986.

А.Ф.Вондаренко, С.Г.Малаки

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ТАВТОЛОГИЧЕСКОГО ТОЖДЕСТВА

В системе языка следует дифференцировать предложения типичного и тавтологического тождества, отличающиеся как семантикой и прагматикой, так и лексико-морфологической природой базисных компонентов. (Ср.: "Кишинев - столица Советской Молдавии" и "Брат - это брат"). В предложениях первого типа члены отождествления лексически различаются, тогда как во вторых - составляющие лексически тождественны. Данное тождество является основным признаком предложений рассматриваемого типа. Лексическое различие компонентов в предложениях типичного тождества детерминирует различную их интерпретацию и возможность отнесения к предложениям классификации, идентификации, детерминации, а иногда к квалификативно-оценочным - в зависимости от семантики второго термина отождествления.

В.Г.Гак выдвигает в качестве главного признака предложений тождества равнообъемность термов отождествления [2, с.124]. Данный признак не может считаться основой образования предложений тавтологического тождества. В предложениях типичного тождества равнообъемность

устанавливается между различными лексемами, а в предложениях тавтологического тождества она образуется между лексически тождественными компонентами. Лексическое тождество термов не означает их равнообъемности. Различие объема содержания термов раскрывается на коммуникативном уровне. Если бы предложение утратило свою коммуникативную значимость, то второй терм был бы семантически тождествен первым и им сообщалось бы то, что сообщается и первым термом, а предложение утратило бы свою коммуникативную значимость. Предложение тавтологического тождества как коммуникативная единица создается для сообщения не тождественного, а различного содержания обоих компонентов.

Обычно тавтология определяется как «повторение одних и тех же или близких по смыслу слов, напр. "яснее ясного"...» [1, с.483], "как исчезновение знаков" [3, с.59-60]. А.М.Пешковский назвал предложения данного типа идеальными предложениями тождества [4, с.272]. Он указал на некоторые семантические и прагматические аспекты этого типа предложений: а) более узкое значение второго существительного, чем предполагаемое у собеседника; б) функцию второго имени — обратить внимание слушателя на него и побудить воспринимать его именно так, как понимает говорящий [4, с.271].

Конструкции тавтологического тождества встречаются реже по сравнению с предложениями типичного тождества. Первые характерны для диалогической речи и представляют собой обобщения, к которым приходит говорящий в результате познавательной деятельности. В виду этого они отличаются лаконичностью. Обобщающий характер данных высказываний обуславливает их сращение и функционирование в качестве фразеологических единств: *Trop est trop; Ce qui est dit est dit; Ce qui est écrit, est écrit* (посл.). Предложения рассматриваемого типа распространены в устном народном творчестве:

Дядю-й дял ши валя-й вале,

Мында-й мындре пьне моаре.

Тавтологическое тождество реализуется в структуре всех трех единиц синтаксиса: словосочетания, простого и сложноподчиненного предложений: *Le monstre des monstres (Mauriac); Pour le peuple, la Patrie est toujours la Patrie (NM); Tout ce qu'elle était, elle l'était (Holland)*. Чаще всего оно реализуется структурой простого предложения. Одна из основных конструктивных особенностей данных предложений состоит в том, что они построены по типичной атрибутивной схеме детерминации или классификации: $S + V_0 + At^B$. Лексически тождественные члены тождества должны быть соединены связкой "быть" или другим глаголом в функции атрибутивного: ... *mais un voleur est un voleur (NM); La maison reste la maison (NM)*. Оба компонента тожде-

ственные не только лексически, но и морфологически. На синтаксическом уровне морфологически тождественные компоненты занимают различные синтаксические позиции. Последнее детерминирует различие синтаксических функций тождественного имени: $S+Vc+At^S$. В свою очередь, различие синтаксических функций обуславливает семантическое различие составляющих отождествления.

В функции термов отождествления выступает чаще всего имя существительное, т.е. акту отождествления подлежат в основном отдельные предметы, реже — события. В функции термов отождествления могут выступать и другие части речи, но в таком случае необходимо их абстрактное опредмечивание, реализуемое на уровне языка посредством транспозиции: *Le savoir est toujours le savoir (Merle)*. Субстантивные прилагательные или наречия в качестве термов отождествления чаще всего представляют нормативную характеристику предмета или процесса: *Фрумосул е фрумос; Что хорошо, то хорошо*. Свойство квалификантов репрезентировать квалификативную норму предметов позволяет им занимать позицию подлежащего и восприниматься как имена абстрагированных предметов: *Что хорошо, то хорошо*. Тавтологическое тождество качества может обозначаться структурой как простого, так и сложноподчиненного предложения (*Ce qui est beau, est beau*), а тождество объектов в целом обозначается структурой только простого предложения. Тождественный квалификатив нуждается в грамматической опоре предметного назначения.

Обобщенное значение предложения тавтологического тождества образуется за счет морфологических особенностей составляющих. Существительное оформляется обычно при помощи определенного артикля в единственном числе: *Pour le peuple, la Patrie est toujours la Patrie (NM)*. Если в обычных атрибутивных предложениях имя предикатива используется без артикля, то в предложениях данного типа форма предикатива тождественна форме подлежащего. Несмотря на это их семантике различна: первым компонентом выражаются обобщенные свойства предмета, вторым обозначаются как константные признаки, так и новый, исходящий от говорящего и реализующий его интенцию. Данный признак может получать в контексте обозначение через отдельное имя, а чаще остается принадлежностью фоновых знаний говорящего. Для его вычленения необходимо знать новое содержание, которое вкладывается лицом в понятие содержания предмета. Именно через второй терм тождества продолжается коммуникативная функция всего высказывания. На решающее значение имени предикатива в определении содержания предложения анализируемого типа обращает внимание А.К.Рахманкулова [5]. В структуре синтаксического целого имя второго термина представляет рему.

Термы тавтологического тождества семантически и, следовательно, коммуникативно отличаются: первый имеет обобщенное значение, а второй реализует и индивидуализированное значение, обусловленное восприятием общего, поэтому в его семантике наличествует наряду с общим и частное, соответствующее интенции говорящего. Частное представляет существенную для субъекта качественную сторону предмета. Таким образом, хотя второй терм отождествления имеет предметную функцию, в позиции предикатива он приобретает квалификативное назначение. Предикативу вообще свойственно представлять качественно новую сторону объекта.

Интенция говорящего, реализуемая посредством второго термина, иногда подчеркивается восклицательной формой предложения: *Море - это море! Коммуникативное воздействие на слушающего, а также взаимосвязь между участниками акта коммуникации, осуществляется через второй терм предложения. Коммуникативную перспективу речевого акта обеспечивает данный компонент, именно он обуславливает развертывание речевой цепи, в виду необходимости конкретизации намерения говорящего, материализуемого во втором члене отождествления.*

Неопределенный артикль редко встречается перед терминами отождествления: *Si un délinquant me volait, cela m'attristerait, mais un voleur est un voleur (NM)*. Существительное *un voleur*, имея отрицательное значение, не может создавать предложение тавтологического тождества с определенным артиклем.

Анализ показал, что данные предложения строятся в основном при помощи имен положительной оценки, что согласуется с сентенциозным в какой-то степени их характером. Употребление определенного или неопределенного артикля также неслучайно: определенный артикль чаще используется перед существительными положительной оценки, а неопределенный - перед именами антропонимов, в основном отрицательной оценки, не исключая и обратное явление.

Имя отождествления может оформляться при помощи определенного артикля множественного числа: *Les affaires vont les affaires* (посл.). Аналогично артиклю единственного числа первой его формой актуализируется обобщенное значение имени, второй - как обобщенная сущность предмета, так и индивидуальное, новое качество, исходящее от субъекта речи.

В функции термов отождествления могут выступать наряду с нарицательными и собственные имена: *Claude Piblu devient Claude Piblu (L'Humanité); Shakespeare reste Shakespeare*. Несмотря на тождественную синтаксическую структуру примеры различаются семантикой второго термина. Семантику предложений определяет значение предиката-связки. В первом примере вторым термом сообщается, что данное

лицо приобретает ту качественную положительную характеристику, которую оно имело в прошлом. Высказывание имплицитно и отрицательную манифестацию лица, относящуюся к другим темпоральным его координатам. В целом предложениями с предикатом *devenir* сообщается о приобретенных лицом признаках, в предикате *rester* именуется константные свойства тождественного предмета. Во втором примере первым именем сообщаются типичные и обобщенные признаки, характеризующие драматурга и известные всем. Обобщенность признаков имени собственного аналогична обобщенности признаков имени нарицательного. Следовательно, несмотря на индивидуализированное значение имени собственного оно имеет и обобщенное значение. Вторым термом имени собственного передается новое, дополнительное свойство, которое имеет в виду говорящий. Качество, предсказуемое второму имени, характеризуется интенсифицирующей степенью.

Семантика глагола-связки играет большую роль в определении нового значения, приобретенного вторым именем тождества. В окружении лексически тождественных компонентов глагол-связка проявляет полностью его первичное семантическое значение. Следует подчеркнуть, что новое качество, приобретенное вторым термом отождествления, легче раскрывается в предложениях со связкой "быть", чем в предложениях с другими атрибутивными глаголами. Конструкции с формой "быть" характеризуются большей степенью обобщенности и потому чаще функционируют как сращенные выражения. Для определения нового качества второго термина существенны как контекстуальные связи, так и прагматические данные. В предложениях с другими связками значение второго термина может определяться через содержание самого высказывания. Такие предложения более индивидуализированы, они не достигли той степени абстрагирования, что конструкции со связкой "быть".

Глагол-связка обычно представлен настоящим временем, что согласуется с генерализирующим значением высказывания. Панхроническое время сопровождается иногда темпоральным локативом "всегда", согласующимся с настоящим временем глагола: *Le savoir est toujours le savoir*. Темпоральный атрибут подчеркивает истинностный характер общення.

Изменение глагола-связки имен отождествления влечет за собой изменение логико-семантического отношения между терминами: *Abîme appelle l'abîme*; *L'argent attire l'argent* (посл.). Предложения данного типа построены по субъективно-объектной модели. Функция объекта действия второго термина детерминирует иное логико-семантическое отношение между лексически тождественными компонентами: с логической точки зрения он представляет следствие первого, в результате чего между компонентами существует причинно-следственное отношение. Послед-

нее детерминировано семантикой глаголов. В предложениях с данным логическим отношением используются предикаты, отвечающие примерно следующему значению: повлечь за собой, т.е. показывать результат определенного действия: *attirer, appeler*. Глагол *appeler* в данном лексически тождественном окружении приобретает значение глагола *attirer*, хотя их актуализация осуществляется в структуре различных словосочетаний. Предложения аналогичного типа составляют особую подгруппу конструкций в системе предложений тавтологического тождества.

К предложениям анализируемого семантического типа близки конструкции, построенные по модели экзистенциальных предложений: *Dans chaque abandon, il y a l'abandon (L'Humanité)*. Лексически тождественными являются имена области экзистенции и объекта экзистенции. Данное тождество обуславливает причинно-следственное отношение между терминами. Семантика тождественного имени в данном случае различна: имя в первой позиции представляет частное, что подчеркивается семантикой детерминатива, во второй — общее, что также акцентируется природой детерминатива. Порядок имен общего и отдельного иной, чем в типичных конструкциях рассматриваемых предложений.

Предложения тавтологического тождества встречаются в начале, а чаще в конце определенного абзаца или другого микроконтекста: *A chaque fois que nous, lieux, êtres, nous nous quittons, se répète un c'est — comme si. C'est comme si nous quittons nos enfants ou, enfants, êtions quittés ou que nos enfants nous quittent. Dans chaque abandon, il y a l'abandon (L'Humanité)*. Предтекст является экспликативом последнего предложения, посредством которого обобщается информация микроконтекста. Экспликация компонента *abandon* производится при помощи синонимического коррелята *quitter*.

Наблюдается существенное различие семантики тавтологического тождества на уровнях словосочетания и простого предложения. В сочетаниях типа *Le monstre des monstres (Maupassant)* первый терм имеет индивидуализированное значение, поскольку оно контекстуально определено как отрицательное лицо, включаемое в класс объектов, представленных формой множественного. Последняя репрезентирует дискретное множество, что также имеет значение для локализации оцениваемого лица среди реальных, а не обобщенных, абстрактных предметов. По сравнению с первым именем предложения, имеющего обобщенное значение, в рамках словосочетания данное имя обладает индивидуализированным значением. Рематическую функцию выполняет в таком случае имя не второго, а первого термина. Сочетанием в целом сообщается о превосходной степени качества контекстуально обусловленного имени. Интенсифицирующее значение качества приобретает второй терм не только в сочетаниях с именами квалификативного порядка, но и

в предложениях с нарицательными именами нейтральной лексики.

Таким образом, предложения анализируемого типа представляют тавтологию только в лексическом, но не в семантическом и коммуникативном аспектах. Они не избыточны, а отражают одну из форм познания предмета или явления окружающего мира.

Л и т е р а т у р а

1. Большая советская энциклопедия. Т.25. М., 1976.
2. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. М., 1981.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1968.
4. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
5. Рахманкулова А.К. Семантические аспекты тавтологических тождеств // Семантика слова и предложения. Л., 1985.

Т е к с т ы

L'Humanité. Avril. 1987.

Maupassant Guy de. Bel-Ami. Moscou, 1981.

Mauriac F. Thérèse Desqueroix, Le noeud de vipères. Les chemins de la mer. Moscou, 1966.

Merle R. Derrière la vitre. Moscou, 1979.

Nouvelles de Moscou (NM). Moscou, Février, avril. 1987.

Rolland R. L'âme enchantée. V.1. Moscou, 1955.

Rat Maurice. Dictionnaire de locutions françaises. Paris, 1978.

Е.И.Булгак

К СИНТАГМАТИКЕ КОНТРАСТА

Лингвистическая природа контраста* как система противопоставлений находит выражение в наборе разноуровневых оппозиций и используется в качестве одного из видов семантико-стилистической организации текста. Контраст [3] может быть представлен системными единицами языка (антонимами, эквонимами, оксюморонами), создающими одномерные оппозиции, а также единицами, которые приобретают значение контраста только в условиях речевой ситуации и образуют оппозиции много-

*Контраст понимается нами как наиболее широкое воплощение категории противоположности самыми различными языковыми единицами системного и речевого порядка.

мерные. Изучение языковых и речевых средств, способствующих созданию эффекта контраста и условий его реализации, позволило выявить своеобразия синтагматики контраста в художественном тексте. В речи контраст может иметь относительный характер, складываясь из субъективной оценки объектов и ситуаций действительности. Вместе с тем думается, что контраст играет и упорядочивающую роль, организуя элементы текста: 1) Carmine alla à la découverte de la ville, la nuit tombée; 2) Il s'attendait à une silencieuse errance, à une longue marche nocturne; 3) Palerme ruisselait de lumières; 4) Des ampoules par milliers déchiraient le décor fragile de la nuit; 5) Elles illuminaient les frontons, dessinaient d'un seul trait de feu les statues, les églises, les niches, les fontaines, ou bien, suspendues à des fils, formaient au-dessus des rues d'étrincelantes tonnelles; 6) La ville ressemblait à une salle de bal immense où aurait accès un peuple exténué et ébloui; 7) Pas de musique et moins encore de danseurs; 8) D'envahissantes familles descendues du même fiacre; de la même voiture se dévêraient à travers les rues; 9) Babs en éprouvait de l'irritation; 10) Ce bourdonnement continu; que c'était donc fatigant; 11) Et cette agitation de champ de foire, ces cris inutiles, toutes ces figures de ballet sans signification ... 12) Le fait est ..., commença Babs d'une voix plaintive; 13) Mais le visage de Carmine l'arrêta; 14) Pouvait-elle se douter qu'il aimait cette nuit, ce bruit, cette foule et qu'il trouvait de la beauté là où elle n'en voyait pas?" (Ch. Roux).

В рассматриваемом сверхфразовом единстве исходная пара с контрастным значением фигурирует в его зачатке. Содержательным центром оппозиции является первый компонент (s'attendre à une silencieuse errance, à une marche nocturne), представленный в полуотмеченной структуре (ПС)^{*}, так как второй глагольный компонент контраста имплицирован. Семантика глагола s'attendre, имеющего узвальное значение s'imaginer, prévoir, восполняет имплицированный глагол в исходной паре оппозиции. Пропуск имплицированного компонента неслучаен: он компенсируется целым рядом единиц (ср.: 2 и 3, 4, 5). При имплицации второго компонента исходной опорной пары контраста противопоставление опосредовано цепочкой последовательных предложений, придающих ему многоярусный характер (ср.: 3, 4, 5, 6, 7, 8). Присутствие контраста неоспоримо, но оно создается различными средствами и неодинаковым количеством единиц, входящих в каждую составляющую. При этом обращает на себя внимание как структурная, так и семантичес-

^{*}Под полуотмеченными понимаются структуры с нарушением либо лексической, либо грамматической сочетаемости элементов [1, с. 18].

кая диспропорция контрастирующих компонентов. Так, первому компоненту (2) противопоставляется совокупность единиц (3, 4, 5, 6, 7, 8), интегрируемых в качестве второго компонента контраста, поскольку между слагаемыми внутри совокупности при общей положительной коннотации (восторг, радость) наблюдаются отношения смыслового дополнения. Интегрирование в единое целое обеспечивается ассоциативной и прагматической соположенностью структурных элементов, которые контрастно соотносены с первым компонентом. Ср.:

q'attendre à une marche
nocturne,

Palerme ruisselait de lumières,
des ampoules déchiraient le décor;
elles illuminaient d'un seul trait
de feu,
elles formaient d'étincelantes
tonnelles;

à une silencieuse errance

la ville ressemblait à une salle de
bal immense,
un peuple exténué et ébloui,
d'envahissantes familles se dévers-
saient à travers les rues.

Как видим, основная семантическая нагрузка в создании контрастирующих единиц исходит от значения элементов первого компонента (marche) nocturne, (errance) silencieuse. Отметим при этом, что контрастное соположение компонентов порождает "новые значимости" за счет преодоления системы (nocturne - diurne; bruyante - silencieuse), благодаря ассоциативной работе воспринимающего субъекта происходит детализация, ступенчатая конкретизация речевых действий на более сложном уровне. В отличие от других измерений указанная парадигматика отношений не создается суммарно, а воспринимается непосредственно в плане номинации. Рассмотренный пример контраста, где один из компонентов представлен цепочкой составляющих его единиц (3-8), показывает, что в основе семантического сцепления и развертывания лежит общая референтная отнесенность и единая положительная коннотация. Именно признак кореферентности при обязательном условии общей прагматической направленности номинантов позволяет интегрировать их как часть в целое и оценивать совокупность в статусе интегрированного компонента в рамках контраста. Кореферентность (повторная номинация) прослеживается в рассматриваемом единстве благодаря наличию ряда суждений об одном и том же предмете речи. В текстовом описании находим не одну идентифицирующую номинацию нейтрального обозначения, а ряд повторных номинаций с преобладанием квалификативной функции. Так, в примерах [3, 4, 5, 6, 7] номинационная цепочка проходит путь

от первичного идентифицирующе нейтрального обозначения (*la ville*) к характеризующей дескрипции (3, 4), затем - к повторному номинанту в виде описания с оценочным характером (6) и далее - к образной номинации (8). Два последних экспрессивно маркированных (положительной оценочностью) повторных номинанта (6, 8), не являясь синонимами, в тексте оказываются кореферентными. Таким образом обеспечивается развертывание семантико-стилистического контекста в рамках контраста. В силу семантической детализации предмета речи посредством номинационной цепочки с общей коннотацией (положительной) формируется так называемый "ступенчатый компонент" в составе первой пары контраста, семантическая и структурная асимметрия которой свидетельствует о многомерной оппозиции.

Дальнейшая модификация с усложнением структуры и семантики контраста создается другим рядом номинантов, противоположным рассмотренной цепочке. Образуется "стык номинаций" [2, с.340]. Так, ряд номинантов *Babv en éprouvait de l'irritation, ce bourdèvement continu, o'était fatigant, cette agitation, ces cris inutiles, ces figures de ballet* представлен местоименным субститутот "en" и структурным однообразием номинантов при анафорическом повторе *ce*, который наряду с идентифицирующей функцией выполняет преимущественно квалификативную функцию. Данный ряд номинаций, передающий мнение другого говорящего об одном и том же предмете речи, содержит отрицательную оценку и интегрируется в отдельный компонент контраста. В этом случае кореференция и прагматическая установка, которая проявляется в отрицательной коннотации, выступают основными факторами, создающими интегрированное единство. Наряду с указанными цепочками номинации в контрастном измерении в тексте развертывается еще один ряд номинантов (I4) - *il aimait cette nuit, ce bruit, cette foule; il trouvait de la beauté* и *elle n'en voyait pas*, необходимый, чтобы обозначать отношение автора к участникам речевой ситуации. Указанные единицы образуют третью пару оппозиции текстового единства, которая завершает контрастный контекст. Следовательно, авторская оценка в контрастном измерении замыкает ряды компонентов кореферентной ситуации.

Таким образом, динамика и усложнение структуры контраста создается рядами номинаций, сигнализирующих о разных точках зрения, эмоциях говорящих по поводу одного и того же объекта речи. Вместе с тем прагматика контраста содействует интегрированию номинационных цепочек в пределах единства как один из способов компрессии референтно и стилистикс-смыслового планов текста. Наше наблюдение позволило сделать следующий вывод. Если парадигматические связи - это отношения между единицами языка на уровне системы, синтагматические

измерения - отношения единиц в пределах предложения, то интегративные (охваченные рамками контраста) - это отношения единиц разных уровней, а именно: единиц текста.

Л и т е р а т у р а

1. Арнольд И.В. Стилистика декодирования. Л., 1974.
2. Арутюнова Н.Д. Номинация и текст // Языковая номинация. М., 1977.
3. Булгак Е.И. Системные отношения лексических единиц и проявление этих отношений в речи // Синхронические и диахронические исследования по романским и германским языкам. Кишинев, 1983.
4. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française par Paul Robert. Paris, 1977.

Т е к с т

Charles-Roux E. Oublier Palerme. Paris, 1976.

М.Г.Бырка

ТЕМАТИЧЕСКАЯ РЕЧЬ В СИСТЕМЕ СПОСОБОВ НЕПРЯМОЙ ПЕРЕДАЧИ ЧУЖОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

В системе способов передачи чужого высказывания (ЧВ), чужой речи (ЧР) выделяют прямую, косвенную речь (ПР, КР) и несобственно-прямую речь (НПР). Эти традиционные формы нашли отражение в нормативных грамматиках различных языков. Правда, такое деление не принималось многими исследователями, и они предложили и иные способы передачи ЧВ, такие как "свободная косвенная речь", "внутренний монолог", "пережитая речь", "переключающаяся прямая речь" и др. Как указывают некоторые авторы, далеко не все виды передачи ЧВ могут быть отнесены к перечисленным [6, с.3].

В современной художественной прозе наблюдаются и другие способы репрезентации ЧВ. Попытка охватить все разнообразие материала рамками трех наиболее известных видов ЧВ размывает их типологические границы. Четкая же грамматическая определенность каждого классического вида ЧВ приводит к тому, что некоторые способы репрезентации ЧР (ЧВ) не находят отражения в существующей типологической системе [6, с.6]. В зависимости от степени общности рассматриваемых явлений они могут послужить основанием для расширения рамок традиционных видов чужой речи либо для выделения новых, т.е. возникает необходи-

мость критического пересмотра средств передачи ЧВ [7, с.4].

Авторы большинства исследований как романских, так и славянских языков, прямо или косвенно касающихся этой проблемы, следуя традиционному делению чужого высказывания на ПР и КР, отдают предпочтение первой, не уделяя должного внимания способам не прямой передачи ЧР. Из числа последних наиболее изученными являются косвенная речь и косвенный вопрос, что объясняется их универсальным характером и широтой употребления.

Признание единственным способом не прямой передачи ЧВ конструкции с КР и КВ обедняет синтаксические ресурсы языка, так как иные ее виды упоминаются лишь в связи с другими. Среди последних некоторые исследователи отводят место конструкции с "сообщающей речью", с объектным и субъектным инфинитивом и др. [5, 7, 8, II].

В данной статье предпринята попытка доказать необходимость признания, наряду с косвенной, тематической речи (ТР) как одного из способов не прямой передачи ЧВ. Теоретические положения подтверждаются примерами из современного французского языка.

В ряде работ указывается, что когда желают придать речи относительно дословное звучание первоначального высказывания и в то же время "затушевать" его непосредственный характер, ЧР оформляется в виде КР [4, I2]. Однако в художественных произведениях перед автором часто стоит задача изложить содержание первоначального высказывания (передать слова рассказчика) лишь в самом общем плане: можно ограничиться сообщением темы или перечня вопросов, которые затрагивались говорливим. В этом случае чужие слова передаются не косвенной речью, а "сообщающей" [9, II]. Таким образом передается только тема, сущность, основное содержание ЧВ. Ср.: Depuis dix ans le père Oriol annonçait chaque semaine qu'il allait faire sauter son morne. (Maupassant); Un astucieux individu me demandait si je n'avais pas une vieille guitare à lui expédier. (Saint-Marcous); Faïda nous parle d'elle, de ses enfants, de ses combats, du Parti Communiste où elle milite (Huma); Philippe me racontait des légendes, des anecdotes (Maupassant).

В приведенных примерах отражены три способа передачи ЧВ: в двух первых налицо КР и КВ, в двух последних передается только тема, основное содержание. Вид речи, которым передается тема, сущность, основное содержание ЧВ, некоторые исследователи называют "сообщающей речью". Мы же, исходя из ее прямого назначения - говорить об определенном факте действительности, известном говорящему, но переданном им кратко, только называя тему сообщения, определим как тематическую речь (ТР).

ТР как один из способов непрямо́й передачи ЧВ во французском языке до сих пор не стала предметом специального исследования. О ней вскользь упоминается в работах по КР и конструкции косвенно-вопросительного характера. Одни авторы считают ТР разновидностью КР. Так, Ю.И. Горанкова, изучая КР в современном французском языке, выделяет в качестве ее разновидности так называемую "предметно-аналитическую" КР, которую определяет как вид речи, передающей краткое содержание высказывания [3, с.24]. П. Дереску, исследуя типы косвенной речи в современном молдавском языке, вычленяет тематическую косвенную речь [5, с.32 и сл.]. Другие же авторы ограничивают предложения "сообщательного характера" от конструкций с КР. Так, Е.В. Павел в конструкциях косвенно-вопросительного характера во французском и молдавском языках усматривает существенную разницу между косвенно-вопросительными предложениями и предложениями "сообщательного характера". Последние передают только сообщение о высказывании, и поэтому названы автором "сообщательными" в отличие от предложений косвенной речи [II, с.21].

Если рассматривать ТР как разновидность КР, можно сделать вывод, что в синтаксическом строе языка конструкции с ТР находят выражение в сложноподчиненных предложениях. С этим согласиться трудно, поскольку вопрос, какими синтаксическими средствами передается ТР в данном случае, решается односторонне. Вне поле зрения остаются синтаксические конструкции с ЧВ, передающие тему речи: *parler de*, *s'informer sur*, *se prononcer sur* и др. На наш взгляд, конструкции ТР необходимо рассматривать в предложных и беспредложных словосочетаниях и сложноподчиненных предложениях. Такой вывод основывается, кроме данных фактического материала, и на положении грамматики русского языка о том, что "не всякая передача чужой речи может быть названа косвенной. Так, например, не является косвенной речью изложение содержания чужой речи в форме дополнения; тем более нельзя рассматривать как косвенную речь придаточное предложение, в котором только называется тема чужого высказывания" [4, с.406; 12, с.242], т.е. предложения с ТР.

Таким образом, под термином ТР нами подразумеваются различные в стилистическом, коммуникативном и семантическом плане синтаксические конструкции, передающие суть ЧВ. Они являются конститuentами как простого, так и сложноподчиненного предложений. Например: *Pendant cette période de délire Philippe parlait de Solange (Maupassant); Puis il s'informa de notre nombre (Cesbron); Ils se racontaient ce qu'ils avaient fait, l'un et l'autre, depuis deux jours, ce qu'ils avaient lu... (Maurois); Un jour que nous revenions du tir par le plus long chemin, je lui racontai comment j'avais enlevée Suzanne (Greville).*

Смысловым центром конструкций с ТР являются слова и словосочетания, обозначающие речь. Нужно, однако, отметить, что не все глаголы речи обладают одинаковой способностью вводить ПР, КР или ТР. Семантика глагола говорения считается релевантной только для КР и ТР, так как ПР может быть введена глаголами самой разнообразной семантики. Элемент ввода КР имеет большое значение, так как именно глаголы речи помогают отличить ее от сложноподчиненных предложений с придаточным дополнительным. Словосочетания и предложения с ТР также вводятся глаголами говорения. Однако в конструкции с ТР у последних проявляется очень важная особенность: придавать словам и словосочетаниям, состоящим с ними в объектных отношениях, событийное а не предметное значение. В конструкциях с ТР они имеют в роли дополнения, указывающего на тему сообщения, только пропозиции и имена пропозитивного, а не предметного значения, а в качестве субъекта — имена со значением живых существ [1, с.125]. Ср.: Il a parlé de ce livre. Il a acheté ce livre. В первом примере денотантом слова *livre* является не конкретный предмет, как во втором, а ситуация говорения, где шла речь о книге, сообщались сведения, факты о ней, т.е. дополнением пропозитивного значения при глаголе *parler* описывается отношение к событию, а не само событие. Разница между элементами ввода КР и ТР состоит в том, что глаголы, вводящие ТР, представляют собой сообщения о действиях говорящего, но не передают действие говорящего. Ср: Он говорил о поездке и Он картавил; Обещаю; Благодарю Вас.

На эту особенность глаголов речи указывают многие ученые. Они относят их к "предикатам пропозиционального отношения" и отмечают, что характерной особенностью этой группы глаголов является "семантическая избирательность", проявляющаяся в том, что они способны управлять дополнением с ситуативно-референтной соотнесенностью, а не единично-предметной [1, с.127; 2, с.14; 10, с.4]. Эта "семантическая избирательность" глаголов речи находит прямое выражение в конструкциях с ТР, что привело к различению, на наш взгляд, двух автономных способов непрямого ЧР: косвенной и тематической, которые, используя одни и те же элементы ввода, отличаются как по форме, так и по содержанию.

ТР в отличие от КР выполняет всегда сообщающую (информационную) функцию, а не характеризующую, и репрезентирует не информацию как таковую, а лишь объекты, о которых идет речь [13, с.91].

Исследование показало, что ЧР воспроизводится в ТР иногда крайне сжато, обладая способностью "сужения" темы высказывания до минимума, что не характерно для КР. Ср: *Brièvement il lui conta com-*

ment cette petite fille, trouvée dans les ruines d'une maison détruite, miraculeusement rescapée d'une famille anéantie, était devenue la leur (Larmée); On parlait beaucoup d'argents (Simenon).

ЧВ воспроизводится в ТР избирательно. Не все глаголы речи могут вводить ТР (orier, dialoguer, dire и др.), даже глаголы одного синонимического ряда ведут себя по-разному, когда речь идет о воспроизведении ТР. Так, синонимами глагола demander являются interroger и questionner. Глагол demander выступает конституентом косвенно-вопросительного предложения, в то время как interroger и questionner вводят ТР. Например: Il était flatté et se demandait si on le prenait pour sa soeur, pour sa femme ou pour sa maîtresse (Maupassant); Le secrétaire général y a interrogé les ouvriers sur leurs productions et les conditions sociales dans l'entreprise (Huma); Cécille le questionna sur Geanne et sur Lucie, ses filles (Zola).

Причина невозможности построения синтаксических конструкций, содержащих ТР с глаголом demander, кроется, по-видимому, в его лексическом значении – однократности, моментальности, в то время как questionner и interroger являются глаголами многократного действия, содержащими сему собирательности, что в речевом потоке проявляется в повторении акта говорения с целью выяснения темы ряда вопросов.

В заключение отметим следующее. Во французском языке с целью непрямо́й передачи ЧВ наряду с КР используется и ТР. Конструкции с КР и ТР отличаются как по форме, так и по содержанию. В конструкциях с ТР глаголы говорения управляют дополнением с референтно-событийной соотносительностью, что составляет качественное отличие данного способа непрямо́й передачи ЧВ. Конструкции с ТР являются конституентами простых и сложноподчиненных предложений, в то время как КР входит в состав сложноподчиненного предложения.

Л и т е р а т у р а

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
2. Богданов В.В. О конструктивной единице смысла предложения // Предложение и текст в семантическом аспекте. Калинин, 1978.
3. Горанкова Ю.И. Косвенная речь в современном французском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.
4. Грамматика современного русского языка. Т.2. Ч.2. М., 1960.
5. Дереску П. Ворбири индиректэ ши типуриле ей // Лимба ши Литература Молдовеняскэ. 1986. № 1.
6. Давыдова Е.В. Комплексное исследование способов непрямо́й передачи ЧР в русском литературном языке середины XIX века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1986.

7. Кариц Л.В. Грамматические, синтаксические и функциональные особенности конструкций с переключающей прямой речью. Автореф. дис... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1986.
8. Кодухов В.И. Способы передачи чужой речи в русском языке второй половины ХУП-ХУШ вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1955.
9. Козловский В.В. Свободная косвенная речь в немецком языке // Вопросы германской филологии. Калинин, 1974.
10. Кравченко И.И. Сложное предложение с дополнительной придаточной частью во французском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.
11. Павел Е.В. Конструкции косвенно-вопросительного характера во французском и молдавском языках. Кишинев, 1982.
12. Современный русский язык. Ч.2. Синтаксис. М., 1979.
13. Слюсарева Н.А., Теплицкая Н.И. Гиперсинтаксический уровень языка и лингвистическое членение текста // Предложение и текст в лингвистическом аспекте. Калинин, 1978.

Т е к с т ы

- Cebron Gilbert. Chiens perdus sans coliers. Paris, 1975.
 Gréville Henry. Suzanne Normis. Paris.
 Larmée Christlaine. Depuis toujours, c'est été écrit... Paris, 1974.
 Maupassant, Guy de. Mont-Oriol. М., 1960.
 Maurois André. Climat. Paris, 1974.
 Saint-Marcoux. Le temps d'une chanson. Paris, 1973.
 Simenon Georges. Le destin des Malou. М., 1974.
 Zola Emile. Germinal. М., 1955.

В.А. Григорьев

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА МЕСТОИМЕННЫХ РИТОРИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ

Объектом нашего анализа в данной статье стали местоименные собственно-риторические вопросы (СРВ). Под этим термином, разделяя мнение Л.З. Терешкиной [4], мы понимаем вопросы "обратной констатации", в которых ответ (сообщение) имплицитно содержится в самом вопросе и противопоставлен последнему в плане положительности/отрицательности.

Местоименные СРВ обладают известной спецификой. Интерес представляет так называемое переосмысление значения вопросительных мес-

тоимений в частновопросительных (местоименных) СРВ, на которое указывает целый ряд исследователей [см. 2]. Имеется в виду семантический переход значения вопросительных местоимений в местоимения неопределенные, со значением всеобщности (положительной или отрицательной), либо в наречия с таким же значением: Qui = personne/tous; Que = rien/tout; Quand = Jamais/toujours; OÙ = nulls part/partout. Например: 1) Ulysse: Que vaut la vie si l'on n'est pas né pour être un héros? (Salacrou) = La vie ne vaut rien... Прочтение que=rien однозначно подсказывается условным придаточным: si l'on n'est pas né pour être un héros.

Однако анализ конкретных примеров показал, что тезис о семантическом переходе значения вопросительных слов далеко не во всех случаях объясняет семантику того или иного местоименного СРВ.

Как и И.П.Сусов, мы считаем основным элементом семантики любого вопросительного предложения, а значит и СРВ, значение интеррогативного оператора. Интеррогативный оператор репрезентирует "мыслительную операцию поиска информационного звена, которое оказывается недостающим при попытке представить в сознании некую единичную ситуацию... В местоименных вопросах интеррогативный оператор предполагает введение дополнительного имплицитного высказывания с побуждением слушателя к экспликации недостающего элемента ситуации" [3, с.124-126].

Позицию "недостающего элемента ситуации" в частновопросительных предложениях занимает вопросительное слово. В местоименных СРВ запрос информации не реализуется, следовательно, вопросительное слово в них не выражает значения "недостающего элемента ситуации", так как ответ известен говорящему и имплицитно им выражается (см. пример I). Следуя тезису о семантическом переходе значения вопросительных слов в СРВ в неопределенные местоимения со значением положительной или отрицательной всеобщности или в наречия с подобной семантикой, можно сказать, что предметная позиция, маркированная вопросительным словом в СРВ, знаменует "пустое множество, не содержащее ни одного индивида" [3, с.122], т.е. "отрицательная всеобщность" (например, personne), либо "полное" множество, совокупность индивидов данного множества (например, tous), т.е. "положительная всеобщность".

Однако, по нашим наблюдениям, в местоименных СРВ зачастую реальная ситуация, денотат высказывания, не предполагает абсолютный переход к значению всеобщности. Например: 2) Ulysse: ...même si tu te tais... Je vais savoir la vérité; Iolande: Et qui pourrait te renseigner mieux que moi? (Salacrou). В данном случае не подразумевается категоричное personne ne pourrait te renseigner, так как остается еще положительный выбор moi. Дальнейшему же ограничению mieux que moi соответствует

действительно только "пустое множество" - *personne*.

Зависимость семантических изменений в вопросительных словах в СРВ от общей семантики высказывания можно наглядно проследить на следующем примере: 3) *L'Eveque: Où sont les armées de Conrad? Où sont les chevaliers? Où est la légion des anges qui devait mettre l'ennemi en déroute? Vous êtes seuls et maudits (Sartre)*. Во всех приведенных СРВ вопросительное слово *où* не может восприниматься как *nulle part*. Первую фразу следует понимать, например, как *Les armées de Conrad ne sont pas là*, т.е. упор делается на содержание высказывания - утверждение об отсутствии армии Конрада на месте событий. В этом случае экспликация позиции, обозначенной местоимением, для говорящего не существенна. Понимание *où* как *nulle part* было бы допустимо, если бы в высказывании присутствовало реальное пространственное ограничение: *Où, (si on n'envisage que la ville et ses alentours) sont les armées de Conrad? (nulle part)*.

По мнению Л.Ф.Бердник, "в местоименных риторических вопросах наблюдается нарушение смысловых связей между вопросительным словом и другими словоформами, что проявляется в семантической несочетаемости буквальных смыслов слов" [I, с.34].

В примере 3 такой "несочетаемости" нет. Вопросительное слово сочетается с существительными, могущими иметь пространственную локализацию. Однако говорящий осведомлен об отсутствии данных предметов и имплицитно высказывает с отрицательно маркированным сказуемым бытия. В зависимости от этой основной модификации, а также целого ряда других, в частности контекстно-ситуационных факторов, модифицируется в конечной интерпретации смысл вопросительного слова.

"Разрыв" семантических связей между вопросительными словами и остальной частью высказывания можно проследить на основе функционирования в СРВ *comment* и *pourquoi*.

Рассмотрим функционирование *comment*. Как известно, ответом на это вопросительное слово, или экспликацией синтаксической позиции, может служить обстоятельство образа действия, выражаясь языком синтаксических терминов на уровне членов предложения. Очевидно, в СРВ *comment* часто имеет другое значение. Возьмем конкретный пример: 4) *Le Prince: Comment voulez-vous être heureux parmi des duchesses avec une foi propagée par les esclaves du monde romain? (Salacrou //)*. В данном случае имплицитное сообщение (ответ) получается путем противопоставления положительно маркированному предикатному ядру (стержневому релятору) *être heureux* его отрицательной альтернативы *ne pas être heureux*. Оно будет выглядеть как *D'aucune façon n'être heureux...*

При ближайшем рассмотрении оказывается, однако, что металингвистическая формула "d'aucune façon+V" практически равнозначна имплицитному высказыванию "c'est impossible+V", т.е. является выражением модального значения невозможности. Таким образом, высказывание (4) будет содержать имплицитное сообщение: C'est impossible (pour vous) d'être heureux parmi des duchesses avec une foi propagée par les esclaves du monde romain.

Из этого следует, что CPB с вопросительным словом comment включает в семантическую структуру модальное значение невозможности. Comment не маркирует в таких высказываниях какую-либо синтаксическую позицию, являясь лишь поверхностным средством манифестации модального значения невозможности.

Если сказуемое местоименного CPB с comment отрицательно маркировано, значение невозможности логически переходит в значение обязательности, необходимости: 5) Toute la honte était du côté de la vie. Tout l'honneur du côté de la mort. Comment ne pas choisir la mort? (Guehenno) = On choisit forcément la mort.

Не менее интересны для анализа CPB с вопросительным словом "pourquoi": 6) Le Pere: Pourquoi être si arrogant? Toi-même tu as changé d'avis et tu penses comme moi (Salacrou /2/); 7) Ulysse: Mais je veux vivre. Pourquoi ne continuerai-je pas à vivre puisque j'ai commencé? (Salacrou /2/).

Наиболее часты случаи, подобные примеру 6, когда CPB с вопросительным словом pourquoi являются инфинитивными конструкциями. Обычное значение подобных CPB - необходимость действия. Однако при сочетании pourquoi с негативно оформленным глаголом возникает совсем другое значение - желательности, допустимости, а порой даже необходимости (пример 7).

В местоименных CPB с pourquoi эксплицитно выраженное высказывание получает модальное значение отсутствия каузальной мотивации, что приводит к выдвиганию имплицитного сообщения. Например, в примере 7 сообщением будет: Je continuerai à vivre puisque j'ai commencé.

Итак, можно утверждать, что не "семантический переход" вопросительных слов в составе местоименных CPB обуславливает пересмысление семантики подобных вопросительных предложений, а наоборот - он зависит от общего протекания модифицирующих процессов в семантической структуре CPB.

Л и т е р а т у р а

1. Бердник Л.Ф. Коммуникативные типы русских предложений. Пермь, 1982.

2. Распопов И.П. Типы вопросительных предложений в современном русском литературном языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1953.
3. Сусов И.П. Семантическая структура предложения. Тула, 1973.
4. Терешкина Л.З. Функционально-семантические типы вопросительных предложений во французском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.

Т е к с т ы

- Guhenno Jean. Journal d'un homme de 40 ans. Paris, 1975.
 Salacrou Armand. L'Archipel Lenoir, Paris, 1972. (1)
 Salacrou Armand. L'inconnue d'Arras. Paris, 1942. (2).
 Sartre Jean-Paul. Le Diable et le Bon Dieu. Paris, 1949.

Е.В. Драган

ПРЕМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЬНО-СУБСТАНТИВНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В РЕЧИ

Являясь составным элементом предложения, преморфологические глагольно-субстантивные образования типа Vn не изолированы от остальных его компонентов, так как "единицы структуры взаимно связаны отношениями конструктивного порядка" [5, с.35].

Анализ преморфологических глагольных образований (ПГО) на уровне синтагматики представляет большой интерес как в теоретическом, так и в практическом плане. Выявление семантико-синтаксической значимости данных единиц связано с решением ряда важных вопросов синтаксиса предложения (установлением статуса некоторых второстепенных членов предложения; дифференциацией глубинного и поверхностного уровней анализа структуры предложения и т.п.), которые мы попытаемся осветить.

Потенциальную способность языковых единиц сочетаться с элементами окружения принято называть синтаксической валентностью. Впервые этот термин в советском языкознании встречается у С.Д. Кацнельсона, представляющего понятие как "свойство слова определенным образом реализоваться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами" [3, с.132].

В зарубежной лингвистике сочетание "синтаксическая валентность" связано с именем Л.Теньера, который исследовал синтаксические потен-

ции глагола. Л.Теньер называет валентностью способность глагола управлять [II, с.12], другими словами - это потенциальная способность глагола к сочетаемости.

В силу структурной особенности ПГО они характеризуются дублетной синтаксической связью - внутренней и внешней, т.е. обладают внутренней и внешней валентностью [7, с.14]. По мнению С.Бьеркмана, ПГО - это единицы с "двумя переходностями" (*unités à deux transitivités*): внутренней (обычно - прямой) и внешней (в большинстве случаев косвенной) [9, 45].

В связи с этим представляется правомерным замечание В.И.Кодухова о том, что "наличие синтагматических отношений внутри языковой единицы и между единицами в контексте породило учение о внутренней и внешней синтагме, о внутреннем и внешнем контексте" [4, с.11]. Под внутренним контекстом автор подразумевает "синтагматическое членение языковой единицы", а под внешним - "синтагматические отношения между единицами в тексте" [4, с.13].

Внутренние синтаксические связи между компонентами ПГО можно квалифицировать как первичные, а внешние, с другими компонентами предложения, - как вторичные, поскольку последние реализуются в зависимости от внутренней структуры ПГО.

Трудно согласиться с мнением Ш.Балли, который находит, что живые, т.е. реальные, синтаксические связи между компонентами подобных образований настолько игнорируются, что могут оказываться в противоречии с действующими законами синтаксиса данного языка [8, с.83].

Противоположного мнения придерживается Н.Н.Амосова, считающая, что "живость" синтаксических отношений между членами переменных (в нашем случае - ПГО) проявляется в том, что последние организуются в соответствии с актуальными синтаксическими моделями данного языка [1, с.161].

То, что ПГО относится к компонентам предложения как синтаксически цельное образование, т.е. функционирует как один член предложения, не доказывает исчезновение его внутренних синтаксических связей, так как, по мнению Н.Н.Амосовой, "любой сложный член предложения как его единый структурный элемент обладает собственным внутренним синтаксическим членением" [1, с.163].

Мы считаем, что синтаксические отношения внутри ПГО нейтрализованы по значению, но сохраняются формально. Существует комплекс показателей "живости" синтаксических связей между компонентами ПГО, а именно: их преобразование, расщепление, конструктивное замещение одного из компонентов, синтаксически обусловленное перемещение их относительно друг друга и т.п.

Не претендуя на исчерпывающее описание этих показателей, остановимся лишь на нескольких.

ПГО в том виде, в каком они закрепились в языке, не всегда удовлетворяют писателя, поэтому, будучи включенными в художественную речь, подвергаются обработке. Изменяя структурный облик ПГО, автор создает стилистический эффект и тем самым вводит данные структуры в общий поток речи, иллюстрируя их живое функционирование.

Вследствие структурного видоизменения ПГО сохраняется их семантический инвариант, цельность образа.

О.С.Ахманова отмечает, что "возможность деформации таких единств стилистические эффекты" [2, с.482], которые не влияют на восприятие семантического ядра ПГО, в каком бы виде оно не представлялось.

Имея промежуточный характер, ПГО сохраняют признаки свободных синтаксических сочетаний. Этим и объясняется их способность к вариациям в речи и причастность к общей проблематике порядка слов с точки зрения структуры предложения.

Стремясь к экспрессивности, разрушению языкового стандарта, разнообразию синтаксической структуры предложения, авторы нередко прибегают к модификациям словорасположения, т.е. к инверсии. Нарушение порядка следования компонентов ПГО достаточно эффективно, так как они тесно связаны между собой. Иногда пишущий таким образом изменяет синтаксическую ситуацию компонентов ПГО, что они могут оказаться как бы в разных частях сложноподчиненного предложения. Ср.: *Cela lui porta un coup et il fit la réflexion de tout le plaisir qu'il avait pris jadis ... car il n'avait aimé personne* (Green).

В таких преобразованиях смысловая цельность ПГО, семантическая слитность его компонентов не разрушается, она сохраняется в новых синтаксических условиях.

Смысловая недостаточность именованного компонента в таких случаях выделяется и при помощи интонации: нисходящий тон падает на глагольный компонент, который заключает сообщение предложения.

Относительное местоимение *que*, являясь как бы "заместителем" именованного компонента, служит в то же время соединительным звеном между разобщенными компонентами.

Другой вид инверсии компонентов ПГО связан с перестройкой синтаксических отношений между ними. В таких случаях глагольный компонент в неличных формах располагается после именованного компонента и определяет его. Ср.: 1) *Pour sortir de là, nous n'avons qu'un parti à prendre, maintenant que vous voilà grands: vendre le peu qui nous reste et chercher notre vie chacun de notre côté* (Daudet); 2) *Réflexion faite, je n'y crois pas* (Troyat).

Компоненты ПГО инвертированы и в случае употребления глагольного компонента в страдательном залоге: L'habitude fut vite prise de voir Marguerite dans la maison (Green).

Инверсия встречается также в предложениях со значением оценки, выражающих восхищение, когда в начале имеется определительное, уточняющее слово. Эти предложения характеризуются ярко выраженной эмоциональной окраской. Именно такой порядок элементов ПГО и служит средством создания оценочности. Например: Quel mal il se donne pour m'annoncer sans blesser mon malheureux coeur, que Robert souhaite faire un voyage en Espagne avec sa nouvelle conquête et qu'il me laissera seule pendant un mois (Maurois).

В диалогической и разговорной речи известны случаи опущения одного из компонентов ПГО, который, однако, легко восстанавливается на основе предыдущего предложения, внутри которого находится ПГО в полном составе, или смысловая цельность конструкции требует восстановления имплицитно выраженного компонента. Ср.: 1) Ces gens-là ont l'air d'avoir peur. Ils n'ont pas (Céline); 2) Il se décide enfin à parler.

- Alors?

- Besoin d'une idée (Giraudoux).

Этот факт выявляется в результате "семантической интерференции" [6, с.21] близкородственных языков при сопоставлении: - Nu! fu categoric Mircea Mihuț. Nici părinții și nici copiii n-au relații unii cu alții. De nici un fel.

- N-au. (Barbuceanu).

Из приведенных примеров функционирования ПГО в речи видно, что во внутриязыковой системе одни языковые категории воздействуют на другие, не являющиеся изолированными элементами этой системы. ПГО, возникая на основе свободных словосочетаний, постоянно испытывают влияние последних на их живые синтаксические нормы.

Таким образом, ПГО образуются и функционируют на базе синтаксических норм, свойственных языку. При этом нарушение порядка слов используется как стилистический прием. Инвертированное положение компонентов ПГО не означает разрыв конструкции: напротив, оно выявляет семантическое слияние ее членов [10, с.162]. Значимость вариаций ПГО заключена в синтаксической реорганизации предложения.

Л и т е р а т у р а

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963.
2. Ахманова О.С. К вопросу о словосочетании в современном английском языке//Изв. АН СССР. Серия лит. и яз.Т. IX. Вып.6. 1950.

3. Нацнельсон С.Д. О грамматической категории // Вестник ЛГУ. 1946. № 2.
4. Кодухов В.И. Контекст как лингвистическое понятие // Языковые единицы и контекст. Л., 1973.
5. Почепцов Г.Г. Конструктивный анализ структуры предложения. Киев, 1971.
6. Семчинский С.В. Семантическая интерференция языков (на материале славяно-восточнороманских языковых контактов). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Киев, 1973.
7. Степанова М.Д. О "внешней" и "внутренней" валентности слова // Иностранные языки в школе. 1967. № 3.
8. Bally Ch. *Traité de stylistique française*. 2^{ed}. Vol. 1. Heidelberg: Winter, 1921.
9. Björkman S. *Le type "avoir besoin" (Étude sur la coalescence verbo-nominale en français.)* Thèse Uppsala, 1978.
10. Blinckenberg A. *L'ordre des mots en français moderne*. København, 1928.
11. Tsañière L. *Éléments de syntaxe structurale*. Paris, 1959.

И.М. Думбрэвяну

О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ И ПРОДУКТИВНОСТИ ПРЕФИКСИДНЫХ ФОРМАНТОВ

Известно, что абсолютное большинство префиксоидов представляют регулярно повторяющиеся греко-латинские элементы сложения, фигурирующие в книжных композитах и могущие сочетаться также с автономными основами полнозначных слов. Думается, что именно свойство греко-латинских элементов сочетаться и с автономными (в синхронном плане) основами, собственно, способствует тому, что последние превращаются из "элементов сложения" в аффиксальные форманты. Следовательно, термины "аффиксоид", "префиксоид" и "суффиксоид" применимы только в деривационном (словообразовательном) [1, с.97] значении, т.е. в плане их сочетаемостной способности со свободными основами. По существу аффиксоид — это элемент книжного основосложения, способный сочетаться с автономными производящими основами и функционирующий в качестве префиксальной или суффиксальной морфемы. Поэтому, когда в пределах одной синтемы сочетаются два книжных элемента греческого или латинского происхождения, применение терминов и понятий "префиксоид", "суффиксоид" теряет смысл, ибо в подобных случаях речь идет не о сло-

производстве в конкретном значении, а о книжном словосложении.

Таким образом, вопрос сочетаемости префиксоидов с производящими основами, характеризующимися в синхронии свободным статусом, становится принципиальным при определении функциональной природы префиксальных формантов и степени их интеграции в префиксальные системы исследуемых языков.

Под словообразовательной сочетаемостью подразумевается способность аффикса комбинироваться с производящими основами. Данный термин ассоциируется в лингвистической литературе с понятием валентности аффиксальных формантов, которая служит иногда в качестве индекса словообразовательной продуктивности.

При исследовании префиксальной системы и определении аффиксального статуса греко-латинских морфем, служащих в качестве первоэлементов префиксальных производных, используется и термин "мотивированность" аффиксальных новообразований. В работах Ж.Пейтара понятие "мотивированность" является стержневым, так как с ним связан ряд принципиальных вопросов методологического характера. В одной из статей, посвященных анализу греческого элемента $t\beta i\beta$ [2, с.37-44], этот автор выдвинул и обосновал положение о двух типах префиксальной мотивированности: "специфической" и "расширенной". Под "специфической" мотивированностью Пейтар понимает способность форманта сочетаться с неавтономными основами, под "расширенной" - с автономными. Он выделяет два коэффициента мотивированности - специфической и расширенной мотивации. Первый определяется отношением количества слов, в которых элемент $t\beta i\beta$ сочетается с неавтономными основами, к общему количеству слов, содержащих данный элемент, второй - отношением количества слов, в которых рассматриваемый элемент сочетается с автономными основами, к общему количеству слов, образованных при помощи данного элемента. При сопоставлении цифровых данных мотивации особое внимание уделяется коэффициенту расширенной мотивации, так как по нему определяется наличие сдвига производных с данным формантом в сферу общеупотребительной лексики.

Данную методику анализа префиксальных элементов Ж.Пейтар широко применил в работе, посвященной синхронно-диахронному исследованию префиксальной системы французского языка [3]. В ней уточнены характер и статус основ, с которыми сочетаются префиксальные элементы греко-латинского происхождения, выделены три типа дистрибуции и реализации производных с анализируемым элементом: 1) $t\beta i\beta$ - + книжная неавтономная основа; 2) $t\beta i\beta$ - + книжная автономная основа; 3) $t\beta i\beta$ - + исконная автономная основа (*base vulgaire* autonome).

Обратим внимание на образования первого типа. Представляется целесообразным исключить их из анализа, так как согласно выдвинутому

нами положению, они относятся к словосложению (основосложению), а не к словопроизводству. При рассмотрении префиксальных образований интереса прежде всего заслуживают второй и третий типы сочетаемости производящих основ с греко-латинскими формантами. В понимании Ж.Пейтара, эти типы реализации словообразовательной мотивации маркированы коэффициентом расширенной мотивированности, а первый тип — специфической. Видимо, есть смысл модифицировать классификацию типов мотивированности. Так, первый тип мотивации не представляет реального интереса при анализе префиксальных производных, поскольку относится к книжному словосложению. Иначе говоря, рассмотрение его в рамках префиксальных дериватов имплицитно приводит к признанию факта наличия в языке производных, состоящих из одних аффиксоидов, что противоречит здравому смыслу. При анализе префиксальных дериватов релевантными являются только образования, в которых книжный первоэлемент (префиксоид) сочетается с автономными основами — книжными или исконными. При этом коэффициентом специфической мотивации будут маркироваться производные, возникающие в результате сочетания префиксоидов с книжными автономными основами, а расширенной — производные, образованные от сочетания префиксоидов с исконными автономными основами. Наибольший интерес представляют префиксальные производные, характеризующиеся коэффициентом расширенной мотивации. Логично полагать, что, чем чаще префиксальный формант греко-латинского происхождения сочетается с исконными основами, тем реальнее его шансы интегрироваться и закрепиться в префиксальной системе языка. Характер сочетаемости форманта с производящими основами приобретает, таким образом, принципиальное значение.

Думается, что в свете изложенного целесообразно говорить не о словообразовательной мотивации производных с тем или иным книжным префиксальным формантом, а о словообразовательной сочетаемости последнего с определенным типом автономных основ — исконных или книжных. Подсоединенное разделение основ согласуется с делением словообразовательных формантов на исконные (народные) и книжные. Известно, что книжные аффиксы чаще сочетаются с основами книжного характера (происхождения) и, соответственно, исконные форманты — с основами исконных (народных) слов. Другими словами, сочетаемость, или "совместимость", формантов с определенными категориями основ характеризуется адекватным структурно-семантическим изоморфизмом. Со временем статус сочетаемости формантов с производящими основами может меняться, так как могут появляться не свойственные им прежде тенденции противоположного характера, например, сочетаемость книжных префиксальных формантов с основами исконных слов. Сочетаемость книжных формантов с исконными

основами свидетельствует об определенном сдвиге в комбинаторике рассматриваемых аффиксов и в конечном счете о прогрессирующей экспансии производных с книжными аффиксами в сфере общеупотребительной лексики.

В данной статье представлена попытка проверить рабочую гипотезу о том, что степень сочетаемости книжных префиксоидов греко-латинского происхождения с исконными основами свидетельствует не только о чисто количественной экспансии формантов, но и о степени их автономности и интеграции в аффиксальную систему языков.

Исходя из изложенного, считаем, что вместо термина "мотивированность префиксальных производных" целесообразно использовать понятия "словообразовательная сочетаемость" и, соответственно, "специфическая" и "расширенная".

В качестве аргумента в пользу предложенных терминов может служить факт, что понятие мотивированности языковых единиц слишком широкое, поскольку ассоциируется не только с анализом словообразовательной структуры лексических производных единиц, но и с морфемным анализом последних. Термин "словообразовательная сочетаемость" префиксальных формантов с определенными категориями производящих основ ассоциируется, прежде всего, с синхронным анализом словообразовательной структуры производных.

Таким образом, примененные нами способы анализа фактического материала несколько отличаются от методики Ж.Пейтара тем, что, как уже упоминалось, из анализа исключаются образования с книжными неавтономными (связанными) основами. Например, такие новообразования, как франц. *téléthèque* или молд. телеман в данной статье рассматриваться не будут, так как второй компонент подобных образований (-*thèque* (-*thèque*, -*ман*) представляет собой суффиксоидный формант (в функционально-словообразовательном значении термина). В противном случае пришлось бы признать возможность структурирования производных слов по модели "префиксоид + суффиксоид", что не соответствует языковой действительности. В соответствии с этим положением анализируются только случаи сочетаемости последних с автономными основами - книжными и (или) исконными.

Исходя из предложенной методики коэффициент специфической сочетаемости анализируемых префиксальных формантов определяется отношением количества новообразований, в которых формант сочетается с книжными (автономными) основами, к общему количеству производных, образованных с данным формантом. Коэффициент расширенной сочетаемости выражается отношением количества новообразований, в которых префиксальный формант сочетается с исконными основами, к общему количеству производных, содержащих соответствующий префиксальный фор-

мант. Выделенные таким образом коэффициенты словообразовательной сочетаемости характеризуются большей избирательностью и, следовательно, отличаются от коэффициентов специфической и расширенной мотивации Ж.Пейтара. Как было указано, в понимании Ж.Пейтара коэффициент расширенной мотивации применим к префиксальным образованиям, содержащим обе категории свободных основ – книжных и исконных. Представляется, что дифференцированный подход к данным категориям свободных основ отражает установившуюся в романском языкознании традицию разделения лексики неолатинских языков на исконную и книжную.

С использованием данной методики определен коэффициент расширенной словообразовательной сочетаемости наиболее часто встречающихся префиксоидных формантов. Таким образом выведен средний общероманский коэффициент расширенной словообразовательной сочетаемости – 0,31.

Анализ коэффициентов расширенной сочетаемости показал, что французский и итальянский языки характеризуются наиболее высокими индексами сочетаемости префиксоидных формантов с исконными основами. В этих языках он равен 0,39 и на 0,08 превышает средний общероманский коэффициент. Данное обстоятельство свидетельствует, на наш взгляд, о большей, чем в других романских языках, ассимиляции и интеграции префиксоидных элементов в префиксальные системы французского и итальянского языков. Небезынтересно, что именно эти языки насчитывают наибольшее количество префиксоидных формантов (4–6), коэффициент расширенной сочетаемости которых составляет 0,50 и более.

Заметим также, что за редким исключением большинство префиксоидных формантов, превышающих средний общероманский индекс словообразовательной сочетаемости с исконными основами, восходят к латинским (книжным) этимонам. К таковым относятся *maxi-*, *multi-*, *super-*, *post-*, *semi-*, *video-*, *vice-*, *mini-*.

Количество формантов греческого происхождения, превышающие во всех или в ряде языков данный индекс, несколько меньше. Единственный формант греческого происхождения, превышающий средний общероманский индекс расширенной сочетаемости во всех исследуемых языках, – *auto-*². Затем следуют *auto-*₁ (в испанском, французском и итальянском), *sine-*₂ (в португальском, французском и румынском), *télē-*₂ (во французском и итальянском). Некоторые префиксоиды греческого происхождения, коэффициент расширенной сочетаемости которых превышает средний общероманский индекс, фигурируют только в отдельных романских языках. Например, *aerò-* (в испанском), *télē-*₁, *électro-*, *micro-* (во французском), *neo-* (в итальянском).

Таким образом, по степени сочетаемости с исконными основами префиксоиды латинского происхождения значительно стиличаются от формантов греческого происхождения тем, что первые чаще вступают в отношения словообразовательной производности с данной категорией основ, нежели вторые. Высокая совместимость префиксоидов латинского происхождения с исконными основами позволяет предполагать, что наибольшие шансы интегрироваться в префиксальную систему исследуемых языков имеют неолатинские форманты. Наличие в результатах большего количества сходств, чем различий, свидетельствует о том, что в методологическом плане проведенное индексирование зиждется на прочной основе. К тому же при анализе и обобщении количественных параметров языков должна учитываться их специфика. Так, в восточнороманских языках средние коэффициенты словообразовательной сочетаемости префиксоидов с исконными словами, значительно ниже общероманского индекса. В переносе он равняется 0,25, а это свидетельствует о меньшей деривационной совместимости префиксоидных формантов с исконными словами. Данное явление объясняется, во-первых, тем, что в силу исторических обстоятельств префиксоидные элементы греко-латинского происхождения стали проникать в восточнороманские языки позже, чем в другие неолатинские, вследствие чего процесс их ассимиляции несколько запаздывает по сравнению с западнороманскими языками. Во-вторых, определенное значение имеет и тот факт, что многие слова, содержащие префиксальные форманты типа *cine-*, *termo-*, *agro-*, *bio-*, *moto-*, *neo-* и пр., заимствуются этими языками в готовом виде из других западноевропейских языков, а также из русского, что не может не отразиться на продуктивности упомянутых формантов на восточнороманской почве.

Продуктивность словообразовательных формантов, однако, не всегда связана с деривационной сочетаемостью последних с производящими основами исконных слов. Например, префиксоидные форманты *maxi-*, *multi-*, *aero-*, *semi-*, *moto-*, *post-*, *cine-*, *mini-*, *vice-*, *video-*, *supra-*, *auto*₂⁻, *super-* фигурируют среди первых пяти формантов с наиболее высоким коэффициентом расширенной сочетаемости. Однако лишь некоторые из них (*super-*, *auto*₂⁻, *semi-*, *mini-*) встречаются среди первых - наиболее продуктивных формантов соответствующих языков. С другой стороны, такие продуктивные префиксоидные форманты, как *auto*₁⁻, *tele*₂⁻, *micro-*, не входят в число префиксоидов с высоким коэффициентом расширенной сочетаемости. В свете изложенного дать однозначный ответ на вопрос о непосредственной взаимосвязи между рассматриваемыми количественными параметрами префиксальных формантов, с одной стороны, и последующей интеграцией последних в префиксальную систему исследуемых

языков — с другой, не представляется возможным. Думается, что, хотя степень словообразовательной продуктивности и имеет значение для распространения и экспансии префиксоидных формантов, она, тем не менее, не является решающей при выяснении качественных изменений в статусе префиксоидных формантов.

При определении перспектив системной интеграции префиксоидных формантов более надежным, на наш взгляд, является второй количественный параметр, а именно: степень сочетаемости префиксоидов с исконными основами. По сути своей данный параметр является не чисто количественным, а количественно-качественным. Способность префиксоида сочетаться не только с книжными, но и с исконными основами приводит к качественным сдвигам в его функциональном статусе. Иначе говоря, частое сочетание префиксоида с исконными словами приводит к тому, что это начинает восприниматься носителями языка как нечто естественное. Первоначальная "несовместимость" формантов с данной категорией основ нейтрализуется узусом, и форманты приобретают в сознании говорящих новое качество — статус "специфических" частиц, способных к новым аналогичным образованиям.

Следует заметить также, что расширенная сочетаемость как признак и критерий экспансии и системной интеграции префиксоидных формантов в префиксальные системы языков не характеризуется имманентными свойствами и было бы ошибочным абсолютизировать принцип выделения подобных коэффициентов.

Л и т е р а т у р а

1. Чинчлей Г.С. Соотношение минимальных значимых единиц языковой структуры. Кишинев, 1975.
2. Peytard J. Motivation et préfixation: remarques sur les mots construits avec l'élément "tél" // Cahiers de lexicologie. V.1.1964.
3. Peytard J. Recherches sur la préfixation en français contemporain. Université de Lille III et Librairie H. Champion. V.1-2, Paris, 1975.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ДИСТАНЦИРУЮЩИХ ЭЛЕМЕНТОВ
В РАМКАХ СИНТАКСИЧЕСКОГО БЛОКА
СКАЗУЕМОГО ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема дистантного сказуемого как ответвление более крупного вопроса - порядка следования, или порядка слов в предложении, - до сих пор не была представлена в качестве специального лингвистического исследования. Между тем это довольно интересное языковое явление. Целесообразно отнести феномен дистантного сказуемого к "синтаксису высказывания", или "синтаксису акта высказывания" [6, с.31]. Данное утверждение основывается на том, что большинство примеров с дистантным расположением компонентов сказуемого зарегистрировано нами в диалогической и монологической речи в художественной прозе и в публицистике. Именно в этой форме коммуниката проявляются в большей степени человеческие эмоции, без которых "нет и быть не может человеческого искания истины" [1, с.112].

Под термином "дистантное сказуемое" подразумевается такой синтаксический блок сказуемого [7, с.67], между компонентами которого (x, y) располагаются различные дистанцирующие элементы (d): Nous avons, a-t-il r6v6l6, d6cid6 de faire passer ces avions au-dessus de la mer... (L'Humanit6. 17, aor.1986. P.12); Car on peut bien dire que l'erreur est humaine. (L'Humanit6. 14. febr.1986. P.4). Общей формулой сказуемого здесь является xdy. Подчеркнем, что дистаксии подвергаются семантически и функционально тесно связанные синтаксические блоки.

Явление дистантного сказуемого объясняется, видимо, теми же причинами, что и сама дистаксия. Оно сводится к нарушению порядка слов в коммуникативной, грамматической либо в той и другой сферах. В.Г.Гак выделяет в этом плане два основных момента: 1) такое присоединение к одному господствующему члену ряда зависимых, что разъединение становится неизбежным (в этом структурная функция дистаксии); 2) потребность выделения, актуального членения (семантическое назначение дистаксии) [4, с.94].

При дистаксии сказуемого, видимо, в большей степени реализуются коммуникативный, семантический аспекты, тесно связанные с логическим развертыванием компонентов сказуемого и сопровождающих его частей речи. У участника общения создается определенный стереотип развертывания элементов. Он представляет, что после элемента x должен следовать элемент y, так как вместе они создают единое смысло-

вое и функциональное целое. Дистаксия нарушает эту последовательность и ведет к тому, что за элементом *x* появляется *d*, привлекающий к себе внимание необычностью позиции в речевой цепи. Элемент *d* оказывается в прагматическом фокусе высказывания. Он выступает объектом, который сообщает или дополняет наиболее важную информацию о сказуемом, расширяя таким образом ее объем.

Элемент *d* является как бы емкостью, которая может быть заполнена различным содержанием. По утверждению В.В.Луцкой, "о степени расчленения предиката невозможно судить, не принимая во внимание характера расчленения предиката, т.е. качественной специфики единиц измерения" [5, с.19]. В зависимости от этого элемент *d* по-разному воздействует на сказуемое в целом, ведя к образованию обязательной или факультативной дистаксии.

Обязательная дистаксия возникает вследствие "диктата" грамматической нормы. В качестве наполнителя элемента *d* в таких случаях выступают личные безударные местоимения и безличное *on*, располагающиеся между компонентами сказуемого ввиду инверсии подлежащего, являющейся в определенной мере нормой для современного французского языка*. Такая дистаксия лишена стилистической окраски: *Jusqu'à présent qu'avait-il eu de bon dans son existence?* (Flaubert); *...trop vertement devait-il regretter plus tard...* (Humanité Dimanche, 9 mai, 1986. P.45); *Que peut-on faire pour aider à la cause...* (L'Humanité, 1 janv. 1984. P.6). Однако даже в подобных примерах дистаксия может приобретать некую стилистическую окраску благодаря воздействию аффективной интонации.

Факультативная дистаксия образуется такими дистанцирующими элементами, как наречие, наречный оборот, а также свободным сочетанием слов, предложением. Роль данных элементов неоднородна в количественном и качественном плане, в расширении конструкции, которая зависит от задач коммуникации: *J'aurais pu, peut-être, approcher d'une vie.* (Druon); *Vous avez, non sans quelque désaisir et certaines privation, acquis les connaissances solides* (Balzac).

* Существуют различные мнения по поводу нормативности инверсии в современном французском языке. Так, Л.И.Илия, П.А.Шигаревская говорят о закреплении прямого порядка слов в современном французском языке, что ведет к снятию инверсии в некоторых типах предложений. Р.Г.Пиотровский приводит ряд доказательств в пользу развития процесса инвертирования подлежащего. Речь идет о том, что, противостоя свойственным современному французскому языку тенденциям прямого порядка слов, инверсия подлежащего выступает в качестве широко употребляемого экспрессивного синтаксического варианта.

Факультативность дистаксии может быть относительной и полной. Относительно факультативная дистаксия происходит при участии элементов, расположение которых между компонентами сказуемого считается предпочтительным. Таковыми являются большинство качественно-относительных наречий и наречных оборотов, например, *déjà, enfin, bien, jamais, peut-être, sans doute etc.* 8, сс.128,167; 9, сс.101-114: *Hier matin France-Inter, RTL ont enfin rompu le silence* (L'Humanité, 13 nov. 1986. P.8).

Полная факультативная дистаксия образуется свободными сочетаниями слов и предложениями: *La France qui avait, voilà encore quelques semaines, empêché les bombardiers US de survoler l'Hexagone ...* (Humanité Dimanche. 9 mai. 1986. P.3); *Mais... elles devaient, comme les reines qui sont obligées de faire des avances à leurs amants, venir ...* (Balzac). Позиция указанных дистанцирующих элементов продиктована стремлением пишущего максимально приблизить к сказуемому наиболее важную и значительную информацию. Синтаксический блок сказуемого приобретает в таком случае большую весомость, так как в его рамках образуется семантико-синтаксическое целое, способное передавать сущность информации, выраженной предложением.

Если рассматривать явление дистантного предиката с точки зрения теории актуального членения, то можно говорить о дистанцирующем элементе как мостике между темой, выраженной вспомогательным, полувспомогательным, связочным, полусвязочным глаголом и ремой, состоящей из причастия прошедшего времени, инфинитива, существительного и т.д. Это происходит, когда дистанцирующий элемент дополняет, уточняет значение сказуемого. Чаще всего в данной роли выступают наречия, наречные обороты, свободные сочетания слов, выполняющие обстоятельственную функцию. В подобных случаях дистанцирующий элемент относится ко всему сказуемому, а не к его части.

Предложение в качестве дистанцирующего элемента сказуемого имеет иное назначение: оно характеризует не действие, выраженное в сказуемом, а высказывание, дополняя информацию, а чаще всего давая оценку действию. Следовательно, в рамках актуального членения интеркалирование предложения является не переходным этапом от темы к реме, а определенной параллельной структурой, поясняющей ансамбль темы и ремы: *Ils se sont, paraît-il, rendu une visite de courtoisie* (Humanité Dimanche. 21, mars, 1986. P.8); *Il faut, disait-il, en prenant autour de lui et jusqu'aux extrémités du paysage un regard satisfait, tenir ainsi la bouteille* (Flaubert).

Интерпозиция элемента *d* между компонентами сказуемого позволяет дополнить актантную теорию Л.Теньера [10]. Согласно ей, позиции, существенные для структурной характеристики конструкции, замещаются "актантами", периферийные же позиции - "сирконстантами". Периферийными считаются позиции, не заданные смыслом предикативного ядра. "Актантами", по Л.Теньеру, являются существительные или их эквиваленты. "Сирконстанты" выражают обстоятельства времени, места, образа действия [10, с.102].

Какая же роль по этой теории отводится дистанцирующим элементам? По месту расположения - непосредственно при глаголе - они приближаются к актантам, а по функции - к сирконстантам.

Интерпозиция в корпус сказуемого различных дистанцирующих элементов в функции обстоятельств доказывает еще раз несостоятельность исключения из теории валентности глагола группы сирконстантов, так как зачастую именно они несут важную, иногда основную, информацию о глаголе, дополняя и поясняя действие. Представляется, что дистанцирующие элементы следует также отнести к актантам, но они будут отличаться степенью обязательности от собственно актантов в понимании Л.Теньера. Для разделения элементов предлагаем назвать дистанцирующие элементы интерактантами. Этот термин отражает, во-первых, их позицию при глаголе, в корпусе сказуемого; во-вторых, их функцию - сообщения необходимой информации о предикате, о его новом качестве.

Сочетание глагола и дистанцирующего элемента - интерактанта - создает качественно новый элемент, на ступень выше предыдущего, когда значения глагола и интерактанта переплетаются и воспринимаются как единое целое, образуя новую семантическую валентность глагола (в отличие от синтаксической валентности, формируемой собственно актантами), генерируя "ту дозу информации, которая оказывается необходимой и достаточной для воздействия на слушателя в желаемом для говорящего направлении" [7, с.62].

Не все дистанцирующие элементы, однако, способны быть интерактантами. Исключение составляют независимые предложения в данной функции. Такие элементы "не вступают в реакцию" с глаголом-сказуемым и играют роль "постороннего наблюдателя", дающего оценку действию, выраженному в глаголе. Их нельзя причислять к интерактантам, так как они не несут необходимую информацию о сказуемом. Скорее, это интер-сирконстанты, схожие по месторасположению с интерактантами, но отличающиеся от последних функцией "чужеродного", факультативного

вкрапления в сказуемое: ... alors qu'il peut, sait-on jamais, se d -
sapprouver... (Bazin).

Интерактанты и интерсирконстанты отличаются от актантов и сирконстантов тем, что в первых элементах объединены синтаксическая и семантическая функции, тогда как во вторых проявляется только синтаксическая. Таким образом, первые компоненты сочетают взаимодействие между смыслом и способом его выражения [3, с.5] и могут быть отнесены к "языку в действии", "языку ситуации общения" [6 с.31].

Допускаем виртуальные возражения в том плане, что интерактанты в большинстве своем выражены обстоятельствами, которые не являются необходимыми элементами в функционировании глагола-сказуемого. Как нам кажется, расположение обстоятельств в корпусе сказуемого указывает на то, что им, видимо, отводится немаловажная роль в семантическом функционировании сказуемого, в целях его коммуникативной информативности. Следовательно, данная позиция существенна для конструкций, образующих дистантное сказуемое. Большую роль в сохранении единства сказуемого при дистантном расположении его компонентов играет интонация, которая создает определенную ритмическую картину, держащую в единых "рамках" сказуемое и дистанцирующий элемент, входящий в него. Кроме того, как утверждал Ш.Валли, "самый факт частичного или полного нарушения логического порядка следования ставит слушателя в необходимость восстановить прерванные связи между частями предложения" [2, с.357], в нашем случае - между компонентами сказуемого. Для восстановления этой связи требуется логическое усилие, и тем больше, чем больше промежуток между разъединенными элементами. Это усилие также способствует сохранению единства сказуемого.

Парадокс состоит в том, что, разъединяясь, сказуемое становится более связанным, "нарушение логического порядка слов заставляет слушателя восстанавливать его - диолокация стимулирует внимание, в то время как логический порядок, напротив, усыпляет его, способствуя умственной лени" [2, с.357].

Таким образом, дистанция не нарушает целостности сказуемого, поскольку части осложненного члена предложения могут располагаться дистантно друг по отношению к другу, не выходя, однако, за пределы синтаксической группы, не нарушая ее линейной неразрывности и способствуя более полной реализации функции члена предложения.

Л и т е р а т у р а

1. Ленин В.И. Рецензия на книгу Н.А.Рубакина "В мире книг" // Полн. собр. соч. Т.25.
2. Валли Ш. Французская стилистика. М., 1961.

3. Еудагов Р.А. Этюды по синтаксису румынского языка. М., 1958.
4. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. М., 1986.
5. Луцкай В.В. Характер и степень расчлененности предикатов в зависимости от их семантических типов. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Днепропетровск, 1977.
6. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
7. Чобану А.И. О принципах выделения членов предложения// Актуальные вопросы филологии. Кишинев, 1986.
8. Шор Е.Н. Практическая грамматика французского языка. М., 1984.
9. Le Bidois G., Le Bidois R. Syntaxe du français moderne. T. II. Paris, 1967.
10. Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale; Paris, 1959.

Т е к с т ы

- Balzac H. La peau de Chagrin. Paris, 1972.
 Bazin H. Au nom du fils. Paris, 1960.
 Druon M. Les grandes familles. Paris, 1969.
 Flaubert G. Madame Bovary. М., 1974.
 Humanité Dimanche.
 L'Humanité.

Н.В.Куницкая, В.Ф.Мельник, Б.С.Данилов

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА СОМАТИЧЕСКИХ ЛЕКСЕМ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Фразеология - неотъемлемая и органическая часть языковой системы [9, с.11], которая в силу своей динамичности является наиболее подвижной и изменчивой сферой [3, с.212]. Фразеологические единицы (ФЕ), бытующие в современном языке, сформировались в результате длительного развития. Это ощущается не только в диахронии, но и в синхронии и выражено особенно ярко в конкретных активных лингвистических процессах, каковым подвергаются ФЕ на протяжении историко-семантической эволюции. Изучение данных процессов имеет важное значение для разрешения теоретических проблем фразеологии, в частности, для научного обоснования семантической сущности ФЕ, появляющихся, развивающихся и исчезающих под влиянием функционально-семантических факторов компонентов [7, с.162].

Лексико-семантическая характеристика соматических фразеологизмов (СФ) определена набором компонентов в их составе, сущность исходных лексических значений которых весьма неоднородна, поскольку развитие языка требует адекватности слов миру мыслей [2, с.69].

Во французском, молдавском, русском и других языках функционирует большое количество ФЕ, имеющих в составе соматические лексемы. По сравнению с другими лексемами основного лексического фонда языка они обладают наивысшим "коэффициентом" продуктивности [II, с.62], выделяются широкими фразообразовательными потенциями [I, с.127], вследствие чего остаются важным объектом исследований и на современном этапе развития лингвистики.

В разных языках обнаруживаются специфические черты номинативности соматических лексем, так как "лексические значения одного языка могут не иметь прямых эквивалентов в другом языке даже приблизительно того же уровня развития" [6, с.116]. Например, французские лексемы *face, figure, mine, visage* и др. [13, с.17] в молдавском языке дифференцируются лексемой "фацэ", а в русском - "лицо". Французская соматическая лексема *jarret* в молдавском языке не имеет однословного эквивалента. Здесь для выражения понятия используется описательная конструкция: "партя дин спате а женункулуй" [5, с.469], в русском языке данное понятие обозначается однословным термином "подколенок" и описательным - "подколенная впадина" [4, с.474]. Однако, как правило, французские соматические лексемы имеют прямые соответствия в молдавском и русском языках. Например, французская соматическая лексема *bracte*, молдавская "умэр", русская "плечо" обозначают часть туловища, часть руки и др.

Лексико-семантический потенциал соматической лексемы обуславливает и семантику ФЕ. Большинство СФ с лексемой *bouche* / гурэ/ рот и *langue* / лимбэ/ язык связано с понятиями "говорить" и "молчать". Например: *ouvrir la bouche* / а дескиде гура/ открыть рот, заговорить; *délier (dépouier la langue)* / а-шь дезлега лимба/ развязать язык, начинать говорить, давая показания, выдавая тайну, становиться болтливым и *avalier de l'eau* / а лув апэ ын гурэ/ набрать в рот воды, молчать; *ta bouche!* / цине-ць гура! / попридержи язык! замолчи! и др. Семантика большинства ФЕ с лексемой *oreille* / уреке/ ухо связана со слуховым восприятием. Например: *prêter l'oreille* / а траже ку урека/ наострить уши, прислушаться; *venir aux oreilles de qn* / а аунже ла урека куйва/ прийти до ушей кого (чьих)-либо, услышать, становиться известным кому-либо; *écouter (entendre) de toutes ses (de ses deux) oreilles* / а аскулта дин (ку) тоате урекиле/ слушать во все уши, слушать с напряженным вниманием и др.

Каждая соматическая лексема образует определенные семантико-тематические разряды ФЕ, что подтверждается, например, фразео-семантическими группами с компонентом *oeil/окь/глаз*. Большинство СФ данной группы связано с основным значением лексемы *oeil/окь/глаз*, используемой в качестве названия органа зрения человека или животного. Соматическая лексема *oeil/окь/глаз* определяет свою функционально-семантическую динамику, входя в состав 282 французских, 155 молдавских и 140 русских ФЕ, которые выражают следующие понятия:

1) смотреть, видеть: *lever les yeux sur qn /a ридика окий ла чинева/ поднять глаза на кого-либо; ficher les yeux /a ынфиже окий; а ну перде дин окь пе чинева/ не сводить глаз с кого-либо;*

2) удивляться: *ouvrir de grands (de gros) yeux; regarder avec des yeux ronds /a дескиде (а фаче) окий марь; а фаче окий роате/ вытаращить глаза; не рас ен croire ses yeux /a ну-шь креде окилор/ не верить своим глазам;*

3) симпатизировать, любить кого-либо: *manger (dévorer) des yeux /a мынка (а сорби) ку окий пе чинева; а мынка дин окь пе чинева/ пожирать глазами кого-либо; aimer comme (mieux que) les yeux de la (de sa) tête /a юби ка окий дин кап/ любить как свет очей своих и др.*

4) следить за кем-либо внимательно: *avoir (garder, tenir) qn à l'oeil; не рас perdre (не рас quitter) de l'oeil (des yeux /a ну-л перде (а ну-л скэпа, а ну-л слэби) дин окь пе чинева/ не спускать глаз с кого-либо; avoir l'oeil (les yeux) sur qn /a луга ла окь пе чинева/ наострить глаза и др.;*

5) ненавидеть кого-либо: *n'avoir pas d'yeux pour; faire un sale oeil /a ну авя окь сэ везь пе чинева; а ну ведя ку окь бунь пе чинева; а приви ку окь рэй пе чинева/ смотреть злыми глазами на кого-либо и др.;*

6) обманывать кого-либо: *jeter de la poudre aux yeux /a арунка куйва праф (колб, нисип) ын окь; а лега пе чинева ла окь (а лега окий куйва)/ пускать пыль в глаза кому-либо; à trompe l'oeil /де окий лумий/ для отвода глаз и др.;*

7) желать чего-либо: *lever les yeux sur qch/a-й стикли (а-й фужи) окий дупэ чева/ у кого-либо глаза разбегаются;*

8) злиться: *le feu lui sort par les yeux /a се уйта ку окий рэй (ку окий пе дос)/ сверкать глазами;*

9) выводить кого-либо из заблуждения; помогать правильно понять истинное положение вещей: *ouvrir les yeux à qn; arracher (faire tomber, ôter) le bandeau (le voile) des yeux de qn; ôter la paille de l'oeil de qn /a дескиде окий куйва; а луга куйва пердяуга де пе окь/ открыть глаза кому-либо и др.;*

- 10) глаза выдают человека: les yeux sont le miroir de l'âme /окий сынт оглинда суфлетулуй, окий спун тотул/ по глазам видно;
- 11) думать постоянно о чем-либо: avoir qch devant les yeux /а-й ста ын окь чева/ постоянно иметь перед глазами;
- 12) забыть кого-либо: loin des yeux, loin du coeur /окий каре ну се вэд се уйта/ с глаз долой - из сердца вон;
- 13) любезничать: faire les yeux doux (les doux yeux); faire l'oeil (de l'oeil) /а фаче окь дулчь/ строить глазки кому-либо;
- 14) горевать: pleurer toutes les larmes de ses yeux /а-шь скэлда окий ын лакримь; а ну-шь уска окий/ выплакать (все) глаза;
- 15) обладать хорошим зрением: avoir bon oeil (de bon yeux); avoir des yeux d'aigle /а авя окь бунь; а авя окь ажер (ажерь); а авя окь де вултур (де шойм)/ иметь орлиный глаз;
- 16) подмигивать кому-либо: battre de l'oeil /а да куйва дин окь/ моргать глазом кому-либо;
- 17) проснуться: ouvrir les yeux /а фаче окь; а дескиде окий/ открыть глаза;
- 18) подсматривать: regarder un oeil /а фура ку окий не чинева/ запускать глаза;
- 19) спать чутко, настороженно: ne dormir que d'un oeil; dormir les yeux ouverts /а дорми нумай ку ун окь; а дорми ку окий дескишь/ спать с открытыми глазами;
- 20) застыдиться, сконфузиться: baisser les yeux /а плека окий; а да окий ын жос;
- 21) умереть: fermer les yeux à la lumière /а ынкиде окий (пе тотдлуна)/ закрыть глаза; montrer (tout) le blanc des yeux /а да окий песте кап;
- 22) упрекать друг друга, сцепиться: s'arracher les yeux; sauter aux yeux de qn /а-шь скоате окий унул ла алтул/ колоть глаза кому-либо;
- 23) чувствовать себя плохо: tortiller (tourner) de l'oeil /а и се фаче негру ынаинтя окилор/ в глазах темнеет у кого-либо; monter (tout) le blanc des yeux; faire des (les) yeux blancs /а да окий песте кап/ закатывать глаза;
- 24) явно показать кому-либо что-либо: mettre (jeter) sous les yeux (sur l'oeil) /а-й выры (а-й бэга) куйва чева ын окь/ сунуть под нос кому-либо;
- 25) быть безразличным: fermer les yeux sur qch /а ынкиде окий ла чева/ закрывать глаза на что-либо;
- 26) быть всевидящим, всезнающим: avoir des yeux et des oreilles partout /иметь повсюду глаза и уши;

27) быть жадным, завистливым: avoir les yeux plus grands (plus gros) que le ventre (que la panse) /- авя окий май марь декыт бурта (пынтечеле) / иметь глаза завидующие;

28) быть заметным, очевидным: sauter aux (crever, frapper les) yeux /бросаться в глаза;

29) быть косоглазым: avoir un oeil à Paris, l'autre à Pontoise; avoir un oeil à la poêle et l'autre au chat / один глаз на нас, другой в Арзамас/ а фи ку ун окь ла слэнинэ ши ку алтул ла фэинэ;

30) быть осторожным, внимательным, осмотрительным: avoir l'oeil au guet /а фи ку окий ын патру/ наострить глаза; être tout yeux(et) tout oreilles; être tout oeil et tout oreille /а фи нумай окь ши урець/ держать уши на макушке;

31) быть плаксивым: avoir toujours la larme aux yeux à l'oeil; s'en prendre à ses yeux /а фи ынтотдяуна ку окий ын лакримь/ глаза на мокром месте;

32) быть прямым, откровенным: dire ses (quatre) vérités /а спуне верде'н окь/ сказать правду в глаза кому-либо;

33) закон возмездия: oeil pour oeil, (et) dent pour dent / окь пентру окь ши динте петру динте/ око за око, зуб за зуб;

34) бесконечно, необозримо: à perte d'oeil; jusqu'où les yeux peuvent apercevoir /кыт везь ку окий; кыт поате принде окул/ насколько хватает глаз;

35) в непосредственной близости, рядом: sous les yeux de qn; aux yeux de qn /суб окий куйва/ перед глазами кого-либо;

36) очень быстро, молниеносно: en un clin d'oeil /кыт ай клипи дин окь; кыт те-ай штерже (кыт те-ай фрека) ла окь/ в мгновение ока; (grandir) à vue d'oeil/ (а креште) везынд ку окий/ (расти) на глазах;

37) даром, бескорыстно (делать что-либо): pour les beaux yeux de qn /пентру окь фрумошь/ ради прекрасных глаз кого-либо;

38) заспанный: les yeux en papillon /ку окий кыргиць де сомн не продравши глаза;

39) приблизительно, примерно; без точного измерения, подсчета и т.п. (прикидывать, считать, определять, брать и т.п.): à l'oeil /дин окь/ на глаз;

40) очень худой: les yeux lui mangent la figure /ау рэмас нумай окий дин чинева/ одни глаза остались;

41) без какого-либо аппарата: à l'oeil nu /ку окул либер/не вооруженным глазом;

- 42) наедине: *entre quatre yeux /entre patru окь/* с глазу на глаз;
- 43) замечать, видеть все: *avoir des yeux d'Argus /а авя ун окь ла чафе/* букв.: иметь глаз на затылке;
- 44) непрерывно смотреть на...: *ne pas lever les yeux de dev-ув...* /а ну-шь луа окий де ла ... / не отрывать глаз от...;
- 45) родиться, быть внимательным: *ouvrir les yeux /а дескиде окий/* открыть глаза;
- 46) благосклонно смотреть на что-либо: *regarder (voir) de (d'un) bon oeil /а се уйта (а причи чева) ку окь бунь/* смотреть на что-либо добрыми глазами;
- 47) неодобрительно смотреть на что-либо: *regarder (voir) de (или d'un) mauvais oeil (d'un oeil mauvais /а се уйта ку окь рей/* смотреть недобрыми глазами;
- 48) быть одинакового мнения с кем-либо: *regarder (voir) de même (du même, d'un même) oeil (des mêmes yeux /а се уйта ла че-ва ку очешь окь/* смотреть на что-либо теми же глазами;
- 49) судить о вещах лишь на основании собственного опыта: *avoir tout pour ses yeux; avoir de ses (deux) yeux /а креде нумай про-приилор сэй окь/* верить только своим глазам;
- 50) сглаз, взгляд, приносящий несчастье: *mauvais oeil / окь рей/* дурной глаз и др.

На основе указанных и множества других примеров можно сделать вывод, что характерной чертой соматической фразеологии является наличие в языках многочисленных аналогов, очень близких по образной направленности словосочетаний. Эта особенность резко отличает СФ от других тематических групп ФЕ [8]. Совпадение образности СФ в разных языках объясняется не только заимствованием, но и общими закономерностями, которые приводят к возникновению близких ФЕ [10, с. 72], демонстрирующих универсальный характер переноса соматических лексем, их функционально-семантическую динамику в составе ФЕ.

Обилие СФ в разных языках естественно, так как соматические лексем, входящие в их состав, обладают высской способностью метафоризироваться [12]. Так, большинство СФ французского языка, в которых семантическим центром является лексема *oeil*, совпадают с молдавскими и русскими единицами этого типа. Вместе с тем имеются и факты иного порядка, а именно: наличие национально-самобытных выражений, порожденных историческими, этнографическими, бытовыми и культурными традициями многовековой истории французского народа. Некоторые из этих СФ с лексемой *oeil* в молдавском и русском языках не имеют прямых соответствий, употребляются без соматизма или с другой соматической лексемой. Например: *avoir l'oeil américain* - иметь наметан-

ный глаз; *oeil à Montmorency* - слегка косящий глаз; *taper de l'oeil* /а дорми дус/ спать крепким сном; *oeil du jour (du monde, de la nature, de l'univers)*; дневное светило - солнце; *appeler les yeux* - привлекать к себе внимание; *regarder bien* - выглядеть хорошо; *avoir l'oeil clair*; *avoir les yeux en face des trous* - ясно понимать, трезво судить о чем-либо; *par-dessus les yeux* /пынэ песте кап/ по горло - до пресмещения; *ce qu'il tiendrait dans son oeil* /кыт ай луа ку доуэ дежете; кыт ый негру суб унгие/ кот наплакал; *oeil de boeuf* - слуховое окно; пятифранковая монета и др.

Таким образом, ФЕ, группирующиеся вокруг соматической лексики *oeil* /окъ / глаз, составляют весьма многочисленную, типичную и чрезвычайно употребительную серию, разнообразную в семантическом плане разряд устойчивых словосочетаний.

Л и т е р а т у р а

1. Авалиани Ю.Ю. О фразообразовательных потенциях слова (внутренняя и внешняя валентность фразеологических единиц) // Словообразование и фразообразование. Тезисы докл. науч. конф. М., 1979.
 2. Будагов Р.А. Человек и его язык. 2-е изд., расш. М., 1976.
 3. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М., 1977.
 4. Ганшина К.А. Французско-русский словарь. 2-е изд., стереотипное. М., 1982.
 5. Дикционар франчес-молдовенеск. Суб ред. Е.Д. Андреева. Кишинэу, 1975.
 6. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
 7. Корлэтяну Н.Г. Лимба молдовеняскэ литерарэ контемпоранэ. Лексиколожія. Кишинэу, 1982.
 8. Краснянская И.А. Особенности фразеологических единиц английского языка, служащих для выражения человеческих чувств и состояний, в различных контекстах. Науч. тр. Краснодарск. гос. пед. ин-та. Вып. 120. 1969.
 9. Назарян А.Г. История развития французской фразеологии. М., 1981.
 10. Ройзензон Л.И., Авалиани Ю.Ю. Современные аспекты изучения фразеологии // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967.
- II. Соловьев В.П. Фразеоложія молдовеняскэ ка дисциплине лингвистикэ. Уч. зап. Ин-та истории языка и лит. Молд. филиала АН СССР. Т.4-5 (филол.). Кишинев, 1965.

12. Чайко Т.Н. Названия частей тела как источник метафоры в апеллятивной и ономастической лексике // Вопросы ономастики. № 8-9. Свердловск, 1974.
13. Renson J. Les dénominations du visage en français et dans les autres langues romanes // Etude sémantique et onomasiologique. Paris, 1962.

И.З. Маноли

СТИЛИСТИКА ЗАГЛАВИЙ,
ВЫРАЖЕННЫХ ПОТЕНЦИАЛЬНЫМ СЛОВОМ

Практически любой текст отражает процессы отбора, сочетания и употребления языково-стилистических средств, сложившихся в определенных историко-литературных и общественно-языковых условиях. Между текстом и словом наблюдаются самые различные формы связи. Чрезвычайно сложные отношения возникают в тех случаях, когда в целях структурно-семантической организации текста используются потенциальные слова (ПС) [6], составляющие заглавия произведений. Например: Cybiotique; Нурондэме; Мэтрэме; Télesme (Gonzague-Frick); Les Touristocrates. Purique et Amérique (Daninos); ср. в русск.: Хиппиоты; Пейзаж-посылка; Стихотерапия (Матвеева); Жарбог; Зангези (Хлебников). И когда они участвуют в оформлении более сложных по структуре названий типа Snobissimo ou le désir de paraître (Daninos); ср. в русск.: Мы и дома. Мы и улицетворцы. Кричалъ; Усадьба ночью, чингисхань!.. (Хлебников).

В структуре художественного произведения содержатся ориентиры, которыми должен уметь пользоваться реципиент, поскольку именно они способствуют правильному пониманию текста. Такими ориентирами являются ключевые слова и выражения и, в частности, наполненность сильных позиций, самая важная из которых - заглавие.

Актуальность данной статьи заключена в том, что вопрос номинации художественного текста посредством ПС заслуживает отдельного рассмотрения, так как названия с ПС образуются и функционируют в рамках абсолютно связанного целого, вытекают из него, обусловлены им.

Заглавие как существенный элемент формальной, смысловой и стилистической структуры текста представляет собой в художественном смысле сложное языковое явление, связанное с особенностями процесса номинации, со стилистическим аспектом номинации как единицей речи, т.е.

с гносеологическим аспектом языка. Внимание к этому до сих пор было недостаточным: название произведения обычно анализировалось в связи с раскрытием его идейно-эстетического содержания и социальной направленности (литературоведческий аспект). Однако семантико-стилистические особенности названия позволяют рассматривать его как дифференцированный стилистический компонент в структурно-семантической организации текста, как особую лексико-семантическую позицию (лингвистический аспект).

Роль названия, как правило, зависит от вида речевой деятельности. Считая название доминирующей смысловой идеей текста, Л.С.Выготский писал: "Название дается рассказу, конечно, не зря, оно несет в себе раскрытие самой важной темы, оно намечает ту доминанту, которая определяет собой все построение рассказа" [1, с.206]. И.Р.Гальперин полагал, что в заглавии кроется пресуппозиция, небезразличная к внутриконтекстовой информации: "Название - это компрессированное, нераскрытое содержание текста" [2, с.133].

В художественных произведениях французских авторов XX в. гетерогенность названий, в которых встречаются ПС, представлена несколькими структурными типами.

1. Название - сверхфразовое единство, когда весь текст служит заглавием. ПС включено в ткань текста или находится в первой строке:

... et démonolâtrie

Retourne vers Satan avec zoolâtrie

Avec psychiatrie avec chimiâtrie (Péguy).

В этом проявляется специфичность заглавия лирической поэзии. Отсутствие выделенного заглавия не говорит о том, что его роль сведена к нулю: в лирике, как известно, актуализируются все структурно-семантические компоненты.

2. Двойное название типа Passerport pour la nuit ou le Roi-sommeil; Snobissimo ou le désir de paraître (Daninos); Clo-Clo, ou le petit... poussait (Guitton), etc.

3. Название-словосочетание типа Le degré Zorro de l'écriture (Verheggen), по модели названия работы Р.Барта "Le degré zéro de l'écriture" (Berthes); Parlez-vous franglais? (Etiemble); Les Vertus crâboncragues (Rabiniaux), etc.

4. Название-слово или название - сложное слово типа Le Dêreuf leur (Beckett); Hebdomeros (de Chirico); Jumiêges (Decaëns); Les Maxibules (Aymé); Le Mentir-vrai (Aragon); Acidylmésodiphénylanthracènes (de Bruyn), etc. (ср. в русск.: Братино (Адрианов); Улыбши (Аброскин); "Раскас" (Шукшин); Собакалipsis (Вознесенский); Тиранозавр, нет "Евросиме"! (Стуруа) и др.

Последний структурный тип названий с ПС является самым распространенным во французской литературе XX в. В связи с этим отмечалось [5, с.249], что «если в начале ХУШ в. Дефо, описывая историю души, озаглавливает книгу приблизительно 50-60 словами, то сейчас А.Белый, думая то же, довольствуется одним знаком - "Я"». Данное утверждение исчерпывающе объясняет краткость заглавий современной французской художественной речи.

Связь между ПС-заглавием и текстом проявляется по-разному. В одних случаях автор поясняет необходимость введения нового слова и декодирует его. Так, Э.Базен, озаглавив один из "семейных" романов *Le Matrimoine*, дает следующее толкование: "J'appelle 'Matrimoine' tout ce qui dans le mariage relève normalement de la femme, comme ce qui tend de nos jours à passer de part de lion en part de lionne (LUI)" [7, с.5]. Подобные комментарии находим у Л. де Гонзаг-Грика, Р.Кено, А.Мишо, А. де Монтерлана, А. Роб-Грийе, Ж.Одиберти, Б.Вианна и др.

В других случаях семантическая корреляция названия взаимосвязана с видами контекстной и внутритекстовой информации и объяснение ПС происходит как бы поэтапно. Так поступает, например, П.Далинос, декодируя семантику слова *snob, snobisme* в романе *Snobissimo ou le désir de paraître*. На 220 страницах текста он поясняет слово *snobisme* 380 раз. Этот прием характерен для произведений и на других языках. Так, в фельетоне "Ураул!" (Известия. 18 авг. 1985) автор поэтапно декодирует содержательную нагрузку слова "ура", затем толкует второй структурный компонент, а в итоге определяет значение новой единицы: "Читаешь отчеты снабженцев, лобуешься величественными айсбергами цифр, а в горле невольно зреет благодарное "Ура!" Но стоит взглянуть на подкладку айсберга, как потянет кричать "Караул!". В итоге получается смесь восторга с недоумением, которую можно сформулировать как "Ураул!". Другие авторы просто объясняют смысл индивидуального образования: «Недаром политический словарь обогатился новым леденящим кровь словом - "Евросима". Это актуальное слово - симбиоз последовательности политики во времени и тождества понятий "возможная ядерная катастрофа" + "разум над ядерной шизофренией" + "страдания и слезы первой в мире трагедии Хиросимы"» (Известия. 9 мая. 1987).

Поскольку в анализируемых ПС-заглавиях обнаружены существенные признаки предложения, а именно: синтаксическая автономность, цельность, неделимость, грамматическая и интонационная законченность, их можно воспринимать как свернутые предложения. По структурно-грамматическому признаку выделяются следующие типы ПС-заглавий:

1) ПС-заглавия, содержащие имена собственные типа Daninoscore - от имени собственного Daninos и (têles)core; Kenocosmogonie - от имени собственного Queneau и cosmogonie (portative); Deltneillerie - от имени собственного Deltell и суффиксов -ill, -erie, etc, ср. в русск.: Велимироведение; Будетляниноведение);

2) ПС-заглавия с именами нарицательными типа Misère (Clavel); L'Abhumanisme (Audiberti); L'Aveuglette (Paulhan); Les Années-lumière (Rezvani); Chantefables et Chanteilleurs (Desnos), etc.;

3) односоставные распространенные ПС-заглавия, имитирующие известные названия типа Mémoires d'infratombe (Benda); Catastrophe et autres dramatiques (Beckett); L'Hôpital: Une hystobio-graphie (Boudard), etc.

ПС-заглавие и текст (блок) в поэзии и прозе чаще всего выступают как информационные аналоги темы и ремы. Тесная синтаксическая связь между ПС-заглавием - темой и текстом - ремой может быть выражена таким построением, когда ПС-заглавие является как бы подлежащим, а текст - все то, что совершает предикат. В таких случаях текст полностью становится предикатом [4, с.147].

Менее распространенный тип структуры - наименование предмета речи в ПС-заглавии и его повторное употребление в тексте произведения в несколько ином значении. Это отчетливо прослеживается на материале перевода ПС-заглавий на другой язык.

ПС-заглавие в тексте может не повторяться. В таких случаях он содержит только признаки ПС-заглавия.

Основная масса ПС-заглавий, как показывает изучение, представлена номинативными "предложениями". Именно они выполняют одновременно прагматическую функцию и функцию компрессии и информации.

Заглавия, в которых содержатся "говорящие" имена, аллюзии, игра слов, обладают большими коннотативными возможностями. Например, в заглавии Daninoscore имя собственное приближается к прозвищу, которое содержит характеристику Даниноса и как человека, и как писателя-юмориста. Такие примеры не редки: La Vie de Jean-Sol Partre вместо Jean-Paul Sartre; Un café-crime arrosé de sang вместо Un café -crème ...; Grand Quêmandeur de la Légion d'Honneur вместо Grand Commandeur ... etc.

Средства морфологической стилистики в заглавии вообще и в ПС-заглавии в частности мало изучены и могут стать предметом отдельного исследования. Отметим, однако, что самую многочисленную группу ПС-заглавий составляют заглавия, оформленные именем существительным. Вынесение в ПС-заглавие других частей речи, например, прилагательных, наречий или местоимений типа Amour postambuleux; Turellement; Vostrie ие встречается редко.

ПС-заглавие играет важную роль в создании динамического единства произведения. Однако, чтобы выявить ее отчетливее, необходимо

знать, какое место принадлежит заглавию в литературном тексте, в структурно-семантической организации. В этом плане представляет интерес определение функций заглавия, интерпретация отношений, связывающих его с другими элементами произведения. Можно выделить следующие функции: номинативно-установочную, компрессии информации, воздействия на реципиента, рекламную. Они могут дополнять друг друга. Например, функция компрессии информации часто преследует и рекламную цель: *La banane protégée par sa peau protège votre bel port de* (название публицистического текста).

Функция ПС-заглавия состоит в максимальной актуализации речевого высказывания как импульса, оттесняющего возможное нормированное заглавие на второй план: *Le Jacassin (Daninos) - Le Jacassier; Le Quai Lembour (Queneau) - le calembour; La Duchesse de Beauvoir - (Simone) de Beauvoir; La Vie et l'oeuvre de Ericche de la Rochelle - (la vie et l'oeuvre) de Drieu La Rochelle, etc.* Ср. в русск.: Смехотворение - стихотворение; Стихотерапия - (игло)терапия; "Любил я, стонал я, своей называл..." - "Любил я, стонал я"... и др.

Функция приведенных ПС-заглавий заключается также и в том, чтобы вызвать образ, представление, индивидуализировать информацию, а не канонизировать или клишировать ее. ПС-заглавие является важным семантическим ориентиром, придает направленность процессу понимания и стимулирует активность реципиента. Будучи неотъемлемым элементом смысловой и стилистической структуры текста, ПС-заглавие занимает в нем акцентирующую позицию. ПС-заглавие служит первым сигналом неизвестного смысла и может быть полностью понято только в ретроспекции.

Для декодирования ПС-заглавия следует рассматривать его в контексте в с е г о произведения - лишь тогда оно приобретает подлинную семантическую наполненность и значимость, раскрывает силу обобщения, которую вкладывал автор.

ПС-названия имеют не только номинальное значение, но и являются изобразительными средствами различных видов экспрессии и коннотации. ПС-названия многозначны и метафоричны. "Баллада-диссертация" у А. Вознесенского, как и его "Баллада-яблоня", мало соответствуют значениям структурных компонентов. Такие названия не только допускают, но и подразумевают множество интерпретаций. Поэтому наиболее естественны ПС-заглавия в художественной речи, публицистике, где служат стилистико-эстетической цели.

ПС-заглавия или ПС, входящие в структуру развернутых заглавий, обладают, на первый взгляд, малыми ассоциативными возможностями и лишь нацеливают реципиента на понимание текста. Взаимоотношения такого заглавия с текстом стихотворения, например, нередко склады-

ваются двояко: текст может игнорировать однозначность и одноп-
правленность заглавия, но может и закрепить их. Таким образом, кон-
нотация ПС-заглавий определяется не столько самим заглавием или
следующим за ним текстом, сколько их взаимоотношением [3, с.210].

Иными словами, характер отношений между ПС-заглавием и оза-
главливанием в соответствии с языковыми и художественно-поэтическими
нормами, между ПС-заглавием и текстом сложен и многообразен и,
естественно, не исчерпывается описанными выше случаями. ПС-заглавия
во французской художественной речи – не просто различительные знаки,
а неотъемлемая часть текста, содержащая чаще всего свернутое глав-
ное.

ПС-заглавия не только придают семантико-стилистический вес
тексту, но и побуждают читателя искать в последнем дополнительные
ассоциации, добавочную информацию. Иногда ПС-заглавия придают тек-
сту семантическую четкость и конкретность, но чаще случается наобо-
рот – текст помогает завершить деривационное оформление значения ПС.

Л и т е р а т у р а

1. Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1965.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.,
1981.
3. Джанджакова Е.В. О поэтике заглавий // Лингвистика и поэтика. М.,
1979.
4. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М., 1986.
5. Кржижановский С. Заглавие // Литературная энциклопедия: Словарь
литературных терминов. М.; Л., 1925.
6. Манюли И.З. Потенциальная лексика современного французского языка.
Кишинев, 1981.
7. Vazin H. Le Matrimoine. Paris, 1971.

Г.К. Молдовану

РЕГУЛЯРНАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ ИСХОДНЫХ ЛЕКСЕМ
КОМПЛЕКСНЫХ ДЕРИВАЦИОННЫХ ПАРАДИГМ
(на материале глаголов передвижения в пространстве)

Исследуемая на материале семантически близких слов комплексная
деривационная парадигма (КДП) является одним из эффективных спосо-

бов определения, действительно ли процесс семантической деривации своеобразен для каждого слова или можно вести речь о системности возникновения вторичных значений, т.е. об определенных моделях регулярной семантической деривации.

В статье рассматривается семантическая деривация первого деривационного яруса*. Внимание автора было направлено на выявление некоторых моделей регулярной семантической деривации у простых многозначных глаголов передвижения, служащих в нашем исследовании исходными единицами для построения КДП. Как показано ниже, учет модели регулярной семантической деривации может внести коррективы в работу лексикографов по семантической дифференциации словарного состава.

Под регулярной семантической деривацией мы понимаем вслед за Д.Н.Шмелевым [12, с.121-123] предсказуемость с достаточно высокой степенью вероятности вторичных значений (ЛСВ) у семантически близких слов**. Понимание регулярной семантической деривации как свойства семантически близких слов предполагает исследование закономерностей образования вторичных значений у слов, относящихся к одной лексико-семантической группе (ЛСГ), путем сопоставления их с особенностями регулярности семантической деривации для других ЛСГ. Регулярность семантической деривации, таким образом, можно определить как такое ее свойство, которое проявляется в пропорциональности, типичности соотношений значений у семантически близких слов. Представляя собой семантическую универсалию [9, с.266], регулярность семантической деривации объясняется тем, что семантически близкие слова имеют однотипные семантические и ассоциативные компоненты, часто бывают функционально эквивалентными и характеризуются однотипной лексической сочетаемостью.

Тенденция к образованию однотипных вторичных значений у семантически близких слов была отмечена в конце прошлого века М.М.Покровским: "Слова, сходные или прямо противоположные по значению друг с другом, ассоциируются и проходят сходную или параллельную историю" [5, с.87]. В последние годы проблемы регулярной семантической деривации рассматривались на материале русского языка Ю.Д.Апресяном [1], Д.Н.Шмелевым [11, 12], А.П.Чудиновым [10] и др. В трудах этих исследователей описаны однотипные вторичные значения ряда существитель-

*Анализ развития вторичных значений у лексических единиц, входящих в КДП, позволяет выделить два яруса семантической деривации. Первый - это семантическая деривация простой, исходной (в нашем случае - глагольной) лексемы, служащей отправной точкой в построении КДП. Второй ярус семантической деривации связан с тем, что мотивированный член КДП (морфологический дериват) не ограничивается семантической мотивирующей, а развивает вторичную семантическую функцию, приспособляясь для обозначения все новых явлений объективного мира.

**Ср. с иной интерпретацией данного явления Д.Д.Апресяном [1, с.516].

ных и глаголов в русском языке. На материале французского языка проблемы регулярной семантической деривации глагольной лексики, насколько нам известно, до сих пор не изучались.

Единицей описания образования однотипных вторичных значений является модель регулярной семантической деривации, которая трактуется как схема формирования вторичных значений у семантически близких слов, абстрагированная от конкретного лексического значения [10]. Модель регулярной семантической деривации во многом напоминает словобразовательную модель, являющуюся абстрактной схемой образования производных слов [3, с.182-183; 6, с.135]. Не случайно некоторые исследователи [4, 8] рассматривают модель регулярной семантической деривации как частный случай словобразовательной модели. Более обоснованной представляется точка зрения, согласно которой модель регулярной семантической деривации имеет со словобразовательной моделью не только общие, но и отличительные признаки [10]. Мы рассматриваем модель регулярной семантической деривации как аналог словопроизводственной модели, а не как частный случай последней, подобно тому как семантическая деривация интерпретируется нами не как часть словообразования, а наряду с ним в составе лексической деривации в широком смысле.

Известно, что регулярность метафорических* переносов имеет особый характер: ввиду того, что метафорический перенос основывается на ассоциативных семантических компонентах, которые не всегда однородны для единого лексико-семантического ряда, считается, что "...направление метафоризации для тех или иных групп слов поддается только самому общему определению" [7, с.21]. Метафоризация признаков слов сводится к двум основным типам: развитие от более конкретного к более абстрактному и соответствие принципу антропо- или зооморфизма [2, с.336]. Тем не менее, в пределах этих самых общих моделей и помимо них можно выделить более частные регулярные модели метафорических переносов, что, несомненно, важно для унификации словарных разработок идентичных семантических явлений, адекватного отражения в словаре семантической структуры глагола.

После предварительных замечаний обратимся к анализу конкретного языкового материала.

Среди глаголов передвижения субъекта в пространстве во французском языке можно выделить подгруппы глаголов, обозначающих только передвижение людей (ср.: *conduire, voyager, abandonner, se promener*), передвижение людей и животных (ср.: *fuir, marcher, plonger, sauter*),

*На исследуемом материале обнаружить метонимические переносы нам не удалось.

только передвижение животных, птиц (ср.: *ramper, voler*), передвижение жидкостей, газа (ср.: *couler, jaillir*). Глаголам каждой подгруппы свойственна модель регулярной семантической деривации, в соответствии с которой у них могут нейтрализоваться семантические признаки, характеризующие субъект действия. Например, если глагол, обычно обозначающий передвижение живых существ, употребляется по отношению к предмету, возникает стилистическая фигура персонификации* (ср.: *Un vent léger fuit dans les palmes. Cette route conduit à la ville. Ce fauteuil ancien boîta. Un léger ballot vole à travers les pièces. On entendait la plume courir sur le papier timbré*). Напротив, если глагол, употребляющийся обычно по отношению к предмету, характеризует передвижение живых существ, возникает противоположная стилистическая фигура - деперсонификации (ср.: *De la rue une ombre a jailli, un homme lancé au pas de course*). Разновидностью деперсонификации является также использование по отношению к человеку глагола, который обычно называет действие живых существ (ср.: *Cet homme n'a aucune dignité: il rampe toujours devant les supérieurs. Va, cours, vole et nous venge*). Персонификация и деперсонификация являются наиболее изученными моделями регулярной семантической деривации глагольной лексики. Практически все анализируемые глаголы интересующей нас ЛСП могут употребляться по данным моделям.

Для значительной части глаголов передвижения французского языка характерна модель регулярной семантической деривации, в соответствии с которой они могут переносно обозначать движение во времени, а не в пространстве (ср.: *Le temps fuyait pour tout, pour tous, et pour moi-même. Par le temps qui court, c'est une aubaine de trouver un appartement à louer. Le jour de gloire est arrivé. Le temps n'a point de rive; il coule et nous passons. Au retour ce fut le silence; tandis que la nuit tombait. Maître, les jours passent; et j'avance en âge. Un jour viendra où il n'y aura qu'un coup de pouce à donner. Le temps vole (litt). Le jour qui suivit*). Хотя данная модель охватывает значительную часть глаголов передвижения, она носит нарушенный, нестандартный характер, поскольку словари не отмечают подобных значений у таких глаголов, как *bouger, voyager, nager, naviguer, sauter, grimper, monter, descendre, pénétrer, plonger, marcher, jaillir* и др. По нашим наблюдениям, движение во времени обычно выражается глаголами горизонтального передвижения, глаголы вертикального передвижения для этой цели применяются крайне редко (ср. употребление по данной модели глагола *tomber*). Иная картина наблюдается при использовании глаголов передвижения для передачи изменений социального статуса личности и его моральных качеств: глаголы горизонтального передвижения и глаголы, обозначающие передвижение вверх,

* Примеры взяты из словарей *Lexis* и *P. Robert*.

используются для характеристики повышения социального статуса человека, для характеристики его успехов в обществе, коллективе (ср.: Il est parvé colonel. Pour arriver il faut mettre de l'eau dans son vin jusqu'à ce qu'il n'y ait plus de vin. Il se tue de travail et n'avance pas. Cet élève a sauté de quatrième en seconde. Dans deux ou trois ans cet officier montera en grade. Il est venu à son but), а глаголы со значением передвижения вниз переносно указывают на понижение социальной роли и моральных качеств личности (ср.: Le mot descendre est, dans le sentiment populaire comme dans la langue poétique et le patois des savants, à jamais compromis avec les idées d'avilissement, de débauche et de trépas. Oh, n'insultez jamais une femme qui tombe).

Следующая модель регулярной семантической деривации глаголов передвижения в пространстве связана с их использованием для обозначения статичности состояния (ср.: Quelques gratte-ciel jaillissent au-dessus de la cité. Un doux parfum sort de ces roses. Les toits à pente rapide tombaient bien bas sur les fenêtres. Ces pointes sont trop longues: elles traversent la planche. La maison qui suit la mienne. Le château est précédé par une longue avenue. Un puits qui descend à quarante mètres. La Tour Eiffel monte à plus de 300 mètres. La route départementale descend en lacets). В приведенных предложениях глаголы jaillir, sortir, tomber, traverser, suivre, précéder, descendre, monter, grimper использованы для характеристики стабильных ситуаций, в которых нет существенных изменений. Данная модель регулярной семантической деривации глаголов передвижения является довольно продуктивной.

Другие модели регулярной семантической деривации глаголов передвижения французского языка являются более узкими. Например, глаголы, обозначающие вертикальное (реже – горизонтальное) передвижение, нередко передают динамику психологического состояния человека (ср.: Une smalceur inquiétante lui montait au visage. Son exaltation est tombe. Toute cette histoire m'a mis de mauvaise humeur, c'est pour ça que je n'ai pas sauté de joie. Il passé de la crainte à l'espérance. Une grande pitié pour ce malheureux nous pénètre le cœur. Эта модель относится к узким, так как по ней изменяется семантика строго ограниченных подгрупп глаголов.

Некоторые глаголы передвижения субъекта в пространстве французского языка употребляются по модели регулярной семантической деривации для замены прямого наименования эвфемистическим. Например, вследствие того, что в семантике глагола mourir содержатся отрицательные коннотации, актуализация которых является нежелательной для участников коммуникации, происходит замена данного наименования другим,

"мелиоративным" по значению. В качестве эвфемистических номинаций для замены данного наименования используются глаголы *tomber, passer* и *quitter* в переносных значениях (ср.: *Peut-être ne croit-on à la mort que lorsqu'un compagnon vient de tomber à côté de vous? Le type a passé pendant qu'on l'opérait d'urgence. Il a quitté trop tôt la lumière*).

В примере с глаголом *quitter* метафорический перенос приводит к появлению в языке фразеологически связанного значения, обусловленного фразовым окружением. Как и предыдущая, данная модель относится к узким моделям регулярной семантической деривации глаголов анализируемой ЛСГ.

Следующая модель связана с переносным употреблением глаголов перемещения для передачи динамики изменений направления и интенсивности уровня природных явлений (ср.: *Le vent descend (il tourne du Nord vers le Sud). Le baromètre descend (il indique une pression atmosphérique moins élevée). Le baromètre a encore monté: le temps va s'améliorer. Le vent était presque complètement tombé, la mer se calmait. Le vent saute (il change brusquement de direction). Некоторые глаголы названной подгруппы могут переносно указывать на динамику изменения уровня социальных ценностей, изменение физического состояния человека (ср.: *Les prix descendent. Les prix ont grimé. Les prix ne cessent pas de monter. La fièvre grimpe. Le thermomètre descend*).*

Исследование закономерностей развития вторичных значений у семантически близких слов и создание типологии моделей регулярной семантической деривации для различных ЛСГ могут представлять, на наш взгляд, интерес для однозначного решения проблемы разграничения полисемии и омонимии. Помимо известных способов разрешения данной проблемы, можно использовать в качестве вспомогательного критерий модели регулярной семантической деривации^{*}, сущность которого сводится к следующему: модель регулярной семантической деривации сигнализирует о наличии полисемии. Учет модели регулярной семантической деривации может способствовать улучшению, упорядочению результатов работы по лексикографическому описанию словарного состава, более четкой дифференциации спорных, переходных семантических явлений. В этой связи наше исследование позволяет заключить, что авторы словаря "Lexis" [13] допускают известный субъективизм и непоследовательность в определении предела развития полисемии. Неоднозначность

* Мы осознаем при этом, что модель регулярной семантической деривации не приложима ко всему корпусу словаря.

интерпретации идентичных семантических явлений может быть преодолена, если последовательно учитывать при этом модель регулярной семантической деривации.

Проиллюстрируем сказанное на примере следующего ряда глаголов горизонтального передвижения в пространстве: *fuir, courir, arriver, couler, avancer, voler, passer, venir, suivre*. Все они, как было показано выше охвачены "...общей формулой семантического переноса" [II, с.220], которую можно представить в следующем виде: "движение в пространстве + семантический перенос → движение во времени". Вторичное значение - "движение во времени" - у этих глаголов, входящих в определенный лексико-семантический ряд, предопределено его общей семантической характеристикой, т.е. первичным значением соответствующих лексических единиц. Логично утверждать, что данное метафорическое значение, возникшее у названных глаголов в соответствии с одной и той же моделью регулярной семантической деривации, представляет собой семантический дериват и, следовательно, должно интегрироваться в семантические структуры указанных многозначных лексических единиц, что и отмечено, например, в словаре [I4]. Между тем, сопоставление способов представления интересующих нас глаголов в словаре "Lexis" [I3] показывает следующее:

метафорическое значение, обозначающее движение во времени, квалифицируется как семантический дериват и включается в семантические структуры единых многозначных глаголов *fuir, courir, arriver, couler, avancer, voler*;

оно квалифицируется как омоним и дается в отдельной статье (ср.: *passer, venir* и *suivre*).

Очевидно, нельзя согласиться с тем, что вторичное значение глаголов *passer, venir* и *suivre*, обозначающее движение во времени, состоит в отношении омонимии с первичными значениями названных лексем, так как регулярность такого образования, его обусловленность общей характеристикой всего ряда дает основание полагать, что это полисемия.

Примечательно, что префиксальный глагол *revenir*, в семантической структуре которого также выделяется аналогичное вторичное значение, представлен в названном словаре как единый полисемант. Это соответствует нашим рассуждениям, так как можно считать, что метафорическое значение префиксального производного унаследовано им от производящей основы - простого глагола *venir*.

В заключение отметим следующее. Многозначные немотивированные лексемы, относящиеся по прямому номинативному значению к одному лексико-семантическому классу, обнаруживают известные аналогии в своем

семантическом развитии, в соотношении значений отдельных ЛСВ в пределах одного слова. Несмотря на экспрессивность, индивидуальность переносных значений, исследование их методом ЛСГ позволяет установить определенную системность этих значений. Даже относительно небольшой материал показывает, что семантическая деривация глаголов передвижения в пространстве во французском языке имеет регулярный характер. Если по одним моделям возможен метафорический перенос значительного количества глаголов проанализированной ЛСГ, то по другим – могут изменяться только глаголы определенных подгрупп. Выделение переносных значений в толковых словарях современного французского языка носит неупорядоченный характер. Иногда переносное значение представлено в отдельной словарной статье и причислено к категории омонимии, тогда как в других случаях идентичные семантические явления справедливо отнесены к разряду полисемии. Это приводит к смешению полисемии и омонимии, затрудняет исследование семантической деривации. Типология моделей регулярной семантической деривации различных ЛСГ может быть использована для упорядочения результатов работы лексикографов по разграничению полисемии и омонимии: модель регулярной семантической деривации сигнализирует о наличии полисемии.

Л и т е р а т у р а

1. Апресян Ю.Д. О регулярной многозначности // Изв. АН СССР. Серия лит. и языка. Т. XXX. Вып. 6. 1971.
2. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Изв. АН СССР. Серия лит. и языка. Т. 37. Вып. 4. 1978.
3. Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973.
4. Марков В.М. О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск, 1981.
5. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.
6. Русская грамматика-80. Т. I. М., 1980.
7. Способы номинации в современном русском языке. Под ред. Д.Н. Шмелева. М., 1982.
8. Торопцев И.С. Словопроизводственная модель. Воронеж, 1980.
9. Ульянов С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. 5. М., 1970.
10. Чудинов А.П. Регулярная многозначность в глагольной лексике. Свердловск, 1986.
11. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
12. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.
13. Larousse de la langue française. Lexis. Paris, 1979.
14. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Le Petit Robert. Paris, 1980.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОТИВИРОВАННОСТИ ЗНАЧЕНИЙ ПАРОНИМОВ-ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Лексическое явление, определяемое как паронимия, обозначается языковедами по-разному: "парономазия", "паронимическая аттракция", "народная этимология", "малапропизм", "гетерофемия", "квазиомонимия". Такая терминологическая пестрота свидетельствует об отсутствии единого подхода к исследованию данной проблемы. И хотя в последние десятилетия появился ряд публикаций и диссертационных работ, объектом изучения которых стали лексические паронимы [II, 8, 5, 16, 7], вопрос не может считаться окончательно решенным.

Следует отметить, что существуют две точки зрения в толковании паронимов. Одни лингвисты относят к паронимам и однокоренные, и разнокоренные слова [2, I, II, I2]. Это приводит к смешению паронимии с другими языковыми явлениями (парономазией, омонимией).

Мы разделяем мнение о том, что паронимами могут быть лишь однокоренные слова [3, I3, 4, 5, I4].

Прежде чем перейти непосредственно к анализу паронимов-прилагательных отметим, что при отборе единиц учитывались формальный и лексико-семантический факторы. Первый предполагает близкое, но не тождественное звучание анализируемых слов. Лексико-семантический признак означает частичное совпадение в значениях паронимов (общий лексико-семантический вариант - ЛСВ, или общая лексическая сема). Учет этих факторов позволяет отграничить паронимы, в частности, от словообразовательных вариантов. Известно, что для словообразовательных вариантов характерны тождественная семантика и формальное сходство. К паронимам же отнесены лексемы с близким звучанием и лишь частично совпадающие в значениях.

В данной статье показаны особенности мотивированности значений паронимов-прилагательных. Структурно-семантический анализ и метод словарных дефиниций позволили выявить определенные типы идиоматичности ЛСВ и установить степень мотивированности значений паронимов-прилагательных*.

При исследовании использовано около 300 лексических единиц, выделенных методом сплошной выборки из словарей "Лексис" и "Малый Робер". Члены паронимических групп прилагательных являются либо

*О полной мотивированности будем говорить в случае, когда значение мотивированного слова полностью объясняется составными элементами. Частичная мотивированность является результатом лексикализации. В целях анализа значений многозначных членов паронимов частичной мотивированности наряду с полностью мотивированными ЛСВ вы-

членимыми словами, либо одно слово - корневое, другое - членимое.

В целях установления видов мотивированности значения паронимов-прилагательных примеры распределены по трем подгруппам: паронимы-прилагательные, мотивированные прилагательным; существительным; глаголом. Анализу подверглись паронимы-прилагательные, оформленные общезначимыми суффиксами, служащими для образования как прилагательных, так и существительных (-aire, -ier, -ant, -iste), и паронимы-прилагательные, оформленные собственно адъективными суффиксами (-able, -if, -é, -al, -el).

В первую подгруппу вошли пары паронимов-прилагательных, мотивированные прилагательным: один член пары оформлен суффиксом *âtre*, второй - другим. Модель "основа прилагательного + *âtre*", где суффикс указывает на ослабленное или приблизительное качество, типична при образовании прилагательных цвета.

Полными паронимами с мотивированными значениями в этой подгруппе являются прилагательные *rougeâtre/rougeaud*, которые, по данным словаря "Лексис", однозначны.

Прилагательное *rougeâtre* означает: *Qui est légèrement rouge: On lui prescrit des piqûres de calcoium et des ampoules d'un brun rougeâtre.* Это значение семантически опирается на первый ЛСВ мотивирующего прилагательного *rouge*: *Se dit d'un pigment, d'un colorant ou d'une laque dont la couleur constitue l'une des limites visibles du spectre de décomposition de la lumière solaire.*

Слово *rougeaud* употребляется как прилагательное и как существительное в фамильярной речи: *Qui a le visage rouge, haut en couleur: Un jeune garçon joufflu et rougeaud. Un gros rougeaud.* Это значение реализует второй ЛСВ прилагательного *rouge*: *Qui a la figure fortement colorée par quelque émotion.*

Проанализируем паронимы-прилагательные, значение которых мотивировано частично.

Прилагательные *brunâtre* и *brunet'ette* мотивированы прилагательным *brun*. Значение *brunâtre* (*Qui tire sur le brun*) семантически опирается на первый ЛСВ мотивирующего слова: *D'une couleur foncée, intermédiaire entre le jaune et le noir.*

Слово *brunet'ette* употребляется в функции прилагательного и существительного: *Brun de cheveux ou de teint.* Это значение харак-

делены и ЛСВ трех степеней идиоматичности: а) ЛСВ частично отражает мотивированность, т.е. лишь одна часть лексики семантически соотносится с морфемами мотивирующего слова, а другая приходится на семантическое наращение. В таких случаях отмечаем слабую идиоматичность; б) ЛСВ только косвенно (метафорически или метонимически) соотносится со значениями мотивирующего слова, что определяется как частичная идиоматичность; в) ЛСВ, значение которого не имеет семантической опоры в мотивирующем слове, отражает полную идиоматичность.

теризуется слабой идиоматичностью, так как имеет наращение (... de cheveux ou de teint). Следовательно, прилагательные brunâtre/brunet'ette являются полными паронимами с частично мотивированными значениями.

Ко второй подгруппе относятся паронимы-прилагательные, мотивированные существительным.

Рассмотрим паронимические группы, у которых один член оформлен общеименным суффиксом, а другой – собственно адъективным.

Так, от существительного *lunule* образованы прилагательные *lunulaire* и *lunulé*, которые являются частичными паронимами. Прилагательное *lunulaire* однозначное: *Qui a la forme d'une lunule*. Это значение совпадает с первым ЛСВ *lunulé* и семантически соотносится с первым ЛСВ мотивирующего существительного *lunule*: *Figure géométrique plane ayant la forme d'un croissant*.

Словарная статья прилагательного *lunule* включает и второй ЛСВ: *Qui a une ou plusieurs lunules, réalisant le second LSV motivant du mot: Tache blanche, en forme de croissant, qu'on remarque à la base de l'ongle*.

Значения этих паронимов мотивированы составляющими элементами.

Следует отметить, что большинство однокоренных прилагательных этой подгруппы состоят в отношении полной паронимии.

Так, согласно словарю "Лексис" прилагательные *musculaire* и *musculeux* мотивированы существительным *muscle*. *Musculaire* аттестовано как однозначное прилагательное: *Relatif aux muscles, à leur structure, à leur activité: Tissu musculaire*. Этот ЛСВ частично опирается на первый ЛСВ мотивирующего слова *muscle*: *Organe formé de fibres irritables et contractiles, assurant les mouvements des hommes et des animaux*, имея и наращение: *...à leur structure, à leur activité*. Этим же ЛСВ мотивируются первый и второй ЛСВ прилагательного *musculeux*: *Où il y a beaucoup de muscles; Qui a des muscles puissants ou très saillants*, но и здесь характерно наращение: *Où il y a beaucoup... puissants' saillants*, т.е. отмечается слабая идиоматичность. Значения этих полных паронимов мотивированы частично.

Проанализируем паронимические группы однокоренных прилагательных, где элементы оформлены собственно адъективными суффиксами *-able*, *-el*, *-al*, *-esque*, *-if*, *-eux*.

Примером частичной паронимии в этой подгруппе могут служить прилагательные *huilé/huileux*. Первый ЛСВ прилагательного *huilé* совпадает со вторым ЛСВ прилагательного *huileux*: *Imprégné d'huile*. Этот ЛСВ реализует второй ЛСВ существительного *huile*, но в нем есть

наращение (Imprégné...). Словарная статья huilê включает и второй ЛСВ: Qui fonctionne très bien, косвенно соотносящийся с четвертым ЛСВ мотивирующего существительного; Hydrocarbure utilisé dans l'industrie, du fait de son onctuosité, pour le graissage des surfaces frottantes et, dans l'industrie électrique, pour ses qualités d'isolant électrique.

Первый ЛСВ прилагательного huileux (Qui est de la nature de l'huile, qui en a l'aspect, la consistance, qui en contient) соотносится с первым ЛСВ существительного huilê и характеризуется слабой идиоматичностью, так как имеется наращение (...qui en a l'aspect, la consistance, quien contient).

Таким образом, общий ЛСВ паронимов-прилагательных huilê/huilleux, имея наращение, характеризуется слабой идиоматичностью.

Рассмотрим тернарную группу прилагательных tubulaire/tubulé/tubuleux, мотивированных существительным tube₁.

В словарной статье прилагательного tubulaire зарегистрированы четыре ЛСВ. Первый и второй (Qui a la forme d'une tube. Qui est constitué de tubes) соотносятся с первым ЛСВ существительного tube₁: Tuyau cylindrique, rectiligne ou coudé. Третий ЛСВ (Se dit d'une chaudière ou d'un échangeur de chaleur dans lesquels la circulation du fluide chaud ou de l'eau s'effectue dans les tubes à fumée et comprise entre les deux plaques tubulaires) частично соотносится с первым ЛСВ мотивирующего слова, но в нем есть и наращение, определяющее слабую идиоматичность. Четвертый ЛСВ, употребляющийся в архитектуре (Pont tubulaire, pont composé d'une série de tubes métalliques ajoutés bout à bout et supportés par des piles en maçonnerie), также частично соотносится с первым ЛСВ мотивирующего слова.

Словарная статья tubulé включает три ЛСВ. Значение Qui a une ou plusieurs tubulures мотивировано первым ЛСВ существительного tubulure; Ouverture de certains vases, qui est destinée à recevoir un tube. Второй ЛСВ, употребляющийся в изящных искусствах (Se dit d'une draperie qui tombe en plis arrondis, semblables à des tubes), частично идиоматичен, поскольку лишь косвенно соотносится со значением мотивирующего слова tube₁. Третий ЛСВ, встречающийся в текстах по природоведению /Se dit des organes (fleurs, glandes, etc) en forme de tube ou de doigt de gant/, совпадает с первым ЛСВ tubuleux, он также частично идиоматичен, поскольку лишь косвенно соотносится со значением мотивирующего слова. Словарная статья tubuleux обладает и вторым ЛСВ (Glandes tubuleuses, glandes cylindriques, ouvertes, qui constituent les diverticules d'un épithélium), который также частично идиоматичен.

Анализ показал, что *tubulé/tubuleux* являются частичными паронимами с частично мотивированными значениями. По отношению же к прилагательному *tubulaire* они состоят в отношении полной паронимии.

К третьей подгруппе паронимов-прилагательных, мотивированных глаголом, относятся однокоренные параллельные прилагательные, в большинстве своем оформленные собственно аффиктивными суффиксами *-able*, *-é*, *-if*. Большинство прилагательных этой подгруппы состоит в отношении полной паронимии. Так, прилагательные *accidenté/accidentel' elle* мотивируются существительным *accident₁*.

Словарная статья *accidenté* включает два ЛСВ. Первый /*Mouvementé*: *Descartes est l'un de ceux dont le destin posthume est des plus accidentés (=plein de vicissitudes/ реализует второй ЛСВ мотивирующего существительного: Evénement fortuit qui vient rompre facheusement le cours régulier de qch.* Второй ЛСВ (Qui a subi un accident) семантически соотносится с первым ЛСВ существительного: *Evénement malheureux, entraînant des dommages matériels ou corporels.* Этот ЛСВ характеризуется слабой идиоматичностью, так как в нем выявлено нарушение: *Qui a subi...*

Словарная статья прилагательного *accidentel' elle* насчитывает три ЛСВ. Первый ЛСВ (*Dû à un accident: On apprend la mort accidentelle d'une vedette de cinéma*) мотивирован первым ЛСВ существительного *accident₁*; второй (*Dû au hasard: J'ai été le témoin accidentel de leur querelle*) соотносится семантически с пятым ЛСВ мотивирующего существительного: *Par accident, par le fait du hasard.* Третий ЛСВ, употребляющийся в области философии (*Relatif à l'accident: Dans "le livre est rouge", "le livre" est la substance et "rouge" une propriété accidentelle*), реализует третий ЛСВ существительного *accident₁*: *Chacun des modes d'une chose, par opposition à la substance et aux attributs qui constituent l'essence de cette chose.* Таким образом, значение первого прилагательного частично мотивировано, а второго — полностью. Значит, прилагательные *accidenté/accidentel' elle* являются полными паронимами с неравномотивированными значениями.

Анализ однокоренных членимых паронимов-прилагательных показал, что эти лексемы оформлены и общеименными, и собственно аффиктивными суффиксами. Суффиксы, наряду с мотивирующим словом, занимают определенное место в мотивированности значения паронимов-прилагательных. Они характеризуют признак, основанный на разных явлениях.

Результаты исследования однокоренных членимых паронимов-прилагательных иллюстрируют типы паронимов-прилагательных и степень мо-

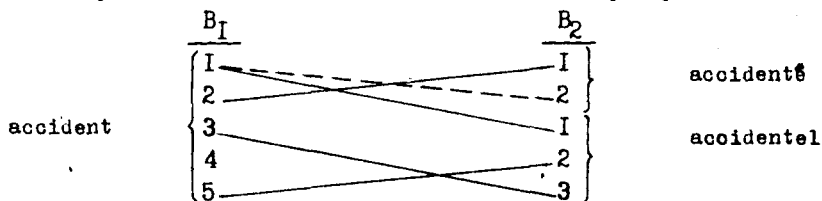
тивированности их значений по приведенным схемам*.

Паронимы-прилагательные, имеющие общее мотивирующее слово.

В случае однозначных паронимов-прилагательных семантическая разница между ними объясняется значениями суффиксов и/или лексикализацией; они состоят в отношении полной паронимии. Например: rougeâtre/rougeaud.

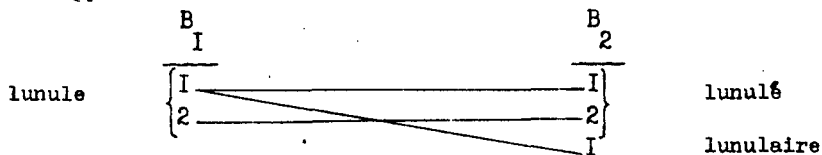
В случае многозначных паронимов-прилагательных выделены полные, частичные и промежуточные типы.

Паронимы-прилагательные, состоящие в отношении полной паронимии, реализуют часть ЛСВ мотивирующего слова. При этом в числе многозначных мотивированных слов могут быть полностью мотивированные ЛСВ и/или ЛСВ с определенной степенью идиоматичности. Например:

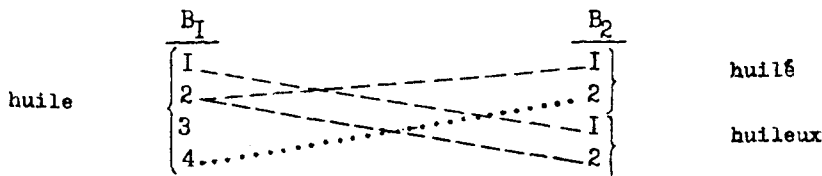

Паронимы-прилагательные, состоящие в отношении частичной паронимии, обладают общим(и) ЛСВ. При частичной паронимии выделены два подтипа:

тождественный ЛСВ паронимов-прилагательных полностью мотивирован мотивирующим словом:

тождественный ЛСВ мотивированных слов характеризуется слабой идиоматичностью:

*Примечание. Цифрами в схемах обозначены ЛСВ. (—) означает, что ЛСВ мотивированного слова полностью мотивирован ЛСВ мотивирующего слова; (---) - только часть дефиниции ЛСВ отражает мотивированность, а другая часть дефиниции приходится на наращение или слабую идиоматичность; (...) - ЛСВ мотивированного слова характеризуется частичной идиоматичностью; ЛСВ мотивированного слова, который не связан с мотивирующим словом, характеризуется полной идиоматичностью.

В схемах приводятся мотивирующие ЛСВ (по словарю "Лексис").

В некоторых тернарных рядах прилагательных отмечается промежуточный тип паронимии (tubulaire/tubule/tubuleux).

Л и т е р а т у р а

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
3. Бельчиков Ю.А., Паниюшева М.С. Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка. М., 1968.
4. Вишнякова О.В. Паронимы в русском языке. М., 1974.
5. Горкинский В.Д. Абсолютная глагольная паронимия в современном польском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978.
6. Ганшина К.А. Французско-русский словарь. М., 1979.
7. Данилич В.С. Семантика и структура паронимов испанского языка. Авторф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1983.
8. Евграфова А.А. Паронимия в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1975.
9. Ермакова О.П. Идиоматичность семантики и членимость слова. Актуальные проблемы русского словообразования. Т.174. Ч. II. Ташкент, 1976.
10. Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973.
11. Критенко А.П. Паронимия и ее роль в языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1974.
12. Кузнецова И.Н. Паронимия в современном французском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.
13. Пономаренко Т.Г. Семантическая характеристика однокоренных глаголов современного русского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971.
14. Фомина М.И. Современный русский язык: Лексикология. М., 1978.
15. Чинчлей Г.С. Некоторые вопросы теории парасинтеза. Кишинев, 1972.
16. Штейнберг Н.М. Аффиксальное словообразование в современном французском языке. Префиксация и суффиксация. Л., 1976.
17. Яркова Л.Г. Паронимия в современном немецком языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.

К ВОПРОСУ О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ВАРИАНТНОСТИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Неразрывная связь формы словесного знака и его значения, их диалектическое единство предполагают взаимооднозначное соответствие плана выражения плану содержания, т.е. их соотношение по принципу "одно означающее – одно означаемое".

Тем не менее, несмотря на прочную и тесную связь между материальной и смысловой сторонами слова, нередко принцип одно-однозначного соответствия означающего означаемому нарушается из-за относительного (не абсолютного) характера их единства. На это обратил внимание Ф. де Соссюр, отметивший, что "язык коренным образом не способен сопротивляться факторам, постоянно меняющим отношение между означаемым и означающим", и рассматривавший такого рода явление как "одно из следствий, вытекающих из принципа произвольности знака" [2, с.108].

Наличие ряда означаемых при общем означающем (в случаях полисемии и омонимии) и ряда означающих при общем означаемом (в случаях синонимии и вариантности) – яркое свидетельство нарушения взаимооднозначного соответствия плана выражения плану содержания. Таким образом, отсутствие органической связи между характером звукового комплекса и семантическим содержанием словесного знака и создает возможность варьирования либо по означаемому (семантическое варьирование), либо по означающему (формальное варьирование).

Это явление обусловлено, в частности, асимметричным дуализмом языкового знака и не противоречит основным законам функционирования языка, ибо "постоянное варьирование плана содержания и плана выражения – это способ существования языка как живой, функционирующей коммуникативной системы" [1, с.349].

В данной статье исследуется словообразовательная вариантность* как разновидность формального варьирования языковых средств. Целью работы явилось изучение особенностей и установление закономерностей словообразовательной вариантности имен существительных в современном французском языке.

В его лексической системе словообразовательная вариантность, предполагающая неизменность значения при варьировании в словообра-

*Вариантность рассматривается нами как варьирование в пределах тождества слова, а варианты соответственно представляют собой формальные модификации языковой единицы при тождественности ее лингвистического значения.

звательной структуре, представлена довольно широко. В составе современного французского языка [4, 5, 6, 9] нами выявлено около 1670 словообразовательных вариантов, существующих в языке в силу семантической соотносительности различных словообразовательных средств.

Исследование семантических структур словообразовательных вариантов, а также семантических особенностей аффиксов, посредством которых они образованы, дало возможность выделить три основные лексико-семантические группы:

Словообразовательные варианты со значением действия или его результатов.

В группе выделяются подгруппы, основывающиеся на регулярности воспроизведения вариантных рядов в рамках определенной пары аффиксов-коррелятов: -age/-ement (courage/curement, puilage/puilement); -age/-ation (déplantage/déplantation, décoantage/décoantation); -ation/-ement (dénivellation/dénivèlement, supplantation/supplante-ment), etc.

Словообразовательные варианты со значением лица: -iste/-ier (chainiste/chainier, cymballer/cymballiste); -eur/-ier (carotteur/carottier, chipotier/chipoteur); -iste/issant (celtissant/celtiste, slaviste/slavissant); -ard/-eur (brailard/brailleux, pleurnicheur/pleurnichard), etc.

Словообразовательные варианты со значением предметности, вещественности: -eur/-euse (étuveur/étuveuse, bineur/bineuse); -oir/-eur (buteur/buttoir, raffraichissoir/raffraichisseur); -oir/-ette (bavette/bavoir, raclette/racloir), etc.

В отдельные группы выделяются вариантные пары, отличающиеся особенностями материального оформления. Среди них представляют интерес пары, вариантность которых основывается на варьировании словообразовательных элементов -graphie, -logie, -logue, -mètre, -métrie, -scope, -scopie, etc., восходящих, как известно, к греко-латинским корням или основам. Вступая в коррелятивные отношения, перечисленные аффиксоиды способны образовывать вариантные пары типа ophiologie/ophiographie, ébullioscopie/ébulliométrie, démonomanie/démonopathie, iographie, /grivomètre, ethnologue/ethnologiste, neurologue/neurologiste.

Словообразовательный анализ позволил выявить ряд структурно-типологических моделей, по которым строятся вариантные ряды во французском языке. Наибольшее количество их объединяет структурный тип $B+Sf_1/B+Sf_2$ *. Внутри данного типа установлены субтипы вариантных ря-

*B-производящая основа, Sf-суффикс; $V^{(n,adj)}$ -соответственно отглагольная (отсутствующая, отаффиктивная) основа; $Sf_{a(b)}$ - варианты суффикса.

дов с учетом частеречного признака производящей основы: B^V+Sf_1 / B^V+Sf_2 (retordage/retordement); B^N+Sf_1/B^N+Sf_2 (chainier/chainiste); $B^{adj}+Sf_1/B^{adj}+Sf_2$ (prognatisme/prognatie).

Выделяется и другой структурный тип: $B^{V(n)}+Sf_a/B^{V(n)}+Sf_b$ (écric-moir ш/écrivain f, carpier ш/carpier f, etc.).

В процессе исследования был также выявлен ряд семантически тождественных однокоренных образований, варианты отношения между которыми основаны на варьировании производящих основ: $B_a^V + Sf/B_b^V + Sf$ (ensilage/ensilotage, pellation/pelletage, riveteuse/riveuse). Подобная вариантность обусловлена, как свидетельствуют данные словарей, вариантностью соответствующих глаголов (cf.: enailer/ensiloter, peller/pelletier, riveter/river). Этому типу при субстантивной основе соответствуют и варианты пары типа abrostatier/abrostier, avionnette/aviette. Их особенность состоит в том, что различие между их компонентами обусловлено степенью полноты или усеченности производящей основы.

Необходимо отметить, что усечение производящей основы у ряда словообразовательных вариантов (alcalinisation, prohibitionnisme - cf.: alcalisation, prohibitionisme), а также ее расширение у других (niction - cf.: nictitation) объясняется обнаруженной Г.С.Чинчлеем закономерностью, согласно которой "усечению подвергается скорее всего исходный морф, включающий три или более слога, а наращиванию - односложный исходный морф" [3, с.96].

Отметим и следующий структурный тип: $B_a^N+Sf_1/B_b^N+Sf_2$, при котором вариантность основывается на варьировании как суффиксальной структуры, так и производящей основы. Так, словообразовательные варианты имен лица lusitanien/lusitain (от Lusitanie) и transylvanien/transylvain (от Transylvanie) характеризуются чередованием аффиксальных морфем (-ien/-ain), а также полной производящей основы (lusitan-, transylvan-) с усеченной (lusit-, transylv-).

Изучение особенностей отдельных рядов словообразовательных вариантов может способствовать прогнозированию перспективы развития вариантных отношений между ними. Показательна эволюция однокоренной пары dégraisvante/dégraissage, функционировавшей некоторое время в качестве вариантной [7]. Устранение вариантности произошло, согласно словарям [6, 8, 9], в пользу dégraissage, выражающего действие по прямому значению глагола ("ôter l'excédent de graisse de"). Однако словарь П.Жильбера [5] свидетельствует о возрождении названной вариантной пары с новым значением, соотносимым с переносным значением глагола dégraisser ("diminuer les frais de gestion d'une entreprise, faire des économies, par ex., en réduisant l'effectif du personnel"). Dégraissage продолжает при этом выражать одновре-

менно и действие в прямом значении глагола. Существует, таким образом, возможность закрепления за компонентом *dégraivvement* переносного значения, а за *dégraissage* — только прямого.

В отдельных случаях возникновение одного из вариантов может быть обусловлено необходимостью устранения омонимии: *lupulin m/ lupuline f* — "poudre jaune produite par les cônes du houblon"; *lupuline f* — "luzerne sauvage".

Одновременное, независимое друг от друга существование семантически равноценных однокоренных дериватов не всегда отражается словарями с достаточной последовательностью и четкостью. Порой не учитываются семантические оттенки значения, присущие каждому из компонентов определенной однокоренной пары, в результате чего они приводятся в одной словарной статье с указанием на их равнозначность. Так, словарь Quillet трактует однокоренные параллели *bronzeur* и *bronzier* как тождественные по значению, тогда как Grand Robert обнаруживает у них несколько различные оттенки значения: *bronzeur* — *fondeur en bronze*, *fabriquant du bronze*, *bronzier* — *ouvrier qui travaille le bronze d'art*. Не всегда учитываются дистрибутивные свойства компонентов. Так, однокоренные дериваты *débouchage* и *débouchement*, *défonçage* и *défoncement*, фиксируемые в словаре Lexis как идентичные по значению, проявляют вместе с тем отличительные дистрибутивные свойства, что позволяет словарю Grand Robert отнести их к отдельным лексемам: *débouchage d'une bouteille*, но *débouchement d'un conduit*; *défonçage d'un terrain*, но *défoncement d'un tonneau, d'une saignée* и т.д. Думается, что подобные однокоренные дериваты не следует отождествлять с вариантами одного и того же слова: их различная лексическая сочетаемость противоречит принципу полной взаимозаменяемости, присущему категории вариантности.

Исследование показало, что компоненты вариантной пары удовлетворяют критериям нормы; вариантность обусловлена реализацией потенциальных возможностей языковой системы. Их появление закономерно; они возникают за счет синонимии отдельных деривационных формантов, семантической и функциональной близости последних.

Л и т е р а т у р а

1. Общее языкознание. Под ред. А.Е. Супруна. Минск, 1983.
2. Соскюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соскюр Ф. де. Тр. по языкознанию. М., 1977.
3. Чинчлей Г.С. Вопросы тождества морфемы и супплетивизм. Кишинев, 1980.
4. Dictionnaire Quillet de la langue française. T.1-4. Paris, 1975.

5. Gilbert P. Dictionnaire des mots contemporains. Paris, 1980.
6. Larousse de la langue française. Lexis. Paris, 1979.
7. Petit Larousse illustré. Paris, 1923.
8. Petit Larousse illustré. Paris, 1975.
9. Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. T. 1-6. Paris, 1974; Supplément. Paris, 1973.

Ю.С.Морару

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КРИТЕРИЯ ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕРЫВИСТЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ УСТНОЙ РЕЧИ
(на материале современного испанского языка)

Проблема определения статуса прерывистых синтаксических построений типа "Tengo un pequeño lío. Una tontería" (Alvarez); "Marcas interpretó aquel gesto como un signo convencional de acatamiento y apuró su vaso. Sentía sed. Ansias" (Gravina); "Werner ... El teatro es un arte que exige la máxima disciplina y la mayor seriedad. Vocación, entrega..." (Sastre), квалифицируемых прежде лишь как присоединительные, возникла в отечественном языкознании примерно с середины шестидесятых годов, когда наряду с употреблявшимся ранее понятием "присоединение" для их обозначения стал использоваться заимствованный из зарубежной лингвистики термин "парцелляция".

Отказ от термина "присоединение" объясняется сторонниками теории парцелляции, с одной стороны, его "перегруженностью и неопределенностью" [3, с.279], с другой, и это главное, - наметившимся принципиально новым подходом к толкованию природы прерывистых синтаксических построений, которые в противоположность утверждавшемуся ранее представлению о них как о результате объединения, стали рассматриваться как итог расчленения. Сложилась парадоксальная ситуация, когда антонимичные по семантике термины (парцелляция - разъединение, расчленение) ввиду общности объекта исследования употребляются синонимически: "Под парцелляцией... имеется в виду синтаксическое явление, которое принято называть присоединением" [3, с.277]; "...как бы мы ни называли эти конструкции - присоединительными или парцелированными, они существуют в языке" [10, с.27].

Чтобы исключить субъективность оценок в определении статуса прерывистых синтаксических построений*, уже в первых работах, появившихся

* Нами зарегистрирован ряд случаев, когда в зависимости от того, сторонником какой из двух теорий является исследователь, одно и то же

в период параллельного употребления своих терминов, исследователи стремились выделить дистинктивные признаки подобных конструкций, выработать объективные критерии, при помощи которых можно было бы соотнести либо разграничить эти синтаксические явления.

В настоящей статье квалифицируются прерывистые синтаксические построения в устной речи на основании психолингвистического критерия, сущность применения которого заключается в установлении интенционных характеристик высказывания: непреднамеренность присоединения противопоставляется преднамеренности парцелляции. Следует отметить, что в оппозицию "присоединение - парцелляция", основывающуюся на признаке "преднамеренность - непреднамеренность", включается не весь массив присоединительных конструкций, а лишь его часть. Данное обстоятельство обусловлено изменением взглядов исследователей на их природу как на синтаксические построения, основным дистинктивным признаком которых является непреднамеренность. Если К.С. Аксаковым и позднее Л.В. Щербой присоединение трактовалось исключительно как "речение как бы неожиданное, нечаянное, вдруг пришедшее в голову" [1, с.638], то впоследствии, еще до появления в отечественном языкознании теории парцелляции, была выявлена его семантическая сторона ("Присоединение представляет собою как бы добавочное суждение". Подчеркнуто нами - Ю.М.) [4, с.400], что и положено в основу выделения двух типов присоединения с позиций концепции, различающей статический и динамический аспекты в синтаксической структуре предложения: "...Необходимо отличать от присоединения как явления динамического аспекта, состоящего в несовпадении границ предложения как статической и как динамической структуры... присоединение как определенный тип смысловых отношений -- отношений д о б а в л е н и я" [2, с.27].

Таким образом присоединение, считавшееся ранее единым синтаксическим явлением, было разделено на статическое и динамическое, противопоставляемые по способу выражения присоединительной связи. Если в статических (языковых) присоединительных конструкциях присоединительная связь, семантической основой которой считается отношение добавления, формализована (союзы, наречия, союзы+наречия, лек-

построение определяется одним лингвистом как присоединительная конструкция, другим - как парцеллированная. Синтаксические построения "На всех углах стоят фонари и горят полным накалом. И окна освещены"; "Они увидели молнию. И побежали домой"; "Напомнила взять тазик и кисточку для бритвы. И крем для сапог. И щетку", квалифицируемые С.Е. Крючковым как присоединительные конструкции [4, с.400, 403], приводятся (первое) Д.Э. Розенталем без каких-либо пояснений в качестве иллюстрации парцеллированной конструкции [6, с.60], относятся (второе и третье) А.П. Сковородниковым к "явным случаям парцелляции" [8, с.120], вновь определяются (третье) К.Л. Цыгановой как присоединительная конструкция [9, с.76].

сические повторы и др.), то в динамических (речевых) присоединительных конструкциях единственным ее показателем служит интонация.

Из двух типов присоединения в оппозицию "присоединение - парцелляция" включается только второе, динамическое, так как именно оно по причине общности сверхсегментных показателей (интонация законченности первой части, "пауза точки") находится с парцелляцией в позиции формального неразличения [8, с.125]. Что же касается языкового присоединения - статического аспекта предложения, то оно четко противопоставляется парцелляции - динамическому аспекту предложения. Между ними "может быть ситуация совмещения, ситуация наложения парцелляции на присоединение", но ситуации неразличения быть не может [8, с.123].

Из изложенного следует, что с позиций концепции, различающей статическое и динамическое присоединение, разграничению по психолингвистическому критерию подлежат только формально совпадающие динамическое присоединение и парцелляция.

Прерывистые синтаксические построения в устной речи следует, на наш взгляд, квалифицировать исключительно как присоединительные ввиду непреднамеренности появления в речи второй части конструкции. Стремление же квалифицировать их как парцеллированные, т.е. задуманные заранее, встречает серьезные возражения психолингвистического порядка, связанные в первую очередь с дефицитом времени, который испытывает говорящий в условиях устного общения.

Наша позиция по данному вопросу основывается на отрицательной оценке потенциальных способностей говорящего осуществить сознательное программирование парцеллированных конструкций на долокутивной стадии речевой деятельности. Отрицая саму возможность подобного программирования, мы в то же время допускаем ее в качестве обязательной предпосылки доказательства.

В соответствии с общепринятым взглядом на парцелляцию как на "членение предложения, при котором содержание высказывания реализуется не в одной, а в двух или нескольких интонационно-смысловых речевых единицах" [7, с.199], парцеллированные конструкции представляют собой результат преднамеренного членения первоначально единого высказывания, из чего следует, что появление парцеллированных конструкций возможно лишь в том случае, если их порождению предшествует ряд мыслительных операций, необходимых для этого членения. Данное обстоятельство определило наш выбор в качестве исходного процесса порождения парцеллированных конструкций этапа построения в сознании говорящего нормативного высказывания. Соглашаясь с Е.С. Кубряковой в том, что "с чисто лингвистической точки зрения скорее

легче проанализировать готовое речевое произведение, нежели восстанав-
новить путь его создания и формирования" [5, с.35], мы, тем не ме-
нее, предлагаем собственную схему мыслительных процессов, предполо-
жительно протекающих, на наш взгляд, на долокутивной стадии при
порождении парцеллированных конструкций:

построение требуемого нормативного высказывания;

определение сегмента, который необходимо выделить путем выне-
сения его за пределы высказывания;

изъятие данного сегмента из состава первоначального высказыва-
ния;

запоминание выделенного сегмента;

осуществление необходимых трансформаций высказывания после
изъятия из его состава подлежащего выделению сегмента;

составление парцеллированной конструкции путем помещения выде-
ленного сегмента после трансформированного высказывания.

Предлагаемая нами схема позволяет описывать порождение только
тех парцеллированных конструкций, основа и парцеллят которых распо-
ложены контактно: Yo también lloraba a lágrima viva. Aquel día
(Izcaray); Tienes que comprarla. Mañana mismo (Medio); JULIA, Es
inútil. Mi madre tenía razón; estoy maldita. Mi destino es llevar
la desgracia a todos los que quiero, y esta noche va a cumplirse
una vez más. La última (Casona). В случаях же так называемой дистант-
ной парцелляции она еще более усложняется: Borja me ofreció una
villa y se quedó a mi lado, en pie, como un soldadito. Su pelo aún
estaba húmedo, recién peinado. Quieto, erguido y fino, mirando hacia
la abuela con sus enormes ojos verde-pálido (Matute); RECUERDO. Tal
vez eran las cinco de la tarde, aquel día, y el viento cesó de
repente. El perfil de Borja, delgado como la fila de una daga
(Matute); ANA. Es que... es curioso... Yo he vivido algún tiempo
en una habitación 66. Tengo malos recuerdos de aquella habitación.
En el Colonia Hotel de Berlin (Sastre). К первым пяти этапам, общим
для порождения как контактных, так и дистантных парцеллированных
конструкций, добавляются еще три:

составление "заполнения" - одно или несколько высказываний, рас-
положенных между частями парцеллированной конструкции. Ни формально,
ни семантически "заполнение" с конструкцией не связано;

запоминание "заполнения";

составление парцеллированной конструкции путем последователь-
ного линейного расположения основы, "заполнения" и парцеллята.

Другой структурный тип парцеллированных конструкций, порождение
которых также связано с усложнением первоначальной схемы мыслитель-

ных процессов, представлен моделью "основное предложение + цепочка парцеллятов; Un amigo mio fue a Paris de monobre, pero no encontré nã. Ahora va embarcao en un petrolero noruego; Uno de los almerienses que recorren las tabernas de Hamburgo, Amsterdam o Le Havre. Rijosos y vivos. Pequeños y ardientes (Goytisoló); --No te vuelques con tanta facilidad. Espárcete para afianzar tu fuerza. Nada es más importante que nada en el radio, y todo en él es indispensable. Unico, específico. Desde la perilla con que lo sintonizas, hasta lo que va a emanar del aparato (Puga).

Однако, если в случае дистантной парцелляции подобное усложнение носит экстенциональный характер, то для многочленных парцеллированных конструкций его можно определить как интенциональное. Мыслительные процессы существенно увеличивают свою емкость. Говорящий вынужден оперировать уже не одним, а несколькими парцеллятами, да и сама трансформация первоначального высказывания является, по-видимому, более глобальной.

Предлагаемая схема моделирования мыслительных процессов носит условный характер. Возможно также, что некоторые из этих процессов протекают не сукцессивно, а симультанно. В любом случае порождение парцеллированных конструкций, по нашему убеждению, проходит через этап построения нормативного высказывания, которое "тянет" за собой все остальные. Сложность данной схемы, особенно при порождении дистантных и многочленных парцеллированных конструкций, а следовательно, и необходимость времени для реализации, исключает возможность их толкования в устной речи как результата протекания в сознании говорящего перечисленных процессов, как преднамеренного членения первоначально единого высказывания, что подтверждает тем самым предположение об их непреднамеренном характере.

В свете изложенного представляется правомерным квалифицировать на основании психолингвистического критерия прерывистые синтаксические построения устной речи, единственным показателем синтаксической связи между частями которых является интонация, исключительно как присоединительные.

Л и т е р а т у р а

1. Аксаков К.С. Полн. собр. соч. Соч. филол. Т.2. Ч.1. М., 1875.
2. Белошাপкова В.А. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967.
3. Иванчикова Е.А. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции // Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968.

4. Крючков С.Е. О присоединительных связях в современном русском языке // Вопросы синтаксиса русского языка. М., 1950.
5. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.
6. Розенталь Д.Э. Наблюдения над синтаксисом языка газеты // Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды. М., 1980.
7. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 3-е изд. М., 1985.
8. Сковородников А.П. О соотношении понятий "парцелляция" и "присоединение" (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1978. № I.
9. Цыганова К.Л. Присоединительные конструкции в художественном тексте (на материале произведений В.Тендрякова) // Стилистика художественной речи. Саранск, 1979.
10. Швец А.В. Разговорные конструкции в языке газет. Киев, 1971.

Т е к с т ы

- Alvarez Isabel de Toledo. La huelga. Paris, 1967.
 Casona Alejandro. Teatro. Buenos Aires, 1960.
 Goytisolo Juan. La chanca. М., 1967.
 Gravina Alfredo. Fronteras al viento. Montevideo, 1951.
 Izcoaray Jesús. Un muchacho en la Puerta del Sol. La Habana, 1975.
 Matute Ana Maria. Primera memoria. Barcelona, 1966.
 Medio Dolores. La otra circunstancia. Barcelona, 1972.
 Puga Maria Luisa. Cuando el aire es azul. México, 1980.
 Sastre Alfonso. Teatro. Buenos Aires, 1960.

Б.М.Секриеру

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ФУНКЦИИ ОБОСОБЛЕННОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

- В современной лингвистической науке предложение рассматривается как многоаспектное явление, в котором взаимодействуют различные уровни языка.

Синтаксис располагает широким набором полипредикативных единиц, состоящих из двух или нескольких частей, построенных по модели простого предложения, образующих тесное смысловое, структурное и интонационное целое. Это так называемые "осложненные" предложения, в которых дополнительная предикация введена в "свернутом" виде. К ним относятся предложения с обособленными членами.

Обособление членов предложения неоднократно являлось предметом изучения и дискуссий в советской и зарубежной лингвистике. Большинство языковедов склонны усматривать в обособлении определенную синтаксическую категорию, которая может быть охарактеризована с точки зрения структуры, синтаксических функций и семантических отношений.

А.М.Пешковский считал, что обособленные конструкции функционально эквивалентны придаточному предложению [11, с.416]. Эту точку зрения разделяют другие лингвисты [5, с.377; 7, с.122; 10, с.119]. Однако чаще исследователи указывают на функциональную соотносимость обособления с членами предложения, отмечается, что "обособленные члены предложения отличаются от синтагматически связанных не только способом выражения, но не совпадают с ними полностью и в значении" [8, с.263-264].

Большинство лингвистов считают, что при обособлении определения нарушается непосредственная атрибутивная связь между определяющим и определяемым, между ними устанавливается зависимое предикативное отношение. А.Сешэ рассматривает предложение *J'ai rencontré N., tout pâle* как конденсацию двух пропозиций: *J'ai rencontré N. et il était tout pâle*, где обособленное определение выполняет функцию предиката [14, р.150]. Близкую к этой, но более разработанную концепцию обособленных членов находим у П.Д.Богданова. Анализируя на материале русского языка виды обособления, автор приходит к выводу, что "предложение с обособленным членом является одним из способов выражения двух взаимосвязанных логем, а сама конструкция предложения с обособленным членом служит языковым средством выражения связи между логемами" [4, с.211-212].

Не разделяя всех теоретических положений, выдвигаемых П.Д.Богдановым, мы принимаем главный его постулат: в предложении с обособленным членом, в частности с обособленным определением, находят выражение две взаимосвязанные логемы. Обособленное определение (ОО) представляет собою языковый выразитель предиката одной из логем, соединенных междулогемной связью. Выразитель субъекта этой логемы может входить в состав основной части предложения в роли любого члена предложения.

Расчленяющая интонация, характеризующая ОО, является формальным показателем зависимо-предикативного отношения, составляющего грамматическое содержание обособленного члена. Существует мнение, что ОО, в частности в препозиции, нередко выполняет функцию обстоятельственного определения. Г.И.Скепская считает, что "для обособленного прилагательного наличие обстоятельственных стенок значения является отличительным свойством", объясняя это в первую очередь тем,

то "между признаком предмета и действием часто существуют отношения причины и следствия" [12, с.35]. Однако исследования показывают, что наличие обстоятельственного значения является частью, но не обязательным свойством обособления. Вынесение *OO* в препозицию еще не сигнализирует об усилении обстоятельственного значения. Такое значение, например, отсутствует в предложении *...convexes, ils (les visages- Б.С.) s'approchaient d'Alain en grossissant (Colette).*

Рассматривая *OO* с позиций, предложенных П.Д.Богдановым, можно объяснить наличие обстоятельственного значения в одних случаях и его отсутствие в других: это определяется характером связи между логемами (иначе говоря, пропозициями), конденсирующимися в предложении с *OO*. Так, в предложении *Confiante, grâce à lui, dans l'avenir, je ne m'étais pas hâtée de m'acquitter (Hérial)* обособленная конструкция *confiante dans l'avenir* выражает не только сопутствующее состояние субъекта, но и обстоятельственный причинный оттенок, что может быть проверено трансформацией: *Comme j'étais confiante, grâce à lui, dans l'avenir, je ne m'étais pas hâtée de m'acquitter.*

В предложении *...convexes, ils s'approchaient d'Alain en grossissant* *OO convexes* не имеет обстоятельственного оттенка, так как логемы здесь не соединены обстоятельственной связью: *... les visages étaient convexes, ils s'approchaient.*

Отмечая предикативный характер *OO*, следует, однако, подчеркнуть, что речь идет о предикации на логико-семантическом уровне: "зависимой", "вторичной", "неполной", выражающей, по терминологии Л.С.Бархударова, "трансформационную" предикативную связь [3, с.15].

Являясь предикативным элементом, *OO* характеризуется определенной объективной модальностью, которая в большинстве случаев совпадает с модальностью предложения: Ср.: *Ils arrivèrent, raccourcis, triomphants (Renard)* - связь действительная. *Heureuse, Victorine eût été ravissante* - неосуществившаяся возможность. Однако есть случаи несовпадения модальностей *OO* и основного состава предложения: *Pacifiques, ils n'auraient jamais osé d'eux-mêmes entamer les hostilités (Golon).* *OO pacifiques* характеризуется действительной модальностью, а само предложение выражает неосуществившуюся возможность.

Вопросительная модальность* характеризует или обе части предложения, или только основной состав предложения, но не может относиться лишь к *OO*. Например: *Il sortira de son coin, satisfait, souriant? (Renard)* → *Il sortira de son coin? Sera-t-il satisfait? Sera-t-il sou-*

* Вслед за В.В.Виноградовым и В.Г.Адмони [6, I], мы рассматриваем вопросительные и отрицательные предложения в качестве носителей вопросительной и отрицательной модальности.

riant? - вопросительной модальностью наделены и 00, и основной состав предложения. Est-que M-me Gloriette, si savante, croit au ciel? (Renard) → M-me Gloriette est si savante. Est-ce que M-me Gloriette croit au ciel? - вопросительной модальностью отмечен только основной состав предложения.

Негативная модальность, характеризующая предложение, не распространяется на 00. Например: ... madame Lepic, souffrante et couchée, n'a point paru... (Renard) → ... madame Lepic était souffrante et couchée. Elle n'a point paru, т.е. 00 обладает утвердительной модальностью, не зависящей от утвердительной или отрицательной модальности предложения. Отрицательная модальность 00 может частично выражаться лексическими средствами - негативной префиксацией (Il part, mécontent) или синтагматическими средствами - сочетаниями с отрицанием pas: Recollin aperçut... une tache bleutée, pas plus consistante qu'on fantôme... (Conteurs).

Наличие у 00 самостоятельной объективной модальности, отмеченные выше особенности вопросительной и негативной модальности 00 свидетельствуют, на наш взгляд, об определенной предикативной самостоятельности 00 по отношению к предикативности основного состава предложения*, обличающей 00 с придаточным предложением.

Семантическая соотнесенность с именем выражается в согласовании 00 с существительным. Любое 00 может быть трансформировано в определительное придаточное предложение - их функциональная близость проявляется в способности 00 соединяться сочинительным союзом с придаточным определительным. Например: Cela ressemblait si peu à Luciole, attentive, prévenante, et qui ne se désespérait jamais. (Maurois [II]). Соотнесенность эксплицитных и имплицитных структурных значений, проявляющихся в трансформациях, позволяет сопоставить 00 с определением как членом предложения и с придаточным определительным. Именно в плане соотнесенности 00 с существительным как признака с его носителем, основанной на отношении "определяемое-определяющее", и можно говорить о функции обособленного "определения", употребляя этот термин условно, "во избежание... чрезмерного усложнения" [8, с.264] общепринятой грамматической терминологии.

Таким образом, с отмеченными выше ограничениями можно признать, что 00 характеризуется совмещением зависимо-предикативного и соотносительно-атрибутивного значений. Являясь особым членом предло-

* Иное мнение высказывает Г.В. Колшанский: "...Обособление не создает новой предикативной связи, параллельной сказуемому предложения, не создает своего ни грамматического, ни логического центра в предложении" [9, с.41].

жения, 00 осложняет синтаксическую структуру простых предложений. Последние по своему структурно-синтаксическому статусу должны занимать промежуточное положение между простыми и сложными предложениями.

Семантическая функция 00 определяется суммой факторов: лексическим наполнением элементов структуры предложения, наличием второстепенных членов предложения, взаимодействием модально-временных характеристик и т.п. Ср.: Souriante, elle eût été ravissante - лексическое наполнение элементов структуры предложения и модально-временная характеристика сказуемого предопределяют обстоятельственное значение условия, выражаемое 00; Souriante, elle avait pourtant les yeux pleins de larmes - фактор лексики, модально-временной характеристики и наличие наречия pourtant способствуют выражению уступительного обстоятельственного значения; Souriante, elle lui parut cette fois ravissante - взаимодействие лексического, временного факторов и наречия времени способствуют выражению каузальности.

Наличие обстоятельственного оттенка у 00 не обуславливается его позицией. В предложении Un soir Renée, souffrante, ne put venir et je sortis avec lui (Maurois [I]) обстоятельственный оттенок причины, свойственный 00 souffrante, сохраняется во всех трех позициях. Ср.: Un soir, souffrante, Renée ne put venir → Un soir Renée ne put venir, souffrante... Однако, как показывает фактологический материал, определенная взаимосвязь между линейным расположением элементов предложения и семантическими отношениями, возникающими в его синтаксической структуре, находит выражение в том, что 00 тяготеет к препозиции при выражении обстоятельственных значений причины, условия или уступки.

К постглагольному положению тяготеют 00, не связанные с основным составом предложения обстоятельственным отношением, типа Elle approchait, grise, noire et blanche (Conteurs). Они выражают состояние (качество) субъекта в момент совершения им действия и лишь условно могут рассматриваться в отношении к действию как комитативные обстоятельства.

В постпозиции к имени 00 занимают структурную позицию, свойственную определению, что способствует функциональному сближению 00 с определением. Такое 00 часто несет дополнительную информацию о субъекте, но может также иметь обстоятельственный оттенок значения (Le soir, ... madame Lepic, malade et couchée, n'a point paru (Renard), → Le soir, ... madame Lepic n'a point paru, car elle était malade et couchée).

Являясь наряду с сегментированием, присоединением, парцелированием элементом состава конструктивной базы синтаксиса, обособление включается в предложение в связи с коммуникативным заданием. Нередко

высказывается утверждение, что основная функция обособления - выделительная, однако это оспаривается некоторыми лингвистами [4, с.83]. Мы разделяем мнение авторов, считающих, что обособление, расчленяя предложение, служит средством выделения.

Предикативный характер ОО, интонационная характеристика, наличие выделительной функции определяют ОО как элемент рематический. Информативная ценность его увеличивается или уменьшается в зависимости от контекста. Представляется, что повышению информативной ценности ОО способствуют начальная и конечная позиции*.

Сопоставление структуры без обособления (*Elle avance souriante*) и аналогичной с обособлением (*Elle avance, souriante*) позволяет сделать вывод, что последняя служит средством двойной рематизации: глагола и обособленного определения. При обособлении постглагольного прилагательного в глагольной синтагме освобождается позиция элемента, несущего сильное синтагматическое ударение. Происходит перенос акцента на глагол, который оказывается таким образом интонационно и синтагматически выделенным, что способствует появлению у глагола рематической функции. Высказанное положение подтверждает мысль Ш.Балли об одновременном выделении частей А и Z при сегментировании (обособление можно считать особой разновидностью последнего), а также о возможности наличия не одной "преобладающей мысли" в предложении [2, с.80], т.е., по нашей терминологии, о наличии двух (или нескольких) рематических элементов в одном предложении.

Подводя итог изложенному, можно сделать следующие выводы:

обособление - это интонационно-синтаксическое и смысловое выделение члена предложения, обусловленное коммуникативным заданием;

обособленное определение характеризуется наличием зависимо-предикативного отношения к имени, на которое налагается соотносительно-атрибутивное отношение. ОО образует самостоятельную синтагму, являясь дополнительным грамматическим и коммуникативным центром в предложении;

обособленное определение может приобретать в предложении дополнительные обстоятельственные оттенки, наличие которых обуславливается семантическими отношениями между пропозициями, конденсирующимися в данном предложении. Наличие таких оттенков не зависит от позиции ОО;

* Ср. высказывание Ш.Батё [13]: Il y a dans chaque phrase deux places d'honneur : le commencement, qui frappe d'abord l'esprit, et la fin qui achève le sens et est suivie d'un repos qui donne le temps de réfléchir (Müller-Hauser).

обособленное определение является элементом рематическим, коммуникативная значимость которого зависит от контекста, чему способствуют также начальная и конечная позиции 00.

Л и т е р а т у р а

- I. Адмони В.Г. Типология предложения // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
3. Бархударов Л.С. О двух типах синтаксической связи слов в предложении // ИЯШ. 1967. №4.
4. Богданов П.Д. Обособленные члены предложения в современном русском языке: Учебное пособие по спецкурсу. Орджоникидзе, 1977.
5. Богомолова О.И. Современный французский язык. Теоретический курс. М., 1948.
6. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избр. тр. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
7. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., 1979.
8. Илия Л.И. Синтаксис современного французского языка. Теоретический курс. М., 1962.
9. Колшанский Г.В. Грамматическая функция обособленных членов предложения // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. 1962. №1.
10. Парчиева П.Р. К вопросу о делимитации нижней границы текста - сложного синтаксического целого (ССЦ) // Текстобразующие свойства слова и предложения. Грозный, 1982.
- II. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
12. Скепская Г.И. К проблеме обособленных членов в современном французском языке (обособленные конструкции, выраженные прилагательным или его функциональным вариантом). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1968.
13. Müller-Hauser M.L. La mise en relief d'une idée en français moderne // Romanica Helvetica. Vol. 21. Zurich, 1943.
14. Sechehaye A. Essai sur la structure logique de la phrase. Paris, 1926.

Т е к с т ы

- Golette S. Gigi. Paris, 1960,
Conteurs français du XX siècle (1945-1977). М., 1981.
Colon A. et S. Angélique. La route de l'espoir I. Paris, 1915.

- Hérial Ph. Les enfants gâtés. M., 1978.
Maurois A. Climats. Paris, 1928 (I).
Maurois A. Nouvelles. M., 1966 (II).
Renard J. Oeuvres choisies. M., 1958.

В.М.Скутельничук

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МНОГОЗНАЧНОСТЬ ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

В работах по семантике термины "многозначность" и "полисемия" часто употребляются как синонимы (заметим, что во французской лингвистической литературе используется только термин "polyvalence"). Тем не менее между ними есть существенная разница, на которую указывалось неоднократно. Так, И.Г.Ольшанский рассматривает многозначность слова как атрибут системы языка, а полисемантичность — как свойство слова (словоформы) при его функционировании в речи [2, с.34], с чем можно согласиться. Поскольку в данной статье анализ проводится в плане языка как системы, то мы пользуемся термином "многозначность". Нами исследовались префиксальные глаголы, выявленные методом сплошной выборки из ряда словарей [4, 5, 7, 9] и чья семантическая микросистема* включает словообразовательно мотивированные лексико-семантические варианты (ЛСВ).

В формировании микросистемы префиксальных глаголов участвуют, как показал анализ, разные по характеру вторичные значения производящего: непереносные (модификационные), переносные, терминологические, стилистически окрашенные ЛСВ. Среди них наиболее часто реализуются производным непереносные значения, затем — переносные, терминологические и в последнюю очередь — стилистически окрашенные ЛСВ. Обычно семантическая микросистема исследуемых глаголов уже семантической микросистемы производящего. Иногда отношения между производным и производящим характеризуются формальным и семантическим параллелизмом, или "деривационной симметрией" [3, с.12]. Исключительно редко семантическая микросистема производного бывает шире семантической микросистемы производящего.

Известно, что глагол в качестве особой части речи характеризуется такими лексико-синтаксическими [1, с.320] категориями, как

* Термин "семантическая микросистема" употребляется вместо термина "семантическая структура" [см.: 2, с.36].

переходность/непереходность. Это сказывается и на многозначности производного глагола. Во многих случаях она является отражением значений производящего в переходном и непереходном употреблении. Например, *recuire, repover, rouvrir, reavauter, redescendre, discontinuer* и др. Префиксальный глагол *recuire* (схема I), а точнее - его первый ЛСВ, как переходное значение словообразовательно мотивируется основным ЛСВ (переходным) *cuire*. Второй ЛСВ имеет непереходное значение и восходит к непереходному ЛСВ *cuire*. Оба значения префиксального глагола *recuire* полностью мотивированы. В целом же глагол *recuire* лишь частично мотивирован глаголом *cuire*: унаследована только часть (50%) ЛСВ производящего. Следует добавить, однако, что не всегда производный глагол отражает и переходные, и непереходные значения производящего. Действует своеобразная взаимоизбирательность префикса и производящей основы.

Результатом словообразовательной деривации являются и семантические микросистемы других производных глаголов *débrouiller, dégonfler, embrouiller, rallumer, reparaitre*. Их многозначность связана с реализацией переносных ЛСВ производящего.

Производный глагол *embrouiller* стал многозначным (схема 2) благодаря унаследованию переносного (метафорического) ЛСВ производящего *brouiller*. Усвоив основное значение производящего *brouiller*, ЛСВ сужает объем его содержания за счет дополнительных семантических компонентов: ... *on a du mal à les débâbler*. Следовательно, его идиоматичность слабая. Что касается метафорического ЛСВ *embrouiller*,

Recuire v. tr., v. i.
1°, v. tr.

Cuire v. tr., v. i.
I, v. tr. 1

Cuire (I, 1°) de nouveau

Rendre propre à l'alimentation par le feu, la chaleur. V. Cuisson.

2°, v. i.

Cuire (II, 1°) de nouveau.

2°. Par ext.

Opérer la cuisson; en parlant de la source de chaleur ou de ce qui permet de cuire.

II, v. i. 1°

Devenir propre à l'alimentation par l'action du feu.

2°. Par. anal.

Produire une sensation d'échauffement, de brûlure. V. Brûler.

Схема I. Семантические отношения между производным глаголом *recuire* и производящим *cuire*

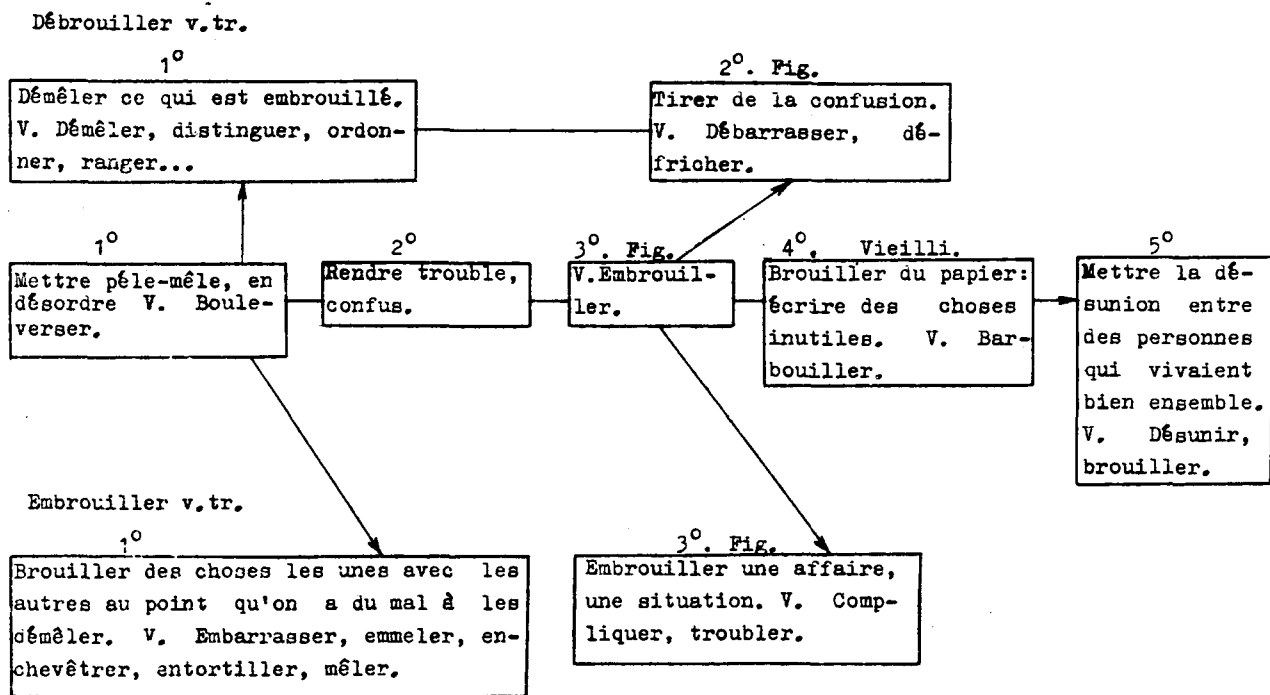

Схема 2. Семантические отношения между производными глаголами débrouiller, embrouiller и производным brouiller

который восходит к третьему переносному ЛСВ *brouiller*, то его можно охарактеризовать как полностью мотивированный. Нарращения отсутствуют. По поводу общего и различного в семантике данных глаголов высказаны различные мнения. Так, согласно словарю Е.Литтре [8], глагол *brouiller* не имеет каких-либо дополнительных смыслов. Он может употребляться как в положительном, так и в отрицательном смысле (*s'employer en bien comme en mal*). *Embrouiller* же всегда содержит значение неприятного. Кроме того, даже когда данные глаголы имеют общее значение, у них разное употребление: значение *brouiller* более общее, чем *embrouiller*. Производное *embrouiller* обозначает неумелость (*maladresse_f*), неловкость (*malhabilité_f*), чего нельзя сказать о *brouiller*. Автор данного словаря видит в *embrouiller les affaires*, в отличие от *brouiller les affaires*, не что другое, как "вносить беспорядок" (в дела) из-за отсутствия понимания, осведомленности". Согласно энциклопедии П.Дюпре [6], *embrouiller* - "вносить беспорядок, смятение в прямом и переносном смысле". П.Дюпре находит различия между *brouiller* и *embrouiller*, выявленные Е.Литтре [8], как избыток тонкостей (*excès de subtilité*). Следовательно, *embrouiller* существенно не отличается от *brouiller* (не учитывая значения префикса *em-*). На уровне второго ЛСВ *brouiller* префикс *em-* не сочетается с мотивирующей основой, потому что, согласно Литтре, *on n'embrouille que ce qui était brouillé, se trouve dérangé*, в то время как *on peut brouiller toute espèce de choses, du vin, du papier, du fil*. В таком употреблении *embrouiller* просматривается оттенок интенсивности в значении фактивности префикса *em-*. Таким образом, усваивая два из трех ЛСВ производящего, *embrouiller* сужает свою семантическую микросистему.

Аналогичный путь становления многозначности проходит еще один член префиксальной парадигмы производящего *brouiller* - *débrouiller* (см. схему 2). Толкование основного значения производящего через однокоренной производный *embrouiller* позволяет исключить из числа мотивирующих ЛСВ второй ЛСВ *brouiller*. Метафорический ЛСВ *débrouiller* унаследован от производящего. На уровне всех ЛСВ производного сохраняется полная мотивированность. Как и в случае *embrouiller*, производным *débrouiller* усваиваются лишь два из трех ЛСВ производящего *brouiller*. Поскольку данные производные глаголы составляют единую префиксальную парадигму производящего *brouiller*, отношения между производными и производящими можно представить на одной схеме (схема 2).

Источником многозначности производного могут быть и терминологические ЛСВ производящего. Типичным примером указанных отношений

является префиксальный глагол *déinvestir*. В "Робере" он представлен двумя ЛСВ, а в "Малом Робере" – тремя. Исходя из этого, включим в семантическую микросистему *déinvestir* третий ЛСВ из "Малого Робера" (на схеме – PR). То же самое сделали и с производящим *investir*. В его семантическую микросистему включили ЛСВ четвертого яруса (схема 3).

Первые два ЛСВ префиксального *déinvestir* образованы по модели (*dé + v*)^{v*} со значением "прекращение действия, обозначенного мотиви-

Déinvestir v. tr.

Investir v. tr.

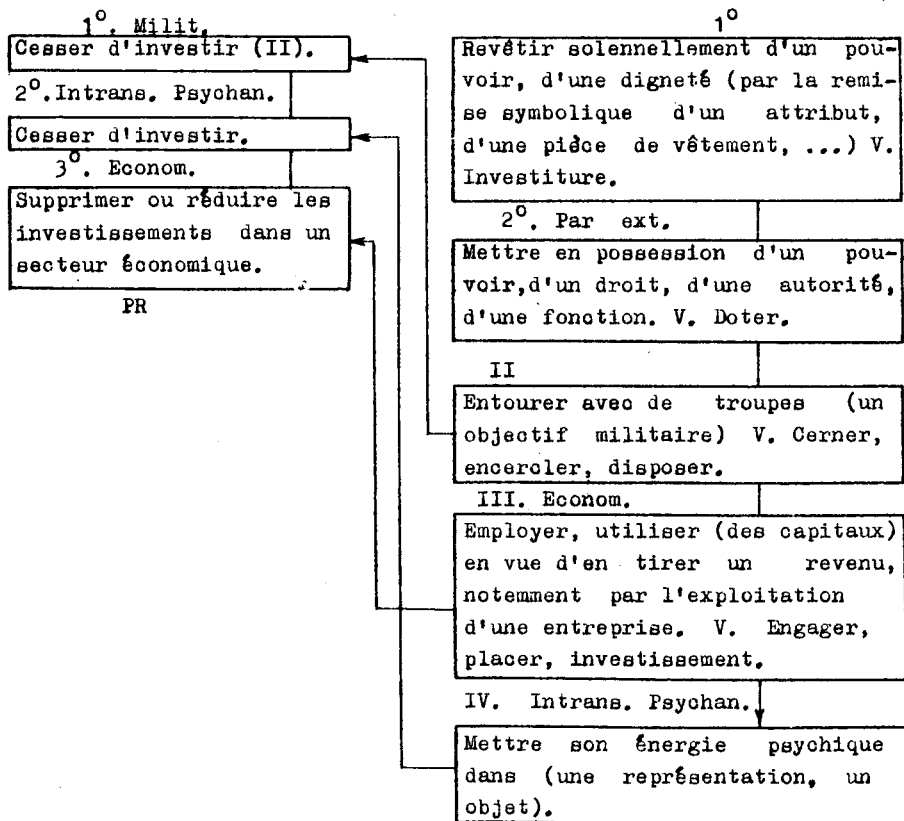

Схема 3. Семантические отношения между производным глаголом *déinvestir* и производящим *investir*

* В структуре модели, кроме префикса, употребляются символы: V (производящая основа – глагол), v (производная основа – глагол).

рующей основой". Первый ЛСВ *déinvestir*, область применения которого – военный подъязык, непосредственно опирается на ЛСВ второго яруса, также употребляемого в военном подъязыке, о чем свидетельствует словосочетание из его определения (*un objectif militaire*). Для второго терминологического ЛСВ *déinvestir* (подъязык психоанализа) мотивирующим стал ЛСВ (также терминологический) четвертого яруса *investir*. Третий ЛСВ *déinvestir* как экономический термин восходит к ЛСВ третьего яруса *investir* (подъязык экономики). Он образован по той же модели, что и предыдущие ЛСВ, но поскольку в его определение включено однокоренное существительное *les investissements*, префикс приобретает адверсативно-привативное значение. Иными словами, многозначность данного префиксального глагола можно считать связанной и с многозначностью модели.

В первых двух ЛСВ производного *déinvestir* имеется полная мотивированность. Третий ЛСВ *déinvestir* шире мотивирующего, так как, согласно определению, действие, выраженное им, относится к экономической отрасли, а действие мотивирующего – к промышленной. Ср.: *par l'exploitation d'une entreprise ... dans un secteur ...* Слова *... dans un secteur ...* (подразумевается – *économique*) являются дополнительными компонентами. Это позволяет квалифицировать данный ЛСВ как слабодидоматичный.

Следовательно, из пяти ЛСВ производящего *investir* префиксальный *déinvestir* унаследовал три сугубо терминологических ЛСВ (все вторичные), которые были оформлены в его семантическую микросистему так же, как терминологические, что сузило семантическую микросистему производящего.

Примеры формирования семантической микросистемы производных глаголов способом словообразовательной деривации, представляющие соответствующую группу многозначных префиксальных глаголов, показывают, что доля реализации ЛСВ производным обратно пропорциональна количеству ЛСВ производящего: чем больше ЛСВ у производящего глагола, тем меньше реализованных ЛСВ производным. Анализ показал также, что порядок усвоения значений производящего не всегда соответствует их иерархической организации внутри семантической микросистемы производного.

Л и т е р а т у р а

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. Ольшанский И.Г. Полисемия существительных в языке и в тексте. М., 1982.

3. Федосеенко Н.И. Структура значения отьменных существительных в современном французском языке. Автореф. дис. ... канд. филол.наук. М., 1983.
4. Dictionnaire alphabétique et analogique de la lanque française par P.Robert. En 7 vol. Paris, 1974.
5. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française par P. Robert. Petit Robert. Paris, 1977.
6. Dupré P. Encyclopédie du bon français dans l'us age contemporain. T. I-II. Paris, 1972.
7. Larousse de la langue française. Lexis. Paris, 1977.
8. Littré E. Dictionnaire de la langue française. XI éd. Paris, 1905. (abrégé du dictionnaire de E. Littré de l'Académie Française par A. Beaujéan).
9. Petit Larousse illustré. Paris, 1977.

А.С.Тертя

СООТНОШЕНИЕ ВРЕМЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ СТРАДАТЕЛЬНОГО И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЗАЛОГОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Известно утверждение, что пассивное значение глагола выделяется на основании двух признаков: возможности трансформации в активную форму и сохранения временного вида [1, с.223]. В данной статье уточняется, в каких случаях имеет место "сохранение значения времен" активной формы глагола при трансформации в пассивную конструкцию, а также выявляется их несоответствие.

В современном французском языке приоритетна категория времени. Но это не значит, что глагол утратил видовой характер. Поэтому нельзя ставить в один ряд конструкции *il est aimé* и *il est vaincu*. Данное явление привлекло внимание некоторых исследователей. "Однако не замечая того, что разница в значениях пассивной формы разных глаголов протекает именно из видового различия причастий, они не могли дать рассматриваемому явлению достаточно убедительного объяснения" [2, с.234].

Под видовым значением глагола мы понимаем его контекстуальное значение. Вид (в нашем случае) причастий не только отчетливо ощущается в значении, но и играет существенную роль в определении страдательного залога [3, с.142]. С наибольшей интенсивностью видовое значение последнего проявляется в настоящем времени.

Глагол страдательного залога в настоящем времени может иметь следующие значения:

Имперфективное значение: Les passages à niveau sont employés dans les cas où il eût été plus coûteux de jeter un pont pour le passage de route ou de la voie (Rolland).

Перфективное значение. Имеется в виду действие, представленное в момент завершения. Причем, возможны два варианта (оттенка) перфективного значения: перфективно-финальное: Dès que notre file lancée, émergee, je sens que deux hommes près de moi sont frappés, deux ombres sont précipités à terre, roulent sous nos pieds (Rolland); перфективно-результативное, обозначающее результат действия в виде нового качества или состояния: C'est fini. Les bottines sont cirées et l'agnalées. Elles miroitent. Plus rien à faire (Pérec).

Рассмотрим каждое из временных значений страдательного залога и их соотношение с действительным залогом.

Имперфективное значение. Имеющиеся в нашем распоряжении примеры можно разделить на две группы, когда имперфективное значение определяется: лексическим значением глагола; смыслом контекста. Исследования показали, что количество примеров первой группы чрезвычайно ограничено, основная их масса приходится на вторую группу.

Имперфективное лексическое значение глагола страдательного залога совпадает по временной значимости с настоящим временем действительного залога: Les hommes sont exploités (Rolland) = On exploite les hommes.

Имперфективное контекстуальное значение глагола страдательного залога определяется различными членами предложения: Mais tous ces endroits-là sont régulièrement et terriblement repérés (Rolland) = On les repère. В данном случае решающим признаком имперфективного значения глагола страдательного залога является обстоятельство образа действия régulièrement. При отсутствии данного определителя значение глагола может быть использовано как перфективное: Ces endroits-là sont terriblement repérés = On les a repérés. Имперфективное значение представляется как процесс: Il lui semble qu'il est encore mordu par les flammes aigues (Rolland) = Les flammes le mordent. Но: Il est mordu par les chiens = Les chiens l'ont mordu. В этом примере имперфективность определяется обстоятельством encore.

Преобразование имперфективного значения глагола страдательного залога в перфективное в результате изъятия из предложения обстоятельных дополнений, влекущих за собой имперфективность, позволяет сделать вывод о синтаксически более независимом характере глаголов с перфективным видовым значением по сравнению с употребляемыми в имперфективном видовом значении. В этом страдательный залог с

видовым значением перфективности имеет сходство с действительным залогом с имперфективным видовым значением.

Настоящему времени действительного залога свойствен имперфективный вид, оно не нуждается в этом плане в дополнительных определителях, как и настоящее время страдательного залога, которому свойствен перфективный вид. Таким образом, страдательный залог с имперфективным значением глагола является как бы промежуточной зоной между перфективным значением страдательного залога и имперфектом действительного.

Имперфективность значения глагола страдательного залога может определяться характером контекста, в котором находится предложение. Такое значение обычно встречается в юридических и технических текстах. Страдательный залог с имперфектом здесь передает значение обобщенности, отвлеченности действия от конкретного отрезка времени. Так, на 20 страницах юридического текста 87 раз употреблялся страдательный залог с имперфективным видовым значением: *la question est renvoyée, la question est examinée, la question est présentée, la question est soumise, la loi est considérée, la décision est publiée, etc.* Настоящее время глагола страдательного залога в данном случае эквивалентно настоящему времени действительного залога: *La question est présentée = On présente la question.* Достаточно изолировать любой пример из контекста, как имперфективное видовое значение глагола сменяется перфективным: *La décision est publiée dans le journal N2 = On a publié la décision dans le journal N2.*

Перфективное значение. Перфективно-финальное значение глагола страдательного залога проявляется в момент завершения действия: *Le fond du ravin est traversé (Péreo).* Глагол страдательного залога выражает действие, локализация которого относится к отрезку настоящего времени, непосредственно соприкасающемуся с периодом прошлого. Это финал действия, локализованный в настоящем времени. Выражение данного видового оттенка является специфическим свойством, отличающим настоящее время страдательного залога от настоящего времени действительного. Основой этого видового значения следует считать взаимодействие между вспомогательным глаголом *être* как носителем грамматической семантики настоящего времени и семантикой *participer passif* глаголов в соответствующих условиях контекста. Более употребляемыми глаголами с перфективным видовым значением в настоящем времени страдательного залога являются глаголы движения: *envoyer, renvoyer, tirer, frapper etc.* Причастие (*participer passif*) этих глаголов, выражающее законченность прошедшего действия, придает свой перфективный оттенок семантике настоящего времени страдательного залога. Отсюда следует вывод, что перфективное видовое значение

настоящего времени страдательного залога не соответствует настоящему времени действительного залога. При трансформации страдательного залога в действительный следует найти дополнительные выражения, чтобы передать более адекватно перфективное значение настоящего времени страдательного залога: Le fond du ravin est traversé = On a terminé de traverser le ravin = On vient de traverser le ravin.

Перфективно-результативное значение способны передать только те глаголы, которые обозначают изменение качества или состояния: terminer, étonner, engager etc: Aujourd'hui la guerre est terminée (Rolland). Таким образом, и данный видовой оттенок возникает на основе лексической семантики причастия (participe passé). Это легко доказывается тем, что при трансформации страдательного залога в настоящее время действительного залога оттенок нового состояния, атрибутивности, результата исчезает, и мы получаем чисто глагольное значение: Deux heures. La circulation des trams et d'autobus est maintenant complètement arrêtée, ou à peu près = On arrête la circulation. Синонимом глагола страдательного залога является не настоящее время глагола действительного залога, а прошедшее время действительного залога: La circulation est arrêtée = On a arrêté la circulation. Следовательно, сохранение времени при трансформации страдательного залога в действительный не только не обязательно (как утверждают многие лингвисты), но иногда даже бессмысленно.

Это обстоятельство наводит на мысль о том, что настоящему времени страдательного залога в отличие от настоящего времени действительного залога свойственно перфективное видовое значение, которое может быть снято дополнительными семантически противоположными определителями (обстоятельства времени, образа действия, обобщенность, повторенность и т.д.), вследствие чего глагол принимает имперфективное видовое значение. Однако основным видовым значением, сопутствующим настоящему времени страдательного залога, является перфективность, обусловленная перфективным характером причастия.

Итак, глаголы с перфективным и имперфективным видовыми значениями настоящего времени страдательного залога находят временное соответствие в настоящем времени действительного залога, но видовое соотношение в системе времен действительного залога при этом не наблюдается.

Л и т е р а т у р а

Г. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., 1979.

2. Реферовская Е.А. Пассивная форма французского глагола. Л., 1951.
3. Реферовская Е.А., Васильева А.К. Теоретическая грамматика современного французского языка. Часть I. М.;Л., 1964.

Т е к с т ы

- Bourmlatov V. La législation soviétique et la défense des droits du citoyen. М., 1974.
- La Constitution de l'U.R.S.S. М., 1977.
- Pérec G. Les choses. М., 1969.
- Rolland R. L'âme enchantée. М., 1964.

Г.С.Чинчлей

ЭПИДИГМАТИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ КАК ОСНОВА КОННОТАЦИИ

Известно мнение Э.Бенвениста о том, что многие понятия в лингвистике, а возможно, и в психологии предстанут в ином свете, если восстановить их в рамках речи, которая есть язык, присваиваемый говорящим человеком, а также если определить их в ситуации двусторонней субъективности (intersubjectivité), которая только и делает возможной языковую коммуникацию.

Лексика как система обнаруживает не только схему связей (структуру), но и признаки субстанциальности и функциональности. Иными словами, лексическая система – это совокупность упорядоченных классов (парадигм) лексем того или иного языка, которые, по общему признанию, характеризуются синтагматическим и парадигматическим типами отношений. Большинство лексем обнаруживает и третье – эпидигматическое – отношение, известное еще как "третье измерение" лексики (термин Д.Н.Шмелева). В связи с этим в статье определяются деривационная парадигма (ДП) как языковой конструкт, проекция ее в речи, или "эпидигма", и типичные случаи коннотации в пределах эпидигмы.

Вслед за В.Н.Телия, мы понимаем коннотацию как средство экспрессивной окраски номинативных единиц, как семантическую сущность, узואально или окказионально входящую в семантику языковых единиц и выражающую "эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрес-

сивный характер" [8, с.5]. Коннотация в пределах эпидигмы имеет в качестве основы оценки внутреннюю форму. Ее опорой служит морфемная и семантическая мотивированность. Как отмечает Д.Н.Шмелев, "сами отношения мотивированности (производности) - не только подлинной, но в некоторых случаях и мнимой, - которые, сложно перекрещиваясь, охватывают различные группы лексики, далеко не безразличны для ее характеристики" [II, с.226].

Наивысшей мотивирующей способностью отличаются простые слова открытых классов лексем, составляющих ядро лексической системы. Вместе с тем нельзя не считаться в этом плане с растущими возможностями связанных греко-латинских морфем (темем). Они участвуют в процессе взаимной мотивированности (ср.: *fratricide, herbicide, infanticide*). Морфемное и словное выражение мотивации характерно для словообразовательных гнезд и шире - для морфо-лексических парадигм. Последние устанавливаются в результате морфо-лексического анализа словаря на базе двух типов отношений: разно- и равнопроизводности. Морфо-лексические парадигмы включают и единицы, связанные мотивацией при формальной асимметрии (случаи супплетивности и супплетоидности). Единицы лексической системы, мотивированные тем же исходным словом или связанным корнем, составляют деривационную парадигму.

В деривационном отношении (при широком понимании деривации) состоят не только слова, но и лексико-семантические варианты, а также аналитические дериваты (*à cheval, à tâtons*) и синтаксические композиты (рус.: *записная книжка, принять участие*, фр.: *avion à réaction, avoir raison*). Они мотивируются составляющими их словами или ЛСВ при многозначности соответствующих исходных лексем. Такое широкое понимание мотивированной лексики оправдывает введение термина "деривационная парадигма". Последняя имеет в качестве ядра словообразовательное гнездо или морфо-лексическую парадигму, но ее границы, с одной стороны, выходят за пределы цельнооформленной лексики, а с другой - включают и ЛСВ, т.е. единицы, связанные внутрисловными деривационными отношениями. Таким образом, ДП отличается многомерным включением в деривационную систему языка, а именно: аффиксальным, аффиксоидным, корневым (основным), словным или посредством ЛСВ многозначного слова [10].

На линейной оси в пределах одного текста деривационная парадигма обычно проецируется частично, фрагментарно. Текст как линейная проекция речевой деятельности, по мнению Г.В.Колшанского, описывается на всеобщие закономерности, обеспечивающие его логический строй и адекватное восприятие [3, с.173].

По своей структуре текст — многомерное образование, т.е. его единицы, как отмечает М.П.Дворжецкая, подчиняются не только линейным (горизонтальным) закономерностям интеграции, но и текстуально-полевым (вертикальным) [2, с.19]. И чем больше текст, тем полнее выражен его вертикальный, или ассоциативный, параметр. В этой связи заслуживает внимания следующее суждение Ю.В.Попова: "По определению синтаксические отношения существуют между всеми единицами текста любого объема (если сам текст понимается как единица высшего уровня), хотя при достаточной взаимной удаленности единиц становятся весьма слабыми и соответственно возрастает роль проецируемых на эту основу парадигматических отношений" [6, с.139]. Следовательно, не без основания Г.А.Лесский утверждает, что на самом высоком уровне языка художественной литературы синтагматику можно рассматривать как план выражения, а парадигматику — как план содержания [4].

Положение о ведущей роли парадигматики в качестве плана содержания текста согласуется с тезисом Г.В.Колшанского о семантике как ведущей категории текста. Не отрицая роли парадигматики при организации высказывания, правомерно задаться вопросом: исчерпываются ли семантические связи в тексте этими двумя типами отношений — синтагматическим и парадигматическим, иначе говоря — оппозицией горизонтальность/вертикальность [5, с.35]? Мы отвечаем на этот вопрос отрицательно.

Продолжая пользоваться геометрическими терминами, отметим, что для описания "текстовой сущности" потребуется и третий — "диагональный" — способ представления смысловой структуры текста.

Итак, основа, на которой держится структура текста, — это с е м а н т и к а. Поскольку отношение деривации в широком понимании также является категорией семантической, то проекция деривационной парадигмы в тексте может быть рассмотрена прежде всего как одно из языковых средств, с помощью которого в определенной мере осуществляется когезия текста. Соответственно однокоренные слова и прежде всего морфологические дериваты представляют собой наиболее четкие, эффективные "тематические когерентные средства" [1, с.154].

Особенности актуализации деривационной парадигмы в текстах разных функциональных стилей определяются посредством функционального анализа. Так, в частности, устанавливаются деривационная векториальность, типы и сила семантической связи между единицами ДП, их текстообразующая функция, связь словообразовательного (деривационного) акта с "напряжением" в сегментах текста.

Корреляция лексем с общим корнем в паре (парах) "мотивирующее — мотивированное" рассматривается как фразообразующий фактор внутри

предложения и как "трансфрастический", текстообразующий между предложениями. Ряд лексем (словных и "надсловных", аналитико-синтетических), связанных отношением деривации на линейной оси, находится как бы на стыке между парадигматикой и синтагматикой. Они расположены безусловно в линейном порядке. Однако нет единогласия исследователей в том, что лексемы связаны обязательно синтагматически. Отсюда возникает вопрос степени тождества понятий линейности и синтагматичности. Не вдаваясь в подробности, отметим, что первое понятие шире.

В пределах предложения члены ДП могут образовать синтагму. Ср.: Толстая Букей одышливо дышала... (Ч. Айтматов); *Qui trop regarde quel vent vente / Jamais ne vême ni ne plante* (посл.). Хотя и здесь не всегда легко определить, в каком именно синтагматическом отношении состоят линейно расположенные единицы. См. предложение Ч. Айтматова: Толстая Букей одышливо дышала, словно бы сердце так колотилось, что не могла продохнуть; *Bonaparte s'offrait, évidemment, à venir les sauver, mais qui les sauverait de ce sauveur?* Можно, однако, отметить, что актуализированные в одном предложении члены ДП осуществляют позиционные связи внутри синтаксической модели даже тогда, когда сами совместно синтагмы не создают (ср.: дышала и продохнуть, *sauver* и *sauveur*).

Но если в предложении синтагматическая и синтаксическая связи переплетаются с деривационной, то вне предложения, в тексте, остается между соответствующими единицами деривационная связь в "чистом виде". Для этого отношения в наибольшей мере подходит название "эпидигматическое" - как третье измерение лексики. Оно обеспечивает логическую связь (когерентность) между синтаксическими моделями и предложениями текста. Ср.: Лет 15-20 назад традиционную пипетку начали понемногу вытеснять более усовершенствованные капельницы... В течение уже почти четверти века офтальмологам не дает покоя мысль: как удлинить срок действия капель... Часто капать в глаза пипеткой бу-ренкам или овцам вряд ли удастся (Наука и жизнь. 1985. № 3. С. 80-83). Фрагмент деривационной парадигмы глагола "капать" (капельницы - капель - капать) при известной нейтрализации парадигматических и синтагматических отношений между его единицами может быть обозначен термином "эпидигма". В эпидигму входят как воспроизводимые, так и производимые в момент речи дериваты - потенциальные члены ДП и окказионализмы. В этом усматривается одна из отличительных черт эпидигмы. Например: *Mais à ce point, ce n'est plus l'américanophilie, c'est de la reagaofolie ... Une France reaganisée (Humanité)*. Итак, эпидигма - это функциональный аспект ДП в речевой номинации, через которую деривационные парадигмы пополняются, видоизменяются. Как уви-

дим далее, эпидигма как бы возвращает в сферу лексической морфологии семантически опрошенные синтемы типа имен собственных (ср.: *Courtois*) и др.

Связующая сила (значимость) эпидигмы прямо пропорциональна отдаленности ее единиц в тексте. В этом плане следует заметить, что постулат о синтагматике-парадигматике Ю.С. Степанова находит подтверждение и при анализе эпидигм (постулат гласит о том, что сильной оппозиции соответствует слабый контраст [7, с.302]). Обнаруженные исключения (т.е. соответствие сильной оппозиции сильному контрасту) стилистически маркированы (ср.: Без вины виноватый; *Curieuse curiosité*, *Libération ou libéralisme* (*Humanité*). Их использование обуславливает постановку вопроса о коннотации на основе эпидигматического отношения.

Примечателен характер актуализации единиц эпидигмы. Их непосредственное взаимодействие с другими вокабулами и образование синтагм раскрывает лексическое значение члена эпидигмы, как правило, в денотативной функции. Ср.: Мы живем в век все более безопасных операций и все более опасных лекарств. Связь между членами эпидигмы "безопасных" и "опасных" способствует раскрытию внутренней формы или мотивированности разной степени, в том числе - метамотивированности [9, с.151]. В этом смысле можно говорить о двух актуализациях членов эпидигмы, особенно в случаях, когда лексическое значение не соответствует (или не вполне) словообразовательному или морфемно мотивированному. Явление такого рода "двойной актуализации" ощутимо в синтагме *Discourtoisie des Courtois*, где имя собственное *Courtois* как таковое с референциальным значением входит в синтагму, а на базе общности корня с другим членом синтагмы (*discourtoisie*) актуализирует этимологическое значение, создавая своего рода оксюморон - "неучитивость учтивых". Здесь уместно привести суждение Я.Шабршулы относительно имени собственного. Оно, по мнению ученого, представляет действительность "прямо", поскольку в таком имени денотация "взята в скобки" (имя собственное не обобщает, не обозначает класса) и, таким образом, совпадает с обозначением [12, р.150-153]. Тем не менее языковая действительность включает примеры, свидетельствующие о стремлении говорящих "нарушить" упомянутую закономерность в целях выразительности. Пример ... *on lui donna pour secrétaires Jarassé, qui est de la société dite Fraternité, et Hartebise, qui est de la société dite Fraternelle. Cette Fraternité et cette Fraternelle ne vivait pas fraternellement* (Hugo) показывает, что референциальное значение бывает двуплановым и соответственно лире "взятой в скобки" денотации имен собственных. Как и в предыдущем случае, здесь

метамотивированность выдается за действительную морфемную мотивированность, которая "разыгрывается" с когнитивным эффектом, т.е. служит основой для коннотации.

В приведенных примерах денотативное значение имен собственных совпадает с референциальным, или синтагматическим, значением, а коннотативное возникло в результате установления эпидигматического отношения там, где в языке оно утрачено: между метамотивированным *Courtois* и мотивированным *Courtoisie*, между метамотивированными *Fraternité*, *Fraternelle* и мотивированным *fraternellement*. Смысл абстрактных имен, подвергнутых "двойной актуализации", оказался богаче языкового значения слов. Другой вывод состоит в том, что коннотативный эффект усиливается при актуализации имен собственных, а точнее, достигает наибольшей силы, когда эпидигматическое отношение устанавливается в рамках одной синтагмы или предложения: при нарушении постулата о синтагматике - парадигматике, т.е. когда сильному контрасту соответствует сильная оппозиция. Третьим выводом, связанным с анализом случаев речевой "ремотивации" имен собственных (последняя перекликается с явлением "деарбитрализации") сводится к подтверждению высказанного выше тезиса о том, что отношения мотивированности, или производности (как подлинной, так и мнимой), которые, сложно перекрещиваясь, охватывают различные группы лексики, весьма существенны для ее характеристики.

Мы ограничились описанием категории существительных, имеющих, казалось бы, наименьшие семантические возможности. Но и этих примеров достаточно, чтобы охарактеризовать еще одну особенность эпидигмы в сравнении с ДП. Речь идет о способности эпидигмы ремотивировать, "вдохнуть" окказионально морфемную мотивированность в лексемы, которые ее утратили.

В заключение необходимо, однако, подчеркнуть, что коннотация далеко не всегда связана с именами собственными и мнимо- или метамотивированными лексемами. В статье охвачен только один тип эпидигмы, который включает имена собственные. Они, как отмечено, лишены морфемной мотивированности, а также многозначности. Имена нарицательные и другие лексемы имеют свои особенности актуализации и включения в эпидигмы. Об этом говорит упомянутая эпидигма с исходным словом *sauver*.

О том же свидетельствует и пример: *La grande misère des cintrées* (башалки) *l'a-t-elle impressionné? Il songe que pour partir au mois d'août, il faut être cintré* (тронутый). *Vingt-sept millions de cintrées ça fait au bas mot quatre-vingt-dix millions de cintrés. A ce compte-là, il s'endort et rêve de portemanteaux.*

Такого рода случаи составят объект дальнейших исследований. Но и сейчас следует подчеркнуть: описанная коннотация основана на эпидигматическом отношении, представляющем на линейной оси "вторую актуализацию".

Л и т е р а т у р а

1. Борисенкова Л.М. Варьирующий повтор как средство тематической организации микротекста // Взаимодействие грамматики и других аспектов языка. Сб. науч. тр. Вып.225. М., 1983.
2. Дворжецкая М.П. Фонемы // Проблемы текстуальной лингвистики. Киев, 1983.
3. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
4. Лесскис Г.А. Синтагматика и парадигматика художественного текста // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. Т.41. 1984. № 5.
5. Николаева Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы// Новое в зарубежной лингвистике. Вып.УШ. М., 1978.
6. Попов Ю.В. О взаимодействии парадигматики и синтагматики// Текстобразующие свойства слова и предложения. Грозный, 1982.
7. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики.М.,1975.
8. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
9. Чинчлей Г.С. Соотношение минимальных значимых единиц языковой структуры. Кишинев, 1975.
10. Чинчлей Г.С. Словообразовательное гнездо и деривационная парадигма // Прагматико-функциональное исследование языков.Кишинев, 1987.
11. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.
12. Šabrňula J. Les synergies du signe linguistique en face de la r ealit e // Philologia pragensia. N1. T.23. 1980.

Т е к с т ы

- Айтматов Ч. И дольше века длится день. Фрунзе, 1981.
Daninos Pierre. Le Major tricolors. Paris, 1977.
Duhamel Georges. Le notaire du Havre. Paris, 1976.
Hugo Victor. Choses vues. Paris, 1937.
L'Humanit e, 1986.

АДЪЕКТИВНАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ АНГЛИЙСКИХ
ОДНОСЛОЖНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ

В современной англистике на протяжении многих лет не ослабевает интерес к так называемым фразовым, или составным, глаголам, которые изучаются в различных аспектах их структуры, семантики и функционирования.

Данная статья посвящена адъективной валентности глагольных основ в комплексах типа *get old, get tired, get asleep*, причем особое внимание уделяется комбинаторике моносиллабических основ, поскольку моносиллабы составляют наиболее существенный с типологической точки зрения слой английского словаря.

Не все глаголы способны принимать в качестве адъюкта прилагательные и их эквиваленты. Ограничение в первую очередь обуславливается семантикой глаголов — они должны обязательно обозначать существование признака, называемого адъективным компонентом. В предложении такие глаголы передают связь признака с субъектом, являющимся его носителем, и в традиционной грамматике исследуются с точки зрения их синтаксической функции в качестве связочных. В 15 изученных нами источниках инвентарные списки глаголов-связок колеблются от 4 до 28 единиц и не совпадают по наполнению: только *be, become, remain, seem* фигурируют в большинстве работ. Дж. Керм называет максимальное количество связок — 60 [12, с.26], замечая, что многие из них встречаются редко. А.И. Смирницкий писал, что "связочная функция — это определенная синтаксическая функция, которая свойственна глаголу как части речи в целом, но которая присуща отдельным словам в разной степени" [10, с.372].

Материалом для нашего исследования послужили в основном справочники словосочетаний [5, 8], были также использованы словарные данные [11]. В результате выборки глагольно-адъективных сочетаний получился список из более 320 комплексов, содержащих 40 глаголов: *appear, be, become, break, come, cut, continue, drop, fall, feel, fly, get, go, grow, happen, hold, keep, lie, look, loom, plead, prove, rank, remain, rest, ring, rise, run, seem, show, smell, sit, sound, stand, stay, stop, take, taste, turn, wax*. Следует заметить, что количество зафиксированных в справочниках глагольно-адъективных комбинаций с тем или иным глаголом не является конечным, конкретным показателем: во-первых, список прилагательных, способных выступать в сочетаниях с глаголом, во многих случаях можно продолжить на неопределенное количество еди-

ниц; во-вторых, если количество сочетаний с каким-либо глаголом, приведенных в справочниках, не велико, это может свидетельствовать не только об их малочисленности (*drop dead, open*), но и о том, что по данной модели образуется множество биномов, которые перечислить невозможно (*be ready, open, happy*). Принимая во внимание данное обстоятельство, мы считаем нерациональным слоговой и семантический анализ адъективных компонентов и констатируем, что они практически не подвержены определенным структурным и семантическим ограничениям.

Что касается глаголов, то подавляющее большинство по слоговому составу являются моносиллабами - 35 из 40 (87,5%), исключение составляют *appear, become, continue, remain, happen*, причем последний с точки зрения вокального словообразования тоже односложен. Таким образом, можно утверждать, что, как правило, адъективной валентностью обладают односложные глаголы, хотя это отнюдь не значит, что все моносиллабы способны присоединять в качестве адъюнктов прилагательные и их эквиваленты. Данное свойство присуще наиболее типичным, частотным и продуктивным в плане лексемообразования представителям моносиллабов. В этом проявляются их типология, отличие от полисиллабов, которые, в сущности, не обладают адъективной комбинаторной валентностью.

Помимо ограничения по слоговому составу глагольные компоненты исследуемых сочетаний подвержены семантическим ограничениям. Наиболее независим в этом плане и универсален глагол *be*, способный сочетаться с любым адъективным компонентом. К нему приближаются *become* *seem*. Остальные характеризуются определенной избирательностью: *turn* чаще относится к цвету и его интенсивности (*turn red, pale*, хотя и *turn old, nasty*), *go* - к ухудшению состояния (*go blind, mad*, хотя и *go free, unnoticed*), *feel* - к самочувствию (*feel ill, sad*), *look, show, sound, ring, taste, smell* соответственно к зрительным, слуховым, вкусовым, обонятельным ощущениям (*look happy, sound surprised, ring false, taste bitter, smell sweet*). Если одни глаголы принимают практически любые адъюнкты-прилагательные, другие - значительное их количество, то третьи встречаются в считанных комбинациях (*rank high; plead guilty, innocent; take ill, sick*).

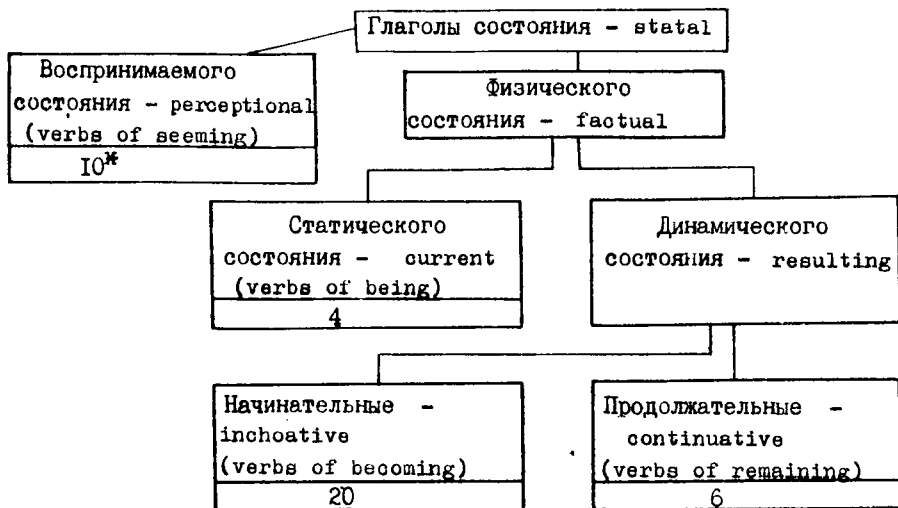
Все исследованные нами глаголы можно определить как глаголы состояния (*statal*), так как они указывают на отношение предмета к состоянию, обозначенному прилагательным. На основе полученных данных попытаемся очертить круг наиболее типичных глаголов, обладающих высокой комбинаторной адъективной валентностью. Условно примем за показатель достаточной продуктивности участие в 8 словосочетаниях (средняя комбинаторная валентность) и оговорим, что глаголы *be* и

get, встреченные в меньшем числе комбинаций, обладают неограниченной сочетаемостью. Таких глаголов оказалось 16: be, become(17), come(8), fall(10), feel(24), get, go(22), grow(28), lie(13), look(28), remain(14), run(10), seem(15), sit(8), stand(14), stay(11). Представляется возможным классифицировать эту группу как ядро системного объединения глаголов состояния. Все глаголы, потенциально способные реализовывать при определенных условиях адъективную валентность, можно рассматривать как периферию данной системы. Глаголы, отмеченные в справочниках в составе меньшего количества комбинаций, расположатся между ядром и периферией.

Авторы, изучающие глаголы состояния как связочные, предлагают их различные классификации. Они выделяют в качестве дистинктивных признаков либо сохранение признака (current) / изменение признака (resulting) [14, с.307; 13, с.278], либо восприятие существования (perceptual) / фактическое существование (factual) [2, с.91], либо наличие признака (being) / становление признака (becoming) / сохранение признака (remaining) [10, с.269; 1, с.302]. Наибольшее распространение получила классификация, включающая четыре подгруппы связок: выражающие пребывание в состоянии (verbs of being), переход в состояние (verbs of becoming), сохранение состояния (verbs of remaining) и восприятие состояния (verbs of seeming). Предпринимаются попытки систематизировать отношения между названными подгруппами. Так, В.В. Вурлакова пишет, что "данная классификация значительно выиграла бы, если бы три первые группы были объединены в одну с общим значением характеристики физического состояния и противопоставлены связкам с модальным значением, а затем первая группа могла быть разбита на соответствующие три подгруппы" [4, с.72]. Нам представляется целесообразной и дальнейшая субкатегоризация, которую можно произвести в терминах бинарных оппозиций. При этом мы предлагаем самую широкую трактовку термина "состояние" [ср.6, с.4] (см. схему на с.III).

Наименее представительной оказалась подгруппа глаголов статического состояния (4): be, lie(13)*, sit(8), stand(14). За нею следует семантическая подгруппа продолжительных глаголов динамического состояния (6): continue(1), hold(6), keep(7), remain(14), rest(1), stay(11). Более широко представлена группа глаголов воспринимаемого состояния (10): appear(7), feel(24), look(28), loom(2), ring(3), seem(15), show(5), smell(6), sound(2), taste(6). Наиболее многочисленна группа начинательных глаголов динамического состояния (20): become(17), break(4), come(8), cut(6), drop(2), fall(10), fly(1), get, go(22), grow(28), happen(1), plead(2), prove(6), rank(1), rise(4).

* Количество сочетаний с данным глаголом, зафиксированных в справочниках.

Большинство глагольно-адективных биномов представляет собой устойчивые словосочетания, которые легко моделируются (*get cold, get dry, get free, get hungry, get sad*). В результате образуются типизированные структуры, семантика которых не уникальна. По одной структурной схеме образуется множество сочетаний, сотни аналогичных комбинаций. Создающиеся комплексы не идиоматичны, только в отдельных случаях происходит переход во фразеологию, возникают идиоматические сочетания (*look black - appear hopeless, look blue - appear cold, run low - de in short supply, cut short - stop talking*).

Исследование одного языка с позиции другого далеко не всегда правомочно, однако в сопоставлении проверяется системный характер лексических рядов исследуемого языка: *be frightened - испугаться, become deaf - оглохнуть, come unfastened - расстегнуться, fall asleep - заснуть, feel cold - замерзнуть, get lost - потеряться, go grey - поседеть, grow wild - одичать, prove true - подтвердиться, run dry - засохнуть* и др.

Какова причина возникновения глагольно-адективных комбинаций? Видимо, происходит как бы компенсация отсутствия в лексической системе языка соответствующих прилагательным глаголов: *angry* (сердитый) - *to be angry* (сердиться), *tired* (усталый) - *to be tired* (уставать). Во многих случаях прилагательные, причастия и стивы обозначают такой признак, который близок по содержанию к действию (*free, lost, unfastened, asleep*). В сочетании с глаголом они приобретают значение процесса (*break free, get lost, go unfastened, fall asleep*). Заметим, однако, что глагольно-адективные сочетания могут возникать и

* Число зарегистрированных нами глаголов, которые могут быть отнесены к данной категории.

при наличии соответствующего прилагательному глагола, в результате чего образуются синонимические ряды: *suspicious* (подозрительный) - *to be suspicious, to suspect* (подозревать), *resentful* (обидчивый) - *to be resentful, to resent* (обижаться). Следовательно, создание устойчивых глагольно-адъективных сочетаний так или иначе служит обогащению словаря - благодаря этому передается значение отсутствующего в языке слова или возникает новый способ передачи значения слова существующего.

Особого внимания при изучении семантики неидиоматических глагольно-адъективных биномов заслуживают отношения между их компонентами. Адъективный компонент во всех случаях выступает как лексически полнозначный, обозначающий тот или иной признак предмета; глагольный же тяготеет к вспомогательному, выражая отношение к данному признаку: его наличие (*be hot*), становление (*get hot*), сохранение (*keep hot*), видимость наличия признака (*look hot*). Анализируя такие сочетания, Г.Г.Почепцов предлагает говорить о "синтаксических вариантах слова": Не is old. Не got old. Не looks old [9, с.63]. Отношения между компонентами напоминают взаимоотношения между основой и флексией. Можно ли говорить, что глагольный компонент при этом десемантизируется? В настоящее время лингвисты признают у глаголов состояния наличие лексической семантики, чего не делалось прежде, но подчеркивают ее ослабленность [7, с.48]. Мы разделяем точку зрения, что данные глаголы "при определенных синтаксических условиях выражают абстрактные связочные значения отношения ... бытия, сохранения, становления признака. Другие же лексические значения глагола, как и в любом многозначном слове, не теряются, не исчезают, а лишь не реализуются в данных синтаксических условиях" [3, с.11-12]. Если для одних глаголов значение состояния является основным и единственным (например, для широкозначных глаголов состояния *be, get, keep, etc.*), то для других это одно из значений (*appear, come, grow, look, etc.*). Значение состояния для отдельных глаголов может быть не первым, а иногда и окказиональным (*come - come tired, rise - rise red*), последние встречаются только в качестве связок. Уточним, что термины "глаголы состояния" и "связочные глаголы" не тождественны: связки являются глаголами состояния, но не наоборот. Глагольная основа зачастую в предложении не только и не столько связывает предмет с его признаком, выраженным прилагательным, она скорее выражает время и наклонение глагольного сочетания. Кроме того, неисчерпаемость связочностью подтверждается и способностью глагольно-адъективного сочетания выполнять не предикативную функцию, а функцию подлежащего или дополнения (*His being late surprised me. We talked about his being late*).

Если в рамках предложения чаще говорят о связочных глаголах, то на уровне словосочетания этот термин не адекватен.

Мы попытались обосновать целесообразность трактовки глагольно-адъективных сочетаний как лексем. Еще раз подчеркнем, что они являются лексемами аналитическими: синтаксические связи между элементами сохраняются, и, пополняя лексический состав языка, сближаясь со словами, данные комплексы не перестают быть словосочетаниями. В создании аналитических лексем глагольно-адъективного типа особую роль играют односложные глагольные основы, обладающие высокой адъективной валентностью.

Л и т е р а т у р а

- I. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. М., 1973.
2. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка. М., 1983.
3. Богданова Л.А. Структура и семантика глагольно-именных словосочетаний типа *to become a teacher, to grow old*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.
4. Бурлакова В.В. Синтаксические структуры современного английского языка. М., 1984.
5. Гинзбург Р.С., Хидекель С.С., Медникова Э.С., Санкин А.А. Глагольные словосочетания в современном английском языке. М., 1975.
6. Гросул Л.Я. Широкозначные глаголы динамического состояния в английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.
7. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981.
8. Перебейнос В.И., Хидекель С.С., Вайнер Л.Р. и др. Справочник наиболее употребительных английских словосочетаний. М., 1986.
9. Почепцов Г.Г. Синтагматика английского языка. Киев, 1976.
10. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1959.
- II. Courtney R. *Longman Dictionary of Phrasal Verbs*. Longman Group Limited, 1983.
12. Curme G.O. *Grammar of the English Language*. P. 111. London, 1935.
13. Leech G., Svartik J. *A Communicative Grammar of English*. М., 1983.
14. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartik I. *A University Grammar of English*. М., 1982.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ ГЛАГОЛОВ ЗВУЧАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

При множестве различимых звуков в языках существует относительно ограниченное количество слов для их обозначения. Наше внимание привлекли глаголы, обозначающие звуки, издаваемые птицами, т.е. порожденные живой материей, поскольку язык живого существа "генетически стабилен, он один и тот же у одного и того же вида" [1, с.52]. Исследуемые глаголы объединены общей семьей шума.

В ходе анализа использовались переводные англо-русские и русско-английские словари под редакцией И.Р.Гальперина и др., Оксфордский словарь, а также наиболее представительные толковые словари английского и русского языков, такие как Академический русский толковый словарь, Вебстеровский и Хорнби. Привлечение большого количества словарей объясняется сложностью исследования лексического материала в сопоставительном плане, которая, по словам А.Е.Супруна [2, с.142], заключается в неадекватности его представления в языках, неполноте словарей и неточности в связи с этим базирующихся на неадекватных исходных описаниях сопоставлений.

В данной статье показаны различия глаголов по источнику звука, их интегральные и дифференциальные признаки в двух языках.

Вторгаясь в сферу звучания реального мира и признавая его как результат движения, следует отметить важность для порождения звука источников звучания. При этом важно выявить, сам субъект является источником звука (шума) или звук (шум) возникает в результате действия субъекта. Как в зависимости от этого изменяется значение глагола? Как влияет источник порождения звука (шума) на динамику значения глагола? Как это проявляется в неродственных языках?

По источнику звучания исследуемые глаголы можно разделить на две группы. К первым относятся глаголы, выражающие звук, произведенный субъектом при помощи какой-то части тела животного, например, хлопать, бить (крыльями); царапать, скрести (когтями). Указание на источник звучания содержится в словарной дефиниции глагола.

Глаголов, обозначающих звуки, издаваемые птицами, 9 из 75 взятых для анализа: *clap* - хлопать (крыльями), *beat* - хлопать (крыльями), *scab* - царапать (когтями), *claw* - царапать, скрести (когтями), *whirr* - вспорхнуть, *flap* - бить (крыльями), *ruff* - * , *flacker* -

* Нет эквивалента.

бить (крыльями), drum - хлопать, бить (крыльями, о петухе). Иначе говоря, в словаре эксплицитно или имплицитно указывается часть тела особи, осуществляющей действие, в результате которого возникает звук или шум. Отсутствие же соответствующего указания в словарной дефиниции привносит изменение в значение глагола, означает неясность в его употреблении. Так, в примере с clap - хлопать (крыльями) ясно, что слово относится к группе глаголов, обозначающих звуки, издаваемые птицами, что отмечается в его дефиниции. Источником звука (шума) в данном случае являются взмахи крыльями, т.е. глагол clap употребляется для характеристики звука, издаваемого птицами. Отсутствие указания в словарной дефиниции внесло бы неопределенность в употребление глагола clap. Хлопать можно рукой, дверью, глазами, ушами и т.д., и, следовательно, глагол должен относиться к другой лексико-семантической группе (ЛСГ).

Если классифицировать глаголы не по включению в данную ЛСГ, а по наличию объединяющей их семы: то для 9 упомянутых глаголов такой семой будет "определенная конечность тела птицы", т.е. крылья, лапы, участвующие в действии, производящем звук (шум).

Следует отметить, что 2 глагола из указанных на уровне исследуемого нами лексико-семантического варианта (ЛСВ) при переводе остаются безэквивалентными. И только помощь толковых словарей, а также целого ряда переводных, позволяет установить значение глаголов, уточнить их употребление. Так, Большой англо-русский словарь под редакцией И.Р. Гальперина не дает переводного эквивалента глагола whirr. Находим его в словаре В.Мюллера (1935 г. издания): whirr - вспархивать (с шумом), а также в Оксфордском англо-русском словаре: whirr - вспархивать. Но, как видно из приведенного примера, сложно, основываясь на переводном эквиваленте, судить о точном значении глагола, поскольку не существует тождественных языков, а значит, и возможности передачи значения в разных языках не тождественны.

Оксфордский и Вебстеровский толковые словари уточняют это значение. По словарю Вебстера: whirr - v. to fly, revolve or move rapidly with the sound of a whir (drouse and ptarmigan whirred across the uplands - Amer. Guide Series, Wash). В Оксфордском словаре: whirr make a sound as of a bird's wings moving quickly or of wheels, etc. turning fast. Для уточнения и большей достоверности исследуемого материала привлекли к анализу и словарь Хорнби, который дает толкование наиболее употребительной лексики английского языка: whirr - (n) sounds of a bird's wings moving quickly, v.i. to make such sounds: A bird ~ red past.

Еще сложнее дело обстоит с глаголом ruff, для которого ни один переводной словарь из привлеченных для анализа не дает эквивалента.

Тем не менее нельзя считать его безэквивалентным, поскольку значение дает Оксфордский словарь: ruff - of a bird: to ruffle (the feathers). Falconry, of a hawk: to strike (the quarry) without securing it. По Вебстеровскому словарю ruff трактуется как of a stooping falcon; to strike but fail to secure.

На основе анализа можно предложить вариант русского эквивалента глагола ruff - бить (поражать) добычу; ерошить перья. Предложенный эквивалент позволяет причислить данный глагол к исследуемой группе, поскольку невозможно, по нашему мнению, бить бесшумно. Интересен и тот факт, что глагол ruff трактуется как звуковой, но не имеет в этом значении отношения к анализируемой группе: ruff - выбивать дробь на барабана; стучать ногами в знак одобрения (по словарю Гальперина).

Сопоставление анализируемых глаголов в английском и русском языках позволяет отметить важность семы, дифференцирующей их, а также выявить интегральные признаки, указывающие на общность в употреблении глаголов данной подгруппы в обоих языках.

Ко второй группе относятся глаголы, обозначающие звук, порожденный движением голосовых связок. Так, глагол whoop - ухать (о филине) определяет характерный звук, издаваемый филином с помощью голосовых связок; hoot - ухать (о сове): звук также проявляется в процессе функционирования голосовых связок птицы и т.д.

К указанной группе относятся глаголы whoop - ухать (о филине); screech - ухать (о сове), зловеще кричать; hoot - ухать (о сове); saw - каркать; gabble - гоготать (о гусях), кудахтать; chuckle - кудахтать, гоготать (о гусях), кричать (об утках); cackle - кудахтать, квохтать, гоготать (о гусях); gaggle - гоготать (о гусях); clack - кудахтать; cluck - клохтать (квохтать) о курах; cluck - кудахтать, клохтать, квохтать; clook - кудахтать; crow - кукарекать; cawk - каркать; quack - кричать (об утках); каркать; bell - токовать (о тетеревах); pipe - петь (о птицах); chirp - издавать трели, петь (о птицах); warble - издавать трель, петь (о птицах), щебетать; trill - выводить трели; peep - пищать; cheer - пищать; pip - пищать, чирикать; chirp - чирикать, щебетать, кричать (о птице); tweet - щебетать, чирикать; chirper - чирикать, щебетать (о птицах); babble - щебетать, гомонить; twitter - щебетать, чирикать; peep - чирикать, пищать; chirp - чирикать, пищать; chirrup - щебетать, чирикать; chirp - щебетать; chitter - чирикать.

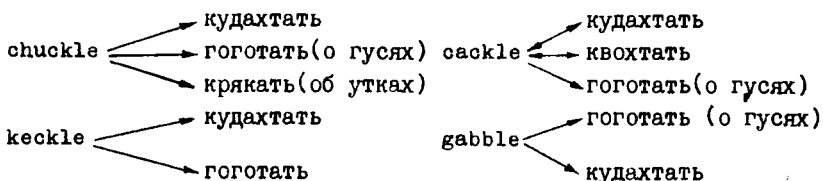
Сравнивая приведенные примеры с глаголом slap - хлопать (крыльями), отметим, что его можно употреблять по отношению к двум субъектам: филину и сове, поскольку характеристика звука, выраженного этим

глаголом, различна из-за источников порождения. Филин и сова могут хлопать крыльями, порождая звук (шум), и в то же время издавать специфические звуки, что выражено в значении глагола "ухать" (о филине и сове). В данном случае полностью обнаруживается сема "издавать или производить звук", объединяющая семы "производить звук частью тела особи" и "издавать звук звуковым аппаратом особи", т.е. голо-совыми связками. Таким образом, можно считать значения "хлопать, бить (крыльями)"; "царапать, скрести (когтями)"; определяемые семой "производить звук", более общими, относящимися к большому числу членов исследуемой группы, а значения типа "ухать (о филине и сове); гоготать (о гусях)" и т.п., объединяемые семой "издавать звук", более специфичными, относящимися к нескольким производителям звука (шума).

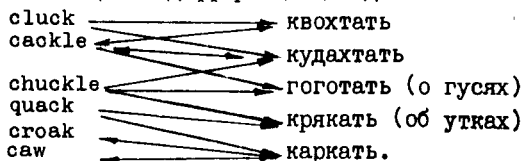
Итак, если источником звучания является сам субъект (птица), т.е. обобщение наблюдается по семе "издавать звук", действие, выраженное значением глагола, характерно для одного или нескольких субъектов (птиц), значение же глагола при этом более узкое. Если же источником звучания является действие, осуществляемое частью тела субъекта (птицы), т.е. обобщение по семе "производить звук", то оно применимо к большому числу членов группы, взятой для анализа, а значение глагола шире по семантическому объему.

В этой группе можно выделить несколько подгрупп. К первой относятся глаголы, выражающие специфическое действие только одной птицы, где сходство наблюдается по семе "производитель действия". В данную подгруппу входят глаголы, в которых четко определен источник звучания соответствует конкретному субъекту, что выражается значением глагола и соответственно отражается в переводном эквиваленте. Значения этих глаголов как в английском языке, так и в русском узко специфичны и соответствуют одному субъекту (в нашем случае - птице). Например: *bell* - токовать (о тетереве); *mourn* - ворковать (о голубях); *quack* - крикать (об утках); *crow* - кукарекать; *cluck* - кудахтать; *cluck* - кудахтать, хлохтать; *chuck* - хлохтать, квохтать (о курах); *clack* - кудахтать; *gaggle* - гоготать (о гусях); *hoot* - ухать (о сове); *screech* - ухать (о сове); *whoop* - ухать (о сове).

Ко второй подгруппе относятся глаголы, обозначающие действие ряда субъектов, т.е. источник звучания соответствует нескольким субъектам, что также выражается в значениях глаголов, имеющих различные эквиваленты в русском языке. И здесь объединение глаголов наблюдается по семе "производитель действия", различия же заключены в количественной характеристике производителя действия (одна особь или несколько):

Из примеров видно, что отчетливо выявляются 2 или 3 источника звучания, соответствующие 2 или 3 субъектам в каждом глаголе и имеющие 2 или 3 значения глаголов. Использование данных глаголов в том или ином значении определяется ситуацией общения. Следует также отметить, что английские глаголы данной подгруппы шире по объему значений по сравнению с русскими, они более общие в дифференциации действительности. Например:

Как показывает межэквивалентная структура глагола *chuckle*, он имеет 3 эквивалента в русском языке: "кудахтать, гоготать (о гусях), крякать (об утках)". Причем ни один из них в обратном переводе не соотносится с исходным глаголом в английском языке, а именно: гоготать - *cackle*, крякать - *quack*, кудахтать - *cackle*. В этой подгруппе можно выделить глаголы, в которых источник звучания дифференцируется только при тщательном исследовании ряда толковых словарей. Например, *twitter* - чирикать, щебетать; *chitter* - чирикать; *tweet* - щебетать, чирикать; *chirper* - чирикать, щебетать.

Принадлежность к данной подгруппе определяется дефиницией толковых словарей, так как переводные весьма абстрактны в подаче эквивалентов значения и трудно судить, относится ли данный глагол к интересующей нас подгруппе. Использование конкретного глагола данной подгруппы определяется ситуацией общения. С другой стороны, толковые словари позволяют выявить общие семы и на этой основе показать принадлежность глагола к той или иной группе.

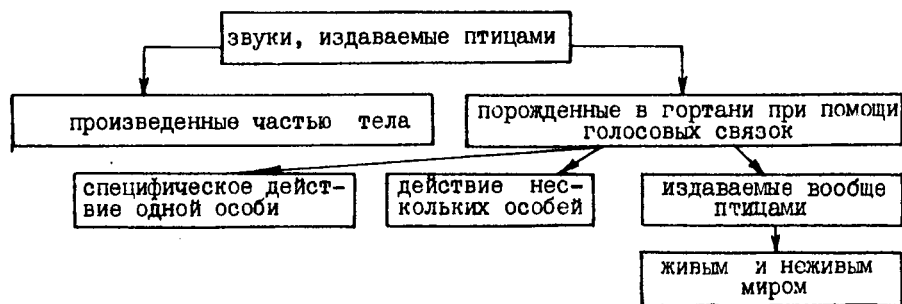
К третьей подгруппе относятся глаголы, выражающие звуки, издаваемые птицами, животными, человеком и т.д. Глаголы данной подгруппы не дифференцируют источник звучания, а лишь отмечают принадлежность глагола к исследуемой подгруппе (т.е. к обозначающим звуки, издаваемые птицами). Например: *quall* - пронзительно кричать; *scream* - пронзительно кричать; *shriek* - пронзительно кричать; *yell* - кричать; *shout* - кричать; *clamour* - кричать; *cheer* - пищать; *squeak* - пи-

щать; уawp - пищать; peek - пищать; trill - выводить трели; warble - издавать трели; chirp - издавать трели; sing - петь; pipe - петь; cry - издавать звуки; creak - издавать звуки.

Таким образом, семой, объединяющей исследуемые глаголы, является "производитель действия". Отличие же проявляется в количественной характеристике данного производителя (либо одна или несколько особей, либо класс в целом). Сказанное позволяет предположить, что эти глаголы объединяются семами "производить или издавать звук" и "способ производства действия". Как в английском, так и в русском языке особую роль для определения значения глагола имеет ситуация общения.

На основе изложенного классификацию исследуемой группы по источнику звука (шума) можно представить следующим образом:

Глаголы обозначают

Итак, анализ показал, что звук (шум) возникает в результате движения, в результате действия субъекта или посредством движения частей его тела. Глаголы исследуемой группы объединены по семе "издавать или производить звук". Разделение их на 2 подгруппы осуществлено на основании семы "способ производства действия". В свою очередь подгруппа, определяемая звуками, порожденными при помощи голосовых связок, объединяется по семе "производитель действия" и дифференцируется в зависимости от количественных характеристик производителя действия. От источника звука (шума) зависит динамика значения исследуемого глагола, а именно: в самом значении имеется указание на единичный субъект, на один или несколько субъектов, либо проявляется расплывчатость значения с указанием только ЛСГ глаголов. В данном случае лишь текст или ситуация общения позволяет правильно употребить глагол в том или ином значении.

Л и т е р а т у р а

1. Авалиани П.Н. ЛСГ глаголов звучания в современном английском и русском языках // Исследования по романо-германской филологии. Киев, 1975.
2. Супрун А.Е. Лекции по лингвистике. Минск, 1980.

Д.А.Меленчук, Л.А.Булаева

КАТЕГОРИЯ ДЕЙКТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И МОЛДАВСКОМ ЯЗЫКАХ

В английском, русском и молдавском языках категория дейктической идентификации (ДИ) выражается грамматическими, лексическими и лексико-грамматическими средствами [2, с.126]. Определенную роль в реализации данной категории играют контекст (лингвистический и экстралингвистический) и просодические средства. Основными средствами выражения категории ДИ в исследуемых языках являются артикли (в английском и молдавском), местоимения, прилагательные и в какой-то степени числительные, предлоги, наречия и частицы.

Категория ДИ, состоящая из форм определенной, неопределенной ДИ и ДИ обобщения, выражается в наиболее чистом и абстрактном виде артиклями. В английском языке существуют три артикля: определенный, который показывает, "что обозначаемый существительным предмет мыслится как известный и конкретный, выделяемый из класса однородных с ним предметов" [2, с.54]; неопределенный - показывающий, "что обозначаемый существительным предмет мыслится только как принадлежащий к данному классу предметов" [2, с.53-54]; нулевой артикль "представляет данный предмет в виде обобщенного обозначения всех предметов этого класса" [2, с.54]. В молдавском языке выделяются также притяжательные и указательные артикли. В английском и молдавском языках маркированные артикли восходят к местоимениям, утратившим первоначальные значения и в настоящее время выполняющим абстрактные грамматические дейктические функции. Они практически превратились в своего рода грамматические аффиксы, которые образуют с определяемыми единицами общие аналитические или синтетические (в молдавском языке) структуры. Только в редких случаях сохраняется оттенок первоначального лексического значения. Молдавские артикли характеризуются способностью выражать целый ряд грамматических категориальных форм: род, падеж, число, притяжательность.

В русском языке артикли отсутствуют, но это не означает, что категория ДИ в нем менее развита. Отсутствие артиклей компенсируется здесь применением других дейктических средств.

В данной работе представлен сопоставительный анализ категориальной формы определенной ДИ на этическом уровне. Приведем ряд примеров на материале английского и молдавского языков: 1. The lady came gaily back... (Twain); Бэций се ынтоарсерэ пе инсулэ весель ... (Твен). 2. The young man felt suddenly quite homesick. (Galsworthy); Де одатэ тынэрулуй и с'а фэкут дор де касэ. 3. Upon leaving him on the night of our adventure, he solicited me, in what I thought an urgent manner, to call upon him very early the next morning (Poe); Ын ноаптя ачея, луынду-шь рэмас бун де ла мине, м'а ругат, ши пе кыт ми с'а пэрут, фоарте стэруитор, сэ вин ла ел а доуа зи диминяцэ кыт май девреме (По).

В первом и втором сочетаниях определенная ДИ выражена определенными артиклями и контекстом. В третьем примере в английском варианте определенная ДИ усиливается другим идентификатором – определением, входящим в группу существительного. В молдавском переводе в "а доуа зи диминяцэ" используются сразу три идентификатора: притяжательный артикль "а" (теряющий значение притяжательности перед порядковыми числительными), синтетический определенный артикль "а" и числительное в функции определения. Что касается сочетания "ын ноаптя ачея", то здесь также имеются три идентификатора: синтетический определенный артикль, указательное (адъективное) местоимение и предлог "ын". Следует отметить, что ряд предлогов, особенно в молдавском языке, способствует реализации категориальной формы определенной ДИ: 1) Peter sprang a couple of yards in the air, and then delivered a war-whoop and set off round and round the room, banging against furniture... (Twain); Питер сэри ын аер, скоасе ун урлет сэлбатик ши ынчепу о гоанэ турбатэ прин одае, избинду-се ку капул де мобилэ... (Твен). 2) A deep peal of thunder went rolling and thumbling down the heavens and lost itself in sullen rumblings in the distance (Twain); Ун тунет сурд рэсунэ, ростооголинду-се пе болта черулуй ши се перду ундева ын депэртаре, бодогэнинд супэрат (Твен). 3) He was near the river; Ел ера лынгэ рьу.

Из примеров видно, что предлоги (с артиклями и без них) в лингвистических и экстралингвистических контекстах могут способствовать усилению дейктической функции до возможности реализации категориальной формы определенной ДИ.

Указательный артикль в молдавском языке сохранил нюанс значения указательного местоимения. В наиболее чистом виде этот артикль

выражает определенную ДИ в составе грамматических форм превосходной степени, где сопоставим с английским определенным артиклем: 1) He is the best student in our group. Ел е чел май бун студент ын група ноас-трэ. 2) She was the most beautiful girl in the village. Еа ера ця май фрумоасэ фатэ ын сат.

Для реализации определенной ДИ используются указательные и притяжательные местоимения, притяжательный падеж (в английском языке) и притяжательный артикль (в молдавском): 1) A frightened look in Becky's face brought Tom to his senses and he saw that he had made a blunder (Twain); Фаца спериятэ а Бекей ый арэтэ кэ а дат греш (Твен). 2) But Tom's energy did not last (Twain); Дар зелул луй Том ну цину мулт (Твен). 3) I'll tell my big brother on you, and he can trash you with his little finger (Twain); Ам сэ те спун фрателуй меу май маре; каре нумай ку дежетул чел мик цэ-а траже о мамэ де бэтае! (Твен). 4) Tom was suffering in reality now, so and so much was his imagination working, and so his groans had gathered quite a genuine tone (Twain); Том суферя аму ку адеверат, атыт де виу лукра путеря са де имагинацие, яр ваетеле луй сунау фиреск (Твен). 5) This boy was well dressed (Twain); Бэятул ачеста ера бине ымбрэкат (Твен). 6) This functionary grasped it in a perfect agony of joy (Poe); Полицистул о ынхэцэ ын кулмя ферицирий... (По).

Анализ позволяет сделать вывод, что притяжательность является эффективным средством выражения определенной ДИ. В первом предложении притяжательный падеж соответствует в молдавском родительному падежу. В сочетании "фаца спериятэ а Бекей" видим два артикля (определенный "а" и притяжательный "а"), в "зелул луй Том" использованы два определенных артикля. Синтетический артикль опускается, когда определение находится перед существительным (а Бекей фацэ спериятэ). То же самое можно сказать о притяжательных местоимениях. В субстантивных группах "фрателуй меу", "путеря са де имагинацие" и "ваетеле луй" существительные употребляются с определенным артиклем, согласуясь с дейктическим значением притяжательных местоимений. Как отмечалось, синтетический артикль опускается, если определяющие слова стоят перед существительным (ал меу фрате), но при этом появляется притяжательный артикль "ал" - для усиления категориальной формы определенной ДИ.

В пятом примере указательное местоимение в постпозиции требует применения определяемого существительного с определенным артиклем. В препозитивном положении "ачеста" (как и другие определения) употребляется эмфатически, соответственно усиливается его дейктическая функция.

Нередки случаи, когда указательное местоимение не переводится на молдавский язык, но его лейктическое значение передается определенным артиклем. Подобные примеры легко перевести с указательным местоимением. Шестой пример переводится так: "Полицистул ачеста о ынхэцэ..." или "Ачест полицист о ынхэцэ..."

В зависимости от степени конкретизации существительного определением и от идентификационного значения лингвистического и социолингвистического макро- и микроконтекстов категориальная форма определенной ДИ может реализоваться без артиклей и местоимений. Например: Poor Huck stood abashed and uncomfortable not knowing exactly what to do or where to hide from so many unwelcoming eyes (Twain); Сэрманул Хек, фыстычит, ну се симця ын апеле луй,нештинд че сэ факэ ши унле сэ се аскулэ пе привириле душмэноасе (Твен). В молдавском переводе синтетический артикль перемещается в субстантивной группе в зависимости от положения определения. Так, Tom hailed the romantic outcast (Twain); Том ыл стригэ пе вагабондул романтик, но это может быть переведено и так: Том ыл стригэ пе романтикул вагабонд. Однако последний вариант стилистически отличается от первого.

Определенная ДИ может реализоваться и под воздействием экстралингвистических факторов: 1) Peter switched off the TV set, and went to the kitchen; Петер а оприт телевизорул ши с'а дус ла бука-тэрие. 2) There's something wrong with the refrigerator; Чева с'а ынтымлат ку фрижидерул. 3) The dining room was large enough; Суфражерия ера ындеажунс пе ынкэпэтоаре.

В этих примерах реализуется определенная ДИ, так как в современных условиях понятия "кухня", "телевизор", "холодильник" и т.д. воспринимаются как обозначение неотъемлемой части быта и не требуют уточнения. Некоторые предметы и явления настолько общеизвестны, что определенный артикль опускается. Экстралингвистический контекст и такие идентификаторы, как местоимения, предлоги и т.п., достаточны для реализации определенной ДИ. Например: Peter has just gone to school; Петер нумай че а плекат ла шкоалэ.

Относительно определенной ДИ в русском языке анализ фактологического материала показал, что ее выражение отличается от систем английского и молдавского языков. В определенном контексте можно установить некоторые соответствия между английским определенным артиклем the и русскими указательными местоимениями "этот", "тот": When he awoke next morning he knew at once that he was in possession of an exquisite secret and was quite different from the Turgis who had rubbed his eyes so often in that little room (Priestley); Проснувшись поутру, он тотчас вспомнил о своей чудесной тайне и встал совсем другим человеком, не похожим на того Тарджиса, который

так часто раньше с трудом пролирал глаза в этой самой тесной комнатке (Пристли).

Кроме того, в русском языке есть остатки (очень незначительные) системы грамматических средств выражения категории определенности и неопределенности. Это, например, связь формы прямого дополнения со знанием или незнанием предмета слушающим: форма винительного падежа указывает на знание, родительного - на незнание (Ср.: Дай мне деньги = Give me the money; Дай мне денег = Give me /some/ money).

Но дифференциация формы прямого дополнения в зависимости от определенности или неопределенности - только частный случай, обозначаемый небольшим количеством слов (имена вещественные).

В русском языке сохранились также остатки постпозитивного артикля - частица "-то", которая напоминает синтетический артикль в балканском ареале [подробнее см. I, с.123-124]. Например, -Н-па-а, мужики-то начинают понимать, где кто стоит и зачем. Не позорь сына-то (Горький). Но ее употребление ограничено стилистически - жанром разговорной речи. В настоящее время функция определенной ДИ этой частицы ослаблена и на первый план выдвигается функция интенсификации. Как и в случае синтетического артикля в молдавском и румынском языках, постпозитивная частица "-то" в русском языке может аффиксироваться не только к существительным, но и к другим частям речи. Но и в таких случаях "-то" служит идентификатором существительного (или местоимени., применяемого вместо существительного), одновременно являясь интенсификатором тех слов, к которым аффиксирована. Например, Мальчик-то хорошо учится! Мальчик учится-то хорошо! Мальчик хорошо-то учится! Ему-то ученик не нужен. Он-то хорошо плавает.

Определенная ДИ может реализоваться в русском языке также при помощи порядка слов в предложении и контекста: The pen was on the table; Ручка была на столе. (Здесь важен интонационный рисунок предложения.) В примере имеется в виду конкретная ручка - конкретизация достигается выдвижением существительного на первое место в предложении. Кроме макроконтекста, идентифицирующую функцию играет сочетание "на столе", т.е. микроконтекст. Изменив порядок слов, мы реализуем другую категориальную форму ДИ: На столе была ручка; A pen was on the table.

Исследование свидетельствует, что английские определенные идентификаторы соответствуют в русском языке различным местоимениям. Особый интерес вызывают местоимения "сам", "самый", которые функционируют как идентификаторы и как интенсификаторы: The director himself has come; Сам директор прибыл. Before the very departure he rang me up; Перед самым отъездом он мне позвонил; This is the best novel I have ever read. Это самый лучший роман, который я когда-либо читал.

"Самый" входит в структуру превосходной степени прилагательных. Здесь функция определенной ДИ слова "самый" довольно отчетлива. Чисто лексически определенная ДИ реализуется лексическими единицами типа "отличный", "наилучший", "грандиозный", "колоссальный" и др.

В русском языке, как и в английском, для выражения определенной ДИ важную роль играют местоимения (указательные, притяжательные, определительные): В этот вечер ее до такой степени занимал мистер Голспли, что он вытеснил из ее головы всех и все (Пристли); On this particular evening Mr. Golsple claimed her attention almost to exclusion of anybody or anything (Priestley).

Необходимо выделить и другие средства выражения определенной ДИ:

1. Притяжательное значение, выраженное грамматически или лексически: The cat's house has burnt; Кошкин дом сгорел. This is your book; Это ваша книга.

Отметим, что употребление имени существительного в притяжательном падеже в английском языке соответствует притяжательным прилагательным в русском.

2. Конструкция типа "Чем больше... тем...": The more he thought of it the angrier he became (Cronin); Чем больше он об этом думал, тем больше злился (Кронин).

3. Предлоги и предложные сочетания: The pen is on the table; Ручка на столе, This is the best student in the group. Это лучший студент в группе.

4. В русском языке, как в английском и молдавском, социолингвистический фактор также играет важную роль в реализации определенной ДИ: He switched off the TV set and went to bed; Он выключил телевизор и лег спать.

5. Числительные. Порядковые числительные, как правило, выражают категориальную форму определенной ДИ: On the fifth day they have arrived; На пятый день они приехали. The second car was parked near the shop; Вторая машина стояла около магазина.

Следует обратить внимание, что степень идентификации предмета зависит не от одного идентификатора. Как правило, их в предложении несколько. Кроме того, в контексте (узком и широком) имеется определенная информация, которая способствует усилению ДИ. Сравним, например, предложения, где идентификаторами существительного являются подчеркнутые элементы: They also caught the fragrance of the excellent cigar he was smoking (Priestley); Донсился до них и аромат порогой сигары, которую он курил (Пристли). The sight of him did not call up any particular ground (Priestley); Вид его не вызывал в воображении какого-нибудь подходящего фона (Пристли). The fact that he still

looked like the old Turgis, to whom nothing wonderful had ever happened, only made it all the more amusing (Priestley); Тот факт, что он сохранил внешний облик прежнего Тарлжиса, не испытавшего в жизни ничего необыкновенного, делал все еще более удивительным (Пристли).

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Отсутствие в русском языке системы артиклей не означает, что категория ДИ в нем менее развита, чем в английском и молдавском языках, где артикли представляют все категориальные формы: ДИ определенная и неопределенная, ДИ обобщенности.

2. В английском и молдавском языках превалируют грамматические средства выражения ДИ, в русском – лексико-грамматические и лексические.

3. Кроме артиклей, функцию определенной ДИ выполняют местоимения (указательные, притяжательные, определительные); прилагательные (качественные – в английском языке, качественные, притяжательные и относительные – в русском и молдавском); числительные, предлоги (выражающие пространственные и временные отношения). ДИ может быть также реализована в определенном лингвистическом и экстралингвистическом контексте, в зависимости от порядка слов в предложении и соответствующего просодического оформления высказывания.

Л и т е р а т у р а

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Ленинград, 1979.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
3. Дьрул А.М., Чобану А.И. Лимба молдовеняскэ литерарэ контемпоранэ. Кишинэу, 1970.

Т е к с т ы

Горький М. Мать. Элиста, 1976.

Кронин А. Цитадель. М., 1966.

По Е.Кэрэбушул де аур. Кишинэу, 1971.

Пристли Д.Б. Улица Ангела. М., 1960.

Твен М. Аventuraиле луй Том Сойер. Кишинэу, 1957.

Cronin A.J. The Citadel. М., 1964.

Galsworthy J. A Modern Comedy. V. 1-3. М., 1956.

Рое Е.А. The Murders in the Rue Morgue (in the book "Nineteenth Century American Short Stories"). М., 1974.

Priestley J.B. Angel Pavement. М., 1974.

Twain M. The Adventures of Tom Sawyer. The Adventures of Huckleberry Finn. М., 1956.

ПАРЕНТЕТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПРИЧИНЫ

В настоящее время общепризнано, что предложение является минимальной единицей коммуникации [4]. Для изучения функций частей сложноподчиненных предложений их необходимо исследовать в составе текста. Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать свойства придаточных предложений причины, выступающих в тексте в качестве парентетических внесений. В качестве текста мы рассматриваем сверхфразовые единства (СФЕ) [2].

Обычно свойством парентетичности обладают такие сложноподчиненные предложения, части которых неравноценны для функциональной перспективы сверхфразового единства. Эта неравноценность выражается в том, что связь сложноподчиненных предложений с текстом осуществляется посредством главного предложения (придаточное предложение причины в этом не участвует). Такие сложноподчиненные предложения мы определяем как сложноподчиненные с придаточными причины, выполняющими роль парентетических внесений в тексте. О.В.Александрова считает, что "не только слова, но и словосочетания и предложения могут играть роль парентетических внесений в тексте ... С точки зрения содержания внесения делятся на три категории: отсылки, экземплификации и делиберации" [1, с.53-54,33].

На основании исследования мы пришли к выводу, что эти три категории присущи и придаточным причины. Кроме того, нам удалось расширить их состав за счет категории уточнения, которая свойственна только придаточным причины. Такому распределению способствуют их семантические признаки.

Явным семантическим признаком сложноподчиненных предложений причины, относящихся к категории отсылки, является чаще всего предшествование действия, выраженного глаголом-сказуемым в придаточном предложении, действию глагола-сказуемого в главном предложении. Например: It's ^{HT} stupid of me to tell you this. I'm putting a reply into your mouth. But because I've been truthful so far, perhaps you'll believe me when I tell you that to lose her will be for me, the beginning of death. ^{HR} I'm not asking you to be "reasonable" or to be merciful. It's too big a word for my situation and anyway I don't particularly deserve mercy (Green).

В данном сверхфразовом единстве повествование ведется в плане настоящего неопределенного и будущего неопределенного времени. Придаточное причины выпадает из этого плана. Глагол-сказуемое прила-

точного причины употребляется в настоящем совершенном времени, что указывает на предшествование действия в придаточном предложении тем действиям, о которых ведется речь в СФЕ. Анализируя динамическую связь [5, 7] внутри данного СФЕ, видим, что три первых предложения относятся к гипертеме [3]. Они вводят известную информацию. Гипертема начинается после сложноподчиненного предложения, придаточное которого находится в положении препозиции по отношению к главному. Такое придаточное предложение мы относим к категории отсылки, так как оно адресует нас к предыдущей информации, к тому о чем шла речь в предшествующем контексте. Находясь в составе гипертемы, но отсылая нас к предыдущей информации, придаточное причины как бы вводит в первую побавочную тему. Мы определяем ее как T_1 . В устной речи такое придаточное "выпадает" из потока речи. Это происходит за счет того, что, с одной стороны, оно ограничено паузой комплетивной связи [6] внутри сложноподчиненного предложения, а с другой - преприцирующей паузой на уровне СФЕ.

В случае, когда видовременные формы глаголов-сказуемых в предложениях, образующих СФЕ, совпадают и отсутствуют явные грамматические показатели того, что придаточное относится к категории отсылки, в сложноподчиненном предложении как бы имплицитно присутствует элемент знания, указывающий на то, что придаточное относится именно к данной категории. Наиболее часто это встречается в научных текстах, поскольку здесь употребление видовременных форм не отличается таким разнообразием, как в художественной прозе. Например: The obvious routes are: (a, b, c, d). Of these routes (b) and (d) are eliminated because the record length of F is greater than that of E. ^{HT} Any route must involve E or F (The Computer Journal).

В данном СФЕ сложноподчиненное предложение с придаточным причины относится к гипертеме. Придаточное причины отсылает нас к предыдущей, знакомой нам информации. И хотя грамматически это не выражено, имплицитно в придаточном предложении присутствует элемент знания.

Используя придаточные причины, относящиеся к категории экзemplификации, автор акцентирует внимание слушателя (читателя) на каком-либо явлении, стараясь сделать его более доходчивым. В таких предложениях всегда имплицитно присутствует элемент for example. Так; The social origin of any family in Bursley might have been decided by the detail whether it referred to the Society as the Building Society or as the Club. Artisans called it "the Club" because it did resemble an old-fashioned benefit Club. ^{HT} Edwin heard in-

variably it was called "Club" at home and he called it "Club" and he didn't know why (Bennet).

Данное СФЕ состоит из трех сложных предложений. Сложноподчиненное с придаточным причины расположено в интерпозиции по отношению к другим предложениям СФЕ. Придаточное причины находится в постпозиции по отношению к главному. Связь сложноподчиненного предложения с предыдущим и последующим предложениями происходит посредством главного. Слово Club является звеном, соединяющим все предложения. Первые два преполняют информацию как известную, новая информация заключена в последнем предложении. Анализируя данное СФЕ с точки зрения коммуниктивно-динамической связи, видим, что к гипертеме можно отнести два первых предложения, последнее предложение образует гиперрему. Но сложноподчиненные предложения, входящие в состав гипертемы, не равноценны по коммуникативной нагрузке. Хотя придаточное причины и относится к гипертеме, относительно своего главного предложения оно несет сравнительно новую информацию. Ярким показателем этого является наличие в придаточном причины эмфатической конструкции *it did resemble* и неопределенного артикля перед сочетанием *an old-fashioned benefit Club*. Мы определяем такие предложения как входящие дополнительную рему в состав гипертемы и обозначаем ее как R_1 . Коммуникативная нагрузка в таких сложноподчиненных предложениях распределяется неравномерно. Основной упор падает на главное предложение, а придаточное причины лишь углубляет его. В устной речи такие придаточные как бы "выпадают" из потока речи за счет несовпадения пауз комплетивной связи сложноподчиненного предложения и паузы предикативной связи на уровне СФЕ.

В придаточных предложениях, относящихся к категории делиберации, присутствует элемент сомнения, неуверенности, предположения. Это может быть выражено при помощи различных грамматических и лексических форм, а также имплицитно. Например, *There were to be no more ^{HT}tornadoes in Alabama that spring. The second one - it was popularly thought to be the first to come back, for the people of Chilton County it had become a personified force, took a dozen houses and injured about thirty people. † But that ^{HR}time perhaps because ^{R1}everybody had developed some scheme of self-protection - there were no fatalities (Maugham).*

В таких случаях сложноподчиненное предложение с придаточным причины входит в состав гиперремы, но придаточное несет дополнительную информацию для своего главного, поэтому мы определяем его как дополнительную рему - R_1 . В устной речи такие придаточные также выпадают из общего звучания за счет несовпадения пауз комплетивной и предикативной связи.

Придаточные предложения причины, относящиеся к категории уточнения, можно определить как конструкции, в которых заключена второстепенная, попутная информация. В этих придаточных причинах приводится как бы факультативно и не влияет на содержание СФЕ, в состав которого входит. Такие придаточные не создают в высказывании нового информационного центра, а лишь поясняют, уточняют какие-либо элементы главного предложения: And Europeans, with all their superficial charm, were not "really" charming. They were materialistic they had no "real" soul. They just did not understand the inner urge of spirit, because the inner urge was dead in them. † They were all survivors. There, that was the truth about Europeans: they were survivors, with no more getting ahead in them (Laurence).

Анализируя данное СФЕ, имеющее в своем составе сложноподчиненное предложение с придаточным причины, которое мы относим к категории уточнения, видим, что придаточное причины входит в состав гипертемы СФЕ. Граница между гипертемой и гиперремой проходит за сложноподчиненным предложением. Весь абзац очень динамичен. Автор дает эмоциональную характеристику европейцам, привлекая для этого такие выражения, как superficial charm, really charming, materialistic, the inner urge. Придаточное причины как бы заканчивает ее, после чего автор делает вывод. Помимо смыслового аспекта на то, что гиперрема начинается после сложноподчиненного предложения, указывают лексические и грамматические характеристики: употребление существительного survivors без артикля, наличие эмфатической конструкции в последнем предложении: there, that was the truth.

Придаточное причины в данном СФЕ мы относим к категории уточнения, так как, по-нашему мнению, оно не несет новой информации, а лишь уточняет имеющуюся в главном предложении. На это указывает и тот факт, что если убрать данное придаточное из СФЕ, то общий смысл текста не изменится.

Рассмотрим пример: Soames was reserved about his affairs, but he must be getting a very warm man. He had a capital income from the business - for Soames, like his father, was a member of that well-known firm of solicitors, Bustard and Forsyte - and had always been careful. He had done quite unusually well with some mortgagees he had taken up. † There was no reason why Irene should not be happy... (Galsworthy).

Данное СФЕ состоит из четырех сложных предложений. Три первые мы относим к гипертеме СФЕ, на что указывает смысловой и лексический анализ. В этих предложениях речь идет об одном и том же лице -

Соумсе. В первом предложении используется имя собственное *Soames*, во втором и третьем оно заменяется местоимением *he*. Вилновременные формы глаголов-сказуемых полтврждают нашу точку зрения. Гиперрема выражается в последнем предложении, о чем свидетельствует и изменение лица, о котором идет речь, и наличие конструкции *there was*, по мнению многих лингвистов, являющейся показателем ремы.

Прилаточное причины входит в состав гипертемы ланного СФЕ. Мы относим его к категории уточнения, потому что оно не несет новой информации, а лишь уточняет подлежащее главного предложения. Эту мысль полтврждает и тот факт, что подлежащим в главном и прилаточном предложениях является одно и то же лицо. При исключении данного прилаточного из состава СФЕ его смысл не меняется. Прилаточное предложение причины находится в интерпозиции и выделяется при помощи тире. Интерпозиция по своей роли весьма эмфатична, в устной речи это выражается определенными просопическими средствами, поэтому нет необходимости в том, чтобы ланное прилаточное ограничивалось препицирующей паузой.

Прилаточные причины, относящиеся к категории уточнения, могут входить в состав не только гипертемы, но и гиперремы, как в следующем примере: *Her son was nine years old. How could he be expected to remember her? She could not bear to think that he would grow up and forget her, forget her utterly; and she loved him so passionately, because he was weakly and deformed, and because he was her child* (Bennet).

В письменной речи отличительной характеристикой прилаточных предложений причины, относящихся к категории уточнения, является то, что они отделяются от главного знаками препинания (запятой, точкой с запятой, тире).

Итак, анализ показал, что в сверхфразовых единствах, имеющих в своем составе сложноподчиненные предложения с прилаточными причинами, выступающими в качестве парентетических внесений, последние распределяются по четырем категориям: отсылки, экзemplификации, пелиберации и уточнения. Большинство сложноподчиненных предложений с прилаточными причинами имеют прилаточные, относящиеся к категории уточнения. Прилаточные причины, относящиеся к парентетическим внесениям, вычленяются в потоке звучащей речи посредством пауз. С одной стороны это пауза комплетивной связи, с другой — препицирующая пауза. В письменной речи такие прилаточные почти всегда выделяются знаками препинания.

Л и т е р а т у р а

1. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. М., 1984.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
3. Вайсбург С.А. Прагматический аспект актуального членения устного монологического высказывания // Некоторые аспекты синтактики и прагматики текста в романо-германских языках. Грозный, 1984.
4. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981.
5. Лыкина Е.В. Динамический синтаксис в стихотворной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
6. Пополук Т.Н. Формы и функции сложноподчиненных предложений с придаточными причины в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
7. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М., 1959.

Т е к с т ы

- Bennet A. Clayhanger. London, 1975.
- Galsworthy J. The Forsyte Saga. Book One. The Man of Property. М., 1974.
- Green G. The Quite American. М., 1959.
- Lawrence D.H. Odour of Chrysanthemums and Other Stories. М., 1977.
- Maugham W.S. The Painted Veil. М., 1981.
- The Computer Journal. Vol. 16. No. 1. New York. 1973.

В.М.Шингирей

ВАРИАТИВНОСТЬ ФОРМ АНГЛИЙСКОГО ИНФИНИТИВА В ИМЕННЫХ ФУНКЦИЯХ

Как известно, современный маркированный инфинитив выполняет в предложении все именные функции: подлежащего в обоих вариантах, т.е. в начальной позиции и в конечной - при вводном *it*, именной части сказуемого, дополнения, определения, обстоятельства [1, p.144, 148-153, 161-166; 2, p.77-78].

Сфера синтаксических употреблений современного маркированного инфинитива расширилась по сравнению с таковой древнеанглийского периода, но лишь за счет увеличения количества именных функций. К синтаксической сфере маркированного инфинитива отошли две именные

функции древнеанглийского немаркированного инфинитива - подлежащего и дополнения.

Сохранение сильного именного начала в природе маркированного инфинитива и его способность занимать вторичные для глагола синтаксические позиции свидетельствуют о сниженном уровне глагольности в этой форме инфинитива и о его значительном удалении от ядра поля глагола. Для немаркированного инфинитива с сузившимся диапазоном употреблений по сравнению с древнеанглийской формой без предлога *to* характерной синтаксической функцией стало употребление после модальных глаголов, т.е. вхождение в предикатное ядро предложения.

Анализ фактического материала позволил выявить случаи варьирования маркированной (с *to*) и немаркированной (без *to*) форм инфинитива в именных функциях.

Так, в позиции дополнения после глагола *help* может появляться как маркированный, так и немаркированный инфинитив. Например: *They now worked together in a harmony that the older girl, to give her her due, had helped to foster in various small ways, including, one day, a suggestion that they might share an evening at the cinema (Bars). That way you only help breed them (Fowles).*

Различное соотношение частотности употребления немаркированной и маркированной форм инфинитива в данной синтаксической функции в жестко обусловленной дистрибуции после глагола *help* однозначно определяется территориальной принадлежностью текста. Немаркированная форма более употребительна в американском варианте английского языка. Диахронический анализ употребления обеих форм инфинитива после *help* в британском варианте свидетельствует о том, что немаркированная форма занимает все более прочные позиции. Очевидно, определенную роль в активности немаркированной формы инфинитива сыграл экстралингвистический фактор - влияние американского варианта. Допустимо в качестве причины активности немаркированной формы и предположение о действии принципа так называемой экономии языковых средств, характерного в настоящее время для германских языков.

В сфере функции обстоятельства обнаруживается варьирование маркированного и немаркированного инфинитивов после *but* и *except*: *Your father could afford to keep on buying property but never to give me a home (ThAP); I've done nothing but walk (Fowles); Old Sally didn't talk much, except to rave about the Lunte, because she was busy rubbering and being charming (Salinger); I mean I didn't have to do any work in English at all hardly, except write compositions once in a while (Salinger).*

В случаях варьирования маркированного и немаркированного инфинитивов после *but* и *except* обнаруживается контекстуальная обуслов-

ленность выбора формы инфинитива. Так, в предложениях, содержащих глагол do, как правило, после but и except употребляется немаркированный инфинитив: I didn't do nothing in there for forty minutes but try and let him stay (Hemingway); Aokley never did anything on Saturday night, except stay in his room and squeeze his pimples or something (Salinger).

В данных дистрибутивных условиях маркированный инфинитив встречается очень редко: The two women had little to do during the long hours they were alone but to talk (Mangham); I don't know what there is to do in a place like this except to get soused (Maugham).

Обе формы инфинитива могут появляться и в функции обстоятельства сравнения после than и rather than. Так, I'd rather be bald than do it (Salinger); "I misdoubt", says I, "if any woman ever helped a man to secure a job any more than to have his meals ready promptly and spread a report that the other candidate's wife had once been a shoplifter" (Henry). 2) "There was martyre in old times," goes on Bill, "that suffered death rather than give up the particular graft they enjoyed (Henry). If, rather than to marry County Paris, Thou hast the strength of will to slay thyself... (Shakespeare).

Если в предложении есть глагол do, варьирование инфинитивов после than исчезает, употребляется только инфинитив без to: She could think of nothing better to do than go to the Archbishop, her trusted friend and former confessor, and beg him himself to reason with the infatuated girl (Maugham); As to the arms I cannot do better than put down a list of whose which we finally decided on from among the ample store that Sir Henry had brought with him from England, and those which I had (Haggard); There were at least a couple of hundred rubbernecks that didn't have anything better to do than stand around and watch everybody falling all over themselves (Salinger).

Предложения с инфинитивом после but, except, than, rather than ввиду малочисленности представляют собой маргинальную область в сфере функционирования инфинитива в позиции обстоятельства. Надо полагать, что на появление немаркированного инфинитива здесь значительно влияет глагол do.

Немаркированный инфинитив может употребляться и в функции предикатива, но лишь в одной, строго ограниченной, лексико-грамматической структуре предложения: при подлежащем all, the better thing, the best thing, the one thing, the only thing, everything, what с

определением или атрибутивным предложением, содержащим do. Например: All he did was lie on his bed, practically (Salinger); All you have to do is not give him the message (Hemingway). The best thing to do is stay at the table and just get drunk with her (Salinger); The one thing I hate to do is go to bed when I'm not tired (Salinger); What you really wanted to do was be a terrific lawyer (Salinger).

Эта лексико-грамматическая структура открыта и для маркированного инфинитива: I gave her an opening at once and then all I had to do was to make suitable interjections (Maugham); The only thing to do is to portion out the day to different activities, visits (Maugham).

Таким образом, данная лексико-грамматическая структура предложения является областью варьирования обеих форм инфинитива. Однако, поскольку предложения этой лексико-синтаксической модели весьма немногочисленны по сравнению с предложениями других структур, содержащими в позиции предикатива только маркированный инфинитив, их можно рассматривать как дополнительную сферу функционирования инфинитива в позиции предикатива. По всей вероятности, здесь не произошло еще окончательного разграничения между формами инфинитива. Очевидно, что важным фактором появления в этой лексико-грамматической модели предложения немаркированного инфинитива служит глагол do. Данное предположение подтверждается сходными лексико-грамматическими структурами, всегда закрытыми для использования немаркированного инфинитива в позиции предикатива. Это, прежде всего, структуры, имеющие подлежащие, семантически адекватные подлежащим в предложениях с do, но где в позиции определения к подлежащему глагол do либо опущен, либо употребляется глагол другой семантики. Например: They say that vice is inevitable and consequently the best thing - - - is to localize and control it (Maugham); Obviously the only way to make people realise that an action is sinful is to punish them if they commit it (Maugham).

Остается сферой варьирования обеих форм инфинитива с отрицательной частицей not и позиция второстепенного однородного члена предложения: простое и сложное дополнение. Например: I told her to meet me under the clock at the Biltmore at two o'clock, and not to be late (Salinger). I completely forgot I was going to snack up in a hotel for a couple of days and not go home till vacation started (Salinger); I knew my mother'd get nervous at hell and start to cry and beg me to stay home and not go back to my cabin, but I'd go anyway (Salinger),

Для определения частотности употребления обеих форм инфинитива в именных функциях была сделана выборка фактического материала из 55 произведений английских, американских и австралийских авторов. Исследование 36.600 предложений дало следующие результаты:

Подлежащее		Дополнение		Определение		Обстоятельство		Предикатив	
с to	без to	с to	без to	с to	без to	с to	без to	с to	без to
I203	—	I0370	I37	5088	—	I8132	I04	I470	96

Как видим, ведущей именной функцией инфинитива является функция обстоятельства. А резкий перепад в числе употреблений маркированной и немаркированной форм инфинитива в функции обстоятельства позволяет сделать вывод, что для этой именной функции нехарактерно употребление немаркированной формы. Малочисленны примеры немаркированного инфинитива и в предикативной функции. Полностью отсутствуют они в функции подлежащего и определения.

Анализ вариативности маркированного и немаркированного инфинитивов в функциях дополнения, обстоятельства и предикатива свидетельствует, что появление немаркированной формы в этой сфере всегда обусловлено либо территориальной принадлежностью текста (с глаголом *to help*), либо синтаксической структурой предложения (после *but, except, than, rather than, do* и отрицательной частицы *not*).

Количественное соотношение случаев маркированного и немаркированного инфинитивов в сфере именных функций доказывает высокую степень употребительности маркированного инфинитива. Следовательно, хотя обе формы инфинитива генетически восходят к древнеанглийскому имени, немаркированный инфинитив находится в маргинальной области сферы именных его функций. Очевидно, частица *to* — маркер именной природы инфинитива.

Л и т е р а т у р а

1. Close R.A. A Reference Grammar for Students of English. M., 1979.
2. Gordon E.M., Krylova I.P. A Grammar of Present-Day English. M., 1974.

Т е к с т ы

- Hemingway E. Fiesta. The Sun Also Rises. M., 1981.
Fowles J. The Ebony Tower. Eludio. The Enigma. M., 1980.
Haggard H.R. King Solomon's Mines. M., 1973.
Maugham S. Collected Short Stories. N-Y., 1977.
Henry O. Selected Stories. M., 1977.
Shakespeare W. Romeo and Juliet. M., 1959.
Three American Plays (ThAP). M., 1972.
Salinger J.D. The Catcher in the Rye. M., 1979.

СОДЕРЖАНИЕ

АКСЕНТИЙ Е.С. К определению словообразовательного значения.....	3
БАНАРУ В.И., ГОНЧАРОВ Е.В. Залог как языковое средство пространственной характеристики действия.....	9
БОНДАРЕНКО А.Ф., МАЛАКИ С.Г. Предложение тавтологического тождества.....	13
БУЛГАК Е.И. К синтагматике контраста.....	19
БЫРКА М.Г. Тематическая речь в системе способов не прямой передачи чужого высказывания.....	23
ГРИГОРЬЕВ В.А. Семантическая структура местоименных риторических вопросов.....	28
ДРАГАН Е.В. Преморфологические глагольно-субстантивные образования: их функционирование в речи.....	32
✓ ДУМБРЭВЯНУ И.М. О словообразовательной сочетаемости и продуктивности префиксоидных формантов.....	36
ЗБАНЦ Л.П. Структурно-семантическая роль дистанцирующих элементов в рамках синтаксического блока сказуемого во французском языке.....	43
КУНИЦКАЯ Н.В., МЕЛЬНИК В.Ф., ДАНИЛОВ Б.С. Функционально-семантическая динамика соматических лексем в составе фразеологических единиц....	48
МАНОЛИ И.З. Стилистика заглавий, выраженных потенциальным словом.....	55
МОЦДОВАНУ Г.К. Регулярная семантическая деривация исходных лексем комплексных деривационных парадигмы (на материале глаголов передвижения в пространстве).....	60
МОРАРУ Л.И. Некоторые особенности мотивированности значений паронимов-прилагательных.....	68

МОРАРУ С.И. К вопросу о словообразовательной вариантности имен существительных в современном французском языке.....	
МОРАРУ Ю.С. Опыт применения психолингвистического критерия для квалификации прерывистых синтаксических построений устной речи (на материале современного испанского языка).....	79
СЕКРИЕРУ Б.М. Прилагательные в функции обособленного определения.....	84
✓ СКУТЕЛЬНИЧУК В.М. Словообразовательная многозначность префиксальных глаголов французского языка.....	91
ТЕРТЯ А.С. Соотношение временных значений страдательного и действительного залогов во французском языке.....	97
ЧИНЧЛЕЙ Г.С. Эпидигматическое отношение как основа коннотации	101
АЛХАЗОВА Н.Д. Адъективная валентность английских односложных глагольных основ.....	108
ВЫЗДОГА Л.К. Дифференциация значений глаголов звучания в английском и русском языках.....	114
МЕЛЕНЧУК Д.А., БУЛАЕВА Л.А. Категория действительной идентификации в английском, русском и молдавском языках.....	120
ПОДОЛЮК Т.Н. Парентетические свойства придаточных предложений причины.....	127
ШИНГИРЕЙ В.М. Вариативность форм английского инфинитива в именных функциях.....	132